

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

АКАДЕМИЯ НАУК
И АРХЕОЛОГИЯ В РЕГИОНАХ:
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И СОТРУДНИЧЕСТВО
(К 300-ЛЕТИЮ РАН)

МАТЕРИАЛЫ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ

ИНСТИТУТ
АРХЕОЛОГИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ARCHEOLOGY

THE ACADEMY OF SCIENCES
AND ARCHAEOLOGY IN THE REGIONS:
INTERACTION AND COOPERATION
(for the 300th Anniversary
of the Russian Academy of Sciences)

MATERIALS OF A SCIENTIFIC CONFERENCE
WITH INTERNATIONAL PARTICIPATION
April 8–10, 2025

Moscow, 2025

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

АКАДЕМИЯ НАУК
И АРХЕОЛОГИЯ В РЕГИОНАХ:
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И СОТРУДНИЧЕСТВО
(к 300-летию РАН)

МАТЕРИАЛЫ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ
8–10 апреля 2025 г.

Москва, 2025

УДК 902/903
ББК 63.4
А38

Утверждено к печати Ученым советом ИА РАН

Ответственный редактор:
к.и.н. И.А. Сорокина

Рецензенты:
д.и.н. Ш.Н. Амиров
д.и.н. Ю.Б. Цетлин

Академия наук и археология в регионах: взаимодействие и сотрудничество (к 300-летию РАН). Материалы Международной научной конференции / Отв. ред. И.А. Сорокина. М.: Институт археологии РАН, 2025. – 96 с.

ISBN 978-5-94375-462-3

Настоящее издание представляет собой сборник материалов, подготовленных к Международной научной конференции «Академия наук и археология в регионах: взаимодействие и сотрудничество (к 300-летию РАН)», (Москва, 8–10 апреля 2025 г.). В статьях представлены материалы, отражающие различные формы взаимодействия академической и региональной археологии. В качестве субъектов академической археологии рассматриваются не только центральные учреждения (Институт археологии и Институт истории материальной культуры в Москве и Санкт-Петербурге/Ленинграде), но и институты отделений Академии, а также предшествующие их созданию учреждения (в частности, Государственная академия истории материальной культуры), филиалы Академии наук и региональные учреждения. Ряд докладов освещает работу академических учреждений стран СНГ. Хронологические рамки охватывают период от основания Российской академии наук до второй половины XX в.

Сборник представляет интерес для археологов, историков, краеведов и для всех, кто интересуется историей отечественной науки.

УДК 902/904
ББК 63.4

ISBN 978-5-94375-462-3

DOI: 10.25681/IARAS.2025.978-5-94375-462-3

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт археологии Российской академии наук, 2025
© Авторы докладов (фамилии выделены в содержании), 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	7
Алкин С.В. Археология Восточного Забайкалья в академических исследованиях: от Мессершмидта до современности	10
Арефьев А.Е. Круг общения Г.А. Авраменко (по материалам переписки с научным сообществом)	12
Бегунова В.В. Академия наук СССР и краеведческие организации Смоленска: опыт взаимодействия в изучении памятников археологии (середина 1950-х – начало 1960-х гг.)	14
Белозёрова И.В., Демирова Н.И. Вехи биографии Б.А. Рыбакова: от студента до академика (по материалам ОПИ ГИМ)	16
Бессуднов А.Н. Роль академических учреждений в изучении археологического наследия Верхнего Дона (советский период)	18
Бойко А.Л. Древности Дона и исследования Академии науки и ее учреждений: от описаний к исследованиям	21
Бухарин М.Д. Становление археологии в Таджикской ССР и поиск национальной идентичности таджикского народа в 1920-х – начале 1950-х гг.	23
Вайтович А.В. «Положительным фактом является связь, установленная этой секцией с Гаимкой, Академией наук СССР»: страницы истории белорусской советской археологии 1920-х – 1930-х годов	26
Галкин Т.О. «...Если разрешить раскопку курганов, то непременно нужно отвечать за это...»: биография и научные труды С.И. Бочарникова (Зарайск)	29
Жукова Е.Н. Деятельность по составлению свода памятников истории и культуры в Калининском государственном университете (1970-е – 1980-е гг.)	31
Застрожнова Е.Г. «К вопросу о ликвидации ГАИМК и созданию Археологического института при Академии наук»: заявление В.И. Равдоникаса и П.П. Ефименко (1936 г.)	33
Захарова. Е.Ю. Пётр Дмитриевич Либеров: четверть века на воронежской земле	36
Китова Л.Ю. Образование СО АН СССР и его роль в формировании научной археологической школы в г. Кемерово	38
Коротаев А.В. Исследования сотрудников Ленинградского отделения ИА РАН на территории Ненецкого автономного округа в 1980 – 1990-е гг. и их вклад в развитие археологии региона	41
Кузьминых С.В., Белозёрова И.В. А.Я. Брюсов и его роль в развитии отечественной археологии	43

Медведева М.В., Кашуба М.Т. Непростая судьба «Археологической карты Причерноморья»: от первых шагов местных исследователей до полной публикации в издательской серии ИИМК РАН	45
Мельникова О.М. Феномен юбилея: исследовательские возможности в изучении истории археологии	47
Паршикова Т.С. Роль академических научных учреждений в развитии археологии Алтая (1940–1970-е гг.)	51
Руденко К.А. Роль академических институтов в формировании и развитии казанской археологии (XVIII – 80-е гг. XX в.)	53
Савенко С.Н. Роль ученых российских академических учреждений в выявлении, учете и изучении памятников археологии Кавминвод в 1950-х – 1980-х	55
Стефанович А.В. Труды членов Императорской Академии наук по археологии в фондах ЦНБ НАН Беларуси	58
Тихонов И.Л. Отдел археологии МАЭ (ИАЭ) АН СССР в 1930-е гг. (по материалам Санкт-Петербургского филиала Архива РАН)	63
Ткачѳв А.Н. Участие кубанских археологов в академических экспедициях 1940–1950-х годов	66
Тубаев М.А. Роль ученых ГАИМК в изучении археологических памятников в Кабардино-Балкарии в 20 – 30-х гг. XX в.	69
Тункина И.В. Сокровища академического архива в Санкт-Петербурге	72
Тункина И.В. Собрание эстампажей Русского археологического института в Константинополе (к 130-летию РАИК)	74
Чемодуров Н.Н. «Мы все были рады увидеть Ваше имя в числе новых академиков»: И.И. Мещанинов и археологи УССР в 1920 – 1930-е гг.	77
Шумкин В.Я. Роль Академии наук в развитии гуманитарных знаний на Кольском полуострове	80
Юрецкий С.С. Археологическая наука в Институте истории АН БССР в годы первой послевоенной пятилетки	84
Юрочкин В.Ю. Создание Крымской научно-исследовательской базы АН СССР и археология послевоенной эпохи	86
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	89
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	91

ВВЕДЕНИЕ

История археологической науки в России в последние десятилетия постепенно стала самостоятельной субдисциплиной, что обусловлено постоянно повышающимся интересом к этой области знания в среде профессиональных археологов. Большую роль в этом играют архивные изыскания – неисчерпаемый источник информации обо всех периодах развития нашей науки. Особенно важно то, что постепенно археологи обращаются не только к фондам крупных центральных или ведомственных архивов, но и к документам, хранящимся в региональных архивах, хранилищах археологической документации в университетах, музеях, исследовательских институтах. Архивные материалы дают новые данные о тех или иных явлениях в науке, а также позволяют пересмотреть ранее сложившиеся представления, изложенные в археолого-историографических трудах, разделах специальной и учебной литературы.

Как особая субдисциплина история археологии имеет отдельные направления. Наиболее известное – изучение истории археологических исследований и развития науки в отдельных регионах. Все большее внимание привлекают сами ученые и их роль в науке, история формирования государственных и общественных институтов, их вклад в становление современной археологии, история взаимоотношения науки и власти, науки и общества. Выделяется история парадигм научного знания, как в общетеоретическом аспекте, так и в области конкретных разделов археологии.

В настоящее время проблемами истории археологии занимается уже большой отряд исследователей из разных центров академической и университетской науки. Хотя многие находятся в дистанционном контакте благодаря современным средствам связи, есть потребность во встречах, личном общении и обмене информацией. Такое общение оказалось возможным благодаря проведению серии тематических научных форумов, посвященных истории археологической науки в Институте археологии, в Москве. В феврале 2013 г. Отдел теории и методики Института археологии РАН организовал Круглый стол «История археологической науки для настоящего и будущего», получивший высокую оценку докладчиков и слушателей. Обсуждались следующие темы: обоснование необходимости развития этой области археологии для успешного решения теоретических и практических вопросов современной камеральной и полевой археологической деятельности; определение проблем и направлений исследований в области истории археологии и историографии. Конференция «Ученые и идеи: страницы истории археологического знания» состоялась в 2015 г. и продолжила уже на более высоком уровне и в более широкой аудитории обсуждение роли истории археологии в целом и ее отдельных проблем. В 2017 г. отмечалось 100-летие российских революций, обусловивших переломный момент в развитии не только государства, но и всех областей социально-экономического развития. Влияние революционных событий и последующих преобразований на развитие археологической науки обсуждалось на конференции «1917 год: российская археология на переломе эпох» (апрель 2017 г.). В 2019 г. состоялась конференция «У истоков советской археологии: организации и учреждения археологического профиля в новых реалиях», посвященная изучению процесса формирования и функционирования институций археологического профиля в 1920–1930 гг. В 2021 г. к очень печальной дате – началу Великой Отечественной войны – была приурочена конференция «Советская археология до и после Великой Отечественной войны (вторая половина 1930-х – конец 1940-х годов)». Доклады освещали тяжелый период существования и науки, и ученых, многие из которых погибли или перенесли тяготы эвакуации и последующего возвращения к мирной жизни. Еще одно важное направление – формирование научных школ. Это явление на слуху у специалистов – мы ведь все относим себя к той или иной научной школе. Специально его обсуждали историки археологии в 2023 г. на конференции «У истоков советских археологических школ (1918–1950)».

Следует отметить и возрождение в 2015 г. начатого в 1991 г. серийного издания «Очерки истории отечественной археологии» (см. список литературы). Авторами статей являются как участники перечисленных выше конференций, так и приглашенные исследователи. Публикуются материалы по археологии регионов, в основе которых данные из центральных и местных архивов, а также статьи, освещающие жизненный и научный путь археологических сообществ и отдельных ученых. Присутствуют и работы теоретического и методического аспектов.

Конференция 2025 г. посвящена 300-летию Академии наук, состоявшемуся в 2024 г. В России Академия наук была создана по распоряжению императора Петра I¹. Обойти вниманием эту дату историки науки не могут, поэтому следующую после 2023 г. из проводимых раз в два года в ИА РАН конференций по истории археологии было решено приурочить к этому событию.

Настоящий сборник включает небольшие статьи, представляющие собой содержательную часть предложенных конференции докладов ученых из российских академических, музейных учреждений и вузов: Барнаула, Воронежа, Ижевска, Казани, Кемерово, Краснодара, Красноярска, Липецка, Москвы, Нальчика, Зарайска, Новосибирска, Пятигорска, Ростова-на-Дону, Санкт-Петербурга, Симферополя, Смоленска, Твери. В числе участников конференции также белорусские коллеги (из Минска). Тематика разнообразна. Основной блок – практическое развитие археологии в регионах в контактах с академическими учреждениями, анализ взаимодействия последних с местными археологическими сообществами и организациями. Географический охват широк: от Беларуси на западе до Забайкалья на востоке и от Заполярья на севере до Крыма и Кавказа на юге. Рассмотрена и роль отдельных исследователей в развитии как академической, так и региональной археологии. Есть статьи, представляющие архивные и библиотечные фонды, и даже такой необычный и малоизвестный источник, как эстампажи, значение которых для изучения древних надписей трудно переоценить.

Надеемся, что конференция «Академия наук и археология в регионах: взаимодействие и сотрудничество (к 300-летию РАН)», ее материалы и сама дискуссия вызовут интерес археологов, историков, архивистов, музейщиков и будут способствовать дальнейшему развитию нашей субдисциплины – истории археологической науки.

ЛИТЕРАТУРА

Очерки истории отечественной археологии

- Очерки истории русской и советской археологии / Отв. ред. В.И. Гуляев, А.А. Формозов. М.: Наука, 1991. 162 с.
- Очерки истории отечественной археологии. Вып. II / Сост. А.А. Формозов / Отв. ред. А.А. Формозов, И.С. Каменецкий. М.: ГИМ, 1998. 232 с.
- Очерки истории отечественной археологии. Вып. III / Сост. А.А. Формозов / Отв. ред. И.С. Каменецкий, А.А. Формозов. М.: ИА РАН, 2002. 196 с.
- Очерки истории отечественной археологии. Вып. IV / Отв. ред. П.Г. Гайдуков, И.В. Тункина. М.: ИА РАН, 2015. 266 с.
- Очерки истории отечественной археологии. Вып. V / Отв. ред. выпуска И.А. Сорокина. М.: ИА РАН, 2019. 456 с.
- Очерки истории отечественной археологии. Вып. VI / Отв. ред. выпуска И.А. Сорокина. М.: ИА РАН, 2022. 532 с.

¹ Об учреждении Академии... // Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. СПб., 1830. Т. VII. 1723–1727. С. 220–224.

Материалы конференций по истории археологической науки

- Ученые и идеи: страницы истории археологического знания / Тезисы докл. Междунар. науч. конф. 24–25 февраля 2015, Москва / Сост. С.В. Кузьминых, А.С. Смирнов, И.А. Сорокина / Отв. ред. П.Г. Гайдуков, И.В. Тункина. М.: ИА РАН, 2015. 72 с.
- 1917 год: российская археология на переломе эпох / Отв. ред. И.А. Сорокина / Материалы междунар. науч. конф. 4–6 апреля 2017, Москва. М.: ИА РАН, 2017. 92 с.
- У истоков советской археологии: организации и учреждения археологического профиля в новых реалиях / Отв. ред. И.А. Сорокина / Материалы Междунар. науч. конф. 26–27 февраля 2019, Москва. М.: ИА РАН, 2019. 64 с.
- Советская археология до и после Великой Отечественной войны (вторая половина 1930-х – конец 1940-х годов) / Отв. ред. И.А. Сорокина / Материалы Междунар. науч. конф. 6–8 апреля 2021, Москва. М.: ИА РАН, 2021. 84 с.
- У истоков советских археологических школ (1918–1950) / Материалы Междунар. науч. конф. 4–6 апреля 2023, Москва. М.: ИА РАН, 2023. 88 с.

Д.С. Коробов, И.А. Сорокина
(Москва)

С.В. Алкин
(Новосибирск)

АРХЕОЛОГИЯ ВОСТОЧНОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ В АКАДЕМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ: ОТ МЕССЕРШМИДА ДО СОВРЕМЕННОСТИ¹

Вхождение Восточного Забайкалья (Даурии) в состав Российского государства стало результатом завоевания Сибири и дальнейшего продвижения русских на Восток. Территориальное закрепление территорий Забайкалья относится к сер. XVII в. и завершается в целом в первую треть XVIII в.

Комплексное и широкомасштабное изучение Забайкалья началось с деятельности академических экспедиций в XVIII в. И здесь три столетия назад начиналась российская полевая археология. В 1722 г. Д.Г. Мессершмидт раскопал древние курганные памятники в Хакасии. Затем его интерес к археологии реализовался в Забайкалье. Сплавившись на плоту по рр. Ингода и Шилка, дойдя в 1724 г. до района Трехречья на границе с Монголией и Маньчжурией, он отметил в своих дневниках мегалитические памятники культуры плиточных могил в районе оз. Далай-нор, остатки оборонительных сооружений («древний город» и земляной вал) киданьского времени, каменные изваяния, которыми предположительно были «оленные камни» (Экспедиционный..., 2024. С. 121, 126 и др.).

В ходе Второй Камчатской экспедиции в 1735 г. А.П. Горланов по инструкции Г.Ф. Миллера провел раскопки плиточных могил в окрестностях Городищенской слободы в верховьях р. Шилка. Миллер и И.Г. Гмелин продолжили описание фортификационных сооружений киданьского времени в Приаргунье, определив их как пограничные (Малая..., 2011. С. 97, 100, 207).

В 1772 г. забайкальскими маршрутами прошла экспедиция П.С. Палласа. Им были сделаны археологические находки как в западных районах Забайкалья (р. Чикой), так и в восточных (р. Ингода, Шилка и Онон). Обнаруженные древние погребения он именовал «чудскими» или «даурскими». Тогда же в долинах Шилки и Онона отмечал древние захоронения И.Г. Георги (Малая..., 2011. С. 95, 240).

В XIX в. археология Восточного Забайкалья стала предметом интереса, прежде всего, членов местных филиаций РГО. Отметим только интерес к археологии Агинских степей М.А. Кастрена, по заданию Санкт-Петербургской академии наук обследовавшего регион в 1848 г. Затем до XX в. нет возможности говорить о систематическом интересе Академии наук к археологии региона.

Первой в 1923 г. в долине р. Онон работала экспедиция РАИМК (при участии Русского музея, г. Петроград) под руководством С.И. Руденко. У пос. Дурунгуи им был открыт палеолитический памятник, который по типологии каменных артефактов был соотнесен с верхнепалеолитическими материалами на берегах Енисея и Ангары (Археологические..., 1962. С.24).

Изучение палеолита Восточного Забайкалья было продолжено в 1928 г., когда в Чите побывал руководитель академической экспедиции (основные ее маршруты пролегли в Западном Забайкалье) Г.П. Сосновский. Анализ коллекций местного краеведческого музея позволил ему подтвердить наличие палеолитических памятников в долинах рек Онон и Ингода (*Ларичев*, 1969. С. 201–203).

Ситуация меняется в начале второй половины XX в. в связи с работами академических экспедиций из Москвы и Ленинграда.

Во второй половине 1950-х гг. С.В. Киселёв провел раскопки Кондуйского и Хирхиринского городищ монгольского времени. Его сотрудник Ю.С. Гришин работал в Забайкалье с конца 1950-х до начала 1970-х гг. Помимо изучения комплекса

¹ Работа выполнена по программе НИР ИАЭТ СО РАН «Общее и особенное в траекториях развития древних культур Востока и Юго-Востока Евразии от эпохи камня до средневековья» (№ FWZG-2025-0002).

памятников в районе с. Будулан дал монографическую характеристику археологических материалов (неолит – эпоха палеометалла), хранившихся в музеях региона (Малая..., 2011. С. 102–103).

В конце 1940-х гг. началась подготовка к созданию археологической экспедиции для изучения районов Восточной Сибири и Дальнего Востока. С 1947 г. работала Бурят-Монгольская археологическая экспедиция ЛОИИМК АН СССР под руководством А.П. Окладникова. В географию работ входили и восточные районы Читинской области. Агинским отрядом экспедиции (рук. Н.Н. Диков, тогда еще аспирант) в 1948–1949 гг. проведен масштабный археологический поиск, в результате которого были открыты памятники эпохи бронзы и раннего средневековья. В 1950 г. в окрестностях г. Читы А.П. Окладников обследовал комплекс памятников на Титовской сопке. В 1953 г. под его руководством была сформирована Дальневосточная археологическая экспедиция ЛОИИМК АН СССР. Перед ней был поставлена цель определить истоки и взаимосвязи археологических культур Забайкалья и Дальнего Востока. Работа Амурского отряда ДВАЭ началась в июле 1954 г. раскопками на Титовской сопке в Чите. Основная же цель исследований заключалась в разведывательном сплаве по р. Шилка до устья р. Амур (Окладников, Ларичев, 1999). Были открыты десятки археологических памятников от эпохи каменного века до раннего Средневековья.

В работах московских и ленинградских археологов принимали участие студенты Читинского пединститута во главе с М.И. Рижским. Научно-популярная книга, в которой нашел отражение его личный опыт сотрудничества с археологами из столичных академических учреждений, сыграла важную роль в популяризации археологических знаний о древней и средневековой истории Восточного Забайкалья (*Рижский*, 1965).

В дальнейшем территория вошла в зону внимания археологов Новосибирского научного центра, куда из Ленинграда переехал А.П. Окладников со своими учениками. Исследованиями на территории Восточного Забайкалья занимались сотрудники ИИФФ СО АН СССР В.Е. Ларичев, И.В. Асеев (выпускник ЧГПИ 1968 г.), А.И. Мазин, А.П. Деревянко, Р.С. Васильевский, Н.Д. Оволол и др. С сер. 2000-х гг. в бассейне р. Шилка проводит исследования экспедиционный отряд ИАЭТ СО РАН под руководством автора доклада. (Малая..., 2011. С. 74–75).

С конца 1960-х – начала 1970-х гг. начинают формироваться местные научные школы И.И. Кириллова и М.В. Константинова, получивших подготовку в новосибирских экспедициях. Необходимо отметить тот факт, что, хотя в 1981 г. в административном центре Восточного Забайкалья г. Чите был создан первый академический институт (ЧИПР СО АН СССР), его деятельность была направлена на изучение производительных ресурсов, практически не касаясь гуманитарной составляющей изучения региона, а археологическая тематика разрабатывалась, прежде всего, в педагогическом институте.

В регионе проводят исследования археологи из ДВО РАН. А.Р. Артемьев с конца 1980-х изучал городища монгольского времени и русские остроги. С 2000-х гг. Н.Н. Крадин осуществляет планомерное археологическое изучение памятников киданьского и монгольского времени.

ЛИТЕРАТУРА

- Археологические..., 1962. Археологические экспедиции Государственной Академии истории материальной культуры и Института археологии Академии наук СССР: Указатель. М.: Изд-во АН СССР. 264 с.
- Ларичев В.Е., 1969. Палеолит Северной, Центральной и Восточной Азии. Ч. I. Азия и проблема родины человека (история идей и исследований). Новосибирск: Наука. 391 с.
- Малая..., 2011. Малая энциклопедия Забайкалья: Археология. / Гл. ред. Р.Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука. 368 с.
- Окладников А.П., Ларичев В.Е., 1999. Археологические исследования в бассейне Амура в 1954 г. // Традиционная культура востока Азии. Вып. II. Благовещенск: Изд-во АмГУ. С. 4–29.

Рижский М.И. Из глубины веков: рассказы археолога о древнем Забайкалье. Иркутск: Вост-Сиб. кн. изд-во, 1965. 172 с.

Экспедиционный..., 2024. Экспедиционный дневник Д.Г. Мессершмидта. Забайкалье. Май 1724 года – февраль 1725 года. / Ред. О.В. Корсун. Чита: Экспресс-издательство. 256 с.

А.Е. Арефьев
(Красноярск, Ачинск)

КРУГ ОБЩЕНИЯ Г.А. АВРАМЕНКО (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРЕПИСКИ С НАУЧНЫМ СООБЩЕСТВОМ)

В Ачинском краеведческом музее им. Д.С. Каргаполова хранится личный архив геолога, археолога и краеведа Георгия Александровича Авраменко (1911–1974). Особое место в этом архиве занимает корпус писем, полученных Г.А. Авраменко от самых разных адресантов, среди них – известные археологи: З.А. Абрамова, М.А. Дэвлет, А.П. Окладников, В.Е. Ларичев, В.И. Матющенко и др. Неразобранные и никогда прежде не изучавшиеся, письма к Г.А. Авраменко – это уникальный источник, позволяющий не только установить круг общения ученого, сформировавшийся за годы его пребывания в Ачинске, но и проследить связи с различными научными организациями в рамках проведения совместных полевых работ. В настоящее время готовится серия развернутых публикаций, вводящих в научный оборот эти эпистолярные источники, поэтому ограничимся небольшим очерком о взаимодействии научного сообщества 1960–1970-х гг. в деле изучения древностей Ачинского района.

До своего ареста в 1937 г., Г.А. Авраменко был довольно известным ученым, принимал участие в раскопках Донецкого городища под руководством А.С. Федоровского, совместно с коллективом ученых проводил раскопки по маршруту строительства трассы Донбасс–Москва, а также в зоне затопления ДнепрогЭС, был одним из первооткрывателей украинского палеолита (*Ларичев, 1973*). В Ачинске Г.А. Авраменко появился в 1956 г., после освобождения. Длительная изоляция от научного сообщества, разрыв и полная потеря прежних исследовательских связей привели к тому, что в новом для себя месте он с энтузиазмом принимается за работу, пытается наверстать упущенное. За 18 лет – с 1956 по 1974 г. – им были осмотрены и заново изучены Айдашинская пещера и Ачинские городища, открыты Ачинская палеолитическая стоянка, Белоярское и Старойдашинское поселения (*Арефьев, 2023; Арефьев, Сенотрусова, 2023*).

Геолог по образованию, Г.А. Авраменко оставался верным этой науке всю жизнь, занимаясь изучением отложений ледниковой эпохи, их взаимосвязями с археологией палеолита. Особое внимание он уделял изучению террас р. Чулым, где были зафиксированы места залегания костных остатков. Г.А. Авраменко стремился обнаружить стоянку палеолитического времени, слишком многое указывало на возможность существования ачинского палеолита. В мае 1960 г. недалеко от Ачинска, в районе поселка угольных шахт им. 1-го Мая, им была зафиксирована палеолитическая стоянка. С открытием этого памятника и начинается тесное общение Г.А. Авраменко с коллегами. М.А. Дэвлет пытается пристроить его статью о стоянке в «Советскую археологию», договаривается о редактировании с А.А. Формозовым: «Редакция статьи не принимает, но я по знакомству упростила, чтобы ее приняли и поставили на очередь» (Архив АКМ. Письмо М.А. Дэвлет от 29.03.1963). Публикация в «Советской археологии» не состоялась, но в этом же году выходят сразу две статьи Г.А. Авраменко в сборнике «Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края», изданном Красноярским краевым музеем (*Авраменко, 1963а, 1963б*). Тогда же на стоянке начинаются раскопки под руководством томского археолога В.И. Матющенко, с которым Г.А. Авраменко будет связывать многолетнюю переписка.

Археологи, работавшие на территории Енисейской Сибири, часто приглашали Г.А. Авраменко принять участие в своих экспедициях. Так, например, в июле-августе 1964 г. Г.А. Авраменко работает в составе Красноярской экспедиции Ленинградского отделения Института археологии по личному приглашению З.А. Абрамовой: «Я была бы очень рада Вашему участию в работах Палеолитического отряда и мне бы хотелось посмотреть материалы Ачинской стоянки, поэтому уверена, что такой контакт будет только на пользу науке и нам обоим» (Архив АКМ. Письмо З.А. Абрамовой от 07.04.1964). Г.А. Авраменко составляет подробную геологическую характеристику Кокоревских стоянок, создает несколько схем и чертежей. В личном архиве находится две обстоятельные работы, посвященные вопросам геологии этих памятников.

С помощью корпуса писем удается проследить контакты Г.А. Авраменко с научными учреждениями. За годы совместных полевых работ наиболее прочные связи установились с Томским государственным университетом (В.И. Матющенко, И.М. Гайдук), Кемеровским институтом культуры и Кемеровским госуниверситетом (А.В. Циркин, А.И. Мартынов), а также с сотрудниками Института истории, философии и филологии СО АН СССР. В конце мая 1971 г. в Ачинске удалось побывать А.П. Окладникову с группой исследователей. В этот приезд они посетили Ачинскую палеолитическую стоянку и договорились с Г.А. Авраменко о проведении раскопок. Руководителем этих работ был назначен В.Е. Ларичев, возвративший большой науке забытое имя Г.А. Авраменко, многое сделавший для привлечения внимания к ачинским древностям.

Благодаря энтузиазму Г.А. Авраменко, сложился коллектив столичных и сибирских археологов, объединившихся для изучения памятников Ачинского района, но внутри своей территории исследования он оставался по сути дела единственным ученым-энциклопедистом, связующим звеном. После смерти Г.А. Авраменко старательно формируемый коллектив естественным образом распался, археологическое изучение района свелось к единичным работам, исчезла системность. Тем не менее, выводы Г.А. Авраменко относительно культурно-хронологической принадлежности отдельных памятников были приняты в научном сообществе и на долгие годы закрепились в литературе.

Научное наследие Г.А. Авраменко – рукописи, письма, не опубликованные работы по археологии, геологии и истории Ачинского района, а еще археологические музейные коллекции, насчитывающие несколько сотен единиц хранения, – все это сегодня вводится в научный оборот. Многочисленные записи Г.А. Авраменко не всегда обоснованы, в них встречаются различные ошибки и неточности, но они не лишены методологической составляющей и хранят в себе большой научный потенциал для дальнейшего изучения археологии Ачинского района.

ЛИТЕРАТУРА

- Авраменко Г.А.*, 1963а. Палеолитическая стоянка у г. Ачинска (предварительное сообщение) // *Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края*. Красноярск: Красноярское книжное издательство. С. 21–26.
- Авраменко Г.А.*, 1963б. Городище таштыкской эпохи у г. Ачинска // *Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края*. Красноярск: Красноярское книжное издательство. С. 105–111.
- Арефьев А.Е.*, 2023. Полевой дневник Г.А. Авраменко как источник по изучению археологии Ачинского района // *Материалы LXIII Российской (с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых*. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. С. 294–296.
- Арефьев А.Е.*, Сенотрусова П.О., 2023. К истории изучения Ачинских городищ // *Древности Приенисейской Сибири: сб. науч. трудов*. Вып. XI. / Отв. редактор П.В. Мандрыка. Красноярск: Сибирский федеральный университет. С. 17–30.
- Ларичев В.Е.*, 1973. Дом из бивней мамонта // *За науку в Сибири*. № 41 (622). С. 6–7.

В.В. Бегунова
(Смоленск)

**АКАДЕМИЯ НАУК СССР
И КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ СМОЛЕНСКА:
ОПЫТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ИЗУЧЕНИИ ПАМЯТНИКОВ
АРХЕОЛОГИИ (СЕРЕДИНА 1950-х – НАЧАЛО 1960-х гг.).**

1950-е годы стали временем системных археологических исследований на территории Смоленщины, тесного сотрудничества столичных ученых и местных специалистов. С 1949 г. к комплексным исследованиям в Гнёздово и Смоленске приступила экспедиция МГУ, при активном участии сотрудников местного музея (СОКМ) и краеведческого научно-исследовательского института (СКНИИ). Смоленский музей способствовал получению открытого листа и отвечал за финансирование (ГАСО. Ф. Р-455. Оп. 4. Д. 69. Л. 5).

В 1954 г. в Смоленскую область прибыла Славянская экспедиция ИИМК АН СССР под руководством П.Н. Третьякова. Здесь были продолжены полевые работы, проводившиеся в Среднем Поднепровье (1938 г.), а затем в южной части Верхнего Поднепровья – на Гомельщине. К экспедиции присоединился научный сотрудник СКНИИ Е.А. Шмидт. Получив образование биолога, он собирал материал по ихтиофауне и рыбном хозяйстве в рамках сельскохозяйственной секции (СМЗ. Ф. 10. Оп. 3. Д. 23. Л. 36 и др.; ГАСО. Ф. Р-3409. Д. 58. Л. 12-13). В то же время Е.А. Шмидт проводил учет и паспортизацию археологических памятников области. За три полевых сезона (1949–1951 гг.) было обследовано около 150 памятников в северо-западных и южных районах Смоленщины. С 1952 г. в рамках работы исторической секции СКНИИ Е.А. Шмидт начал раскопки длинных курганов в верховьях Сожа, на территории могильника зарубинецкой культуры у д. Нижние Немькари (Козичино). С момента появления на Смоленщине ИИМК АН СССР в планы СКНИИ включили изучение памятников раннего железного века (ГАСО. Ф. Р-3409. Оп. 1. Д. 59. Л. 27; ГАСО. Ф. Р-3409. Оп. 1. Д. 60. Л. 16–17; ГАСО. Ф. Р-3409. Оп. 1. Д. 74. Л. 18–19). Часть средств на раскопки курганов выделялась академической экспедицией (ГАСО. Ф. Р-3409. Оп. 1. Д. 85. Л. 68–69). Интерес к ним был не случайным, детальное изучение насыпей позволило сравнить материал из погребений и городищ.

С 1957 г. изучение древностей Днепра и его притоков выше устья Десны стало целью отдельного Смоленского отряда Верхнеднепровской экспедиции ИИМК. Полностью изученной оказалась площадка и вал ставшего эталонным городища Тушемля. На территории Верхнего Поднепровья были выделены три культурно-хронологические группы, соответствующие разным периодам в развитии материальной культуры жителей древних смоленских городищ и сменявших друг друга на протяжении второй половины I тысячелетия до н.э. – I тысячелетия н.э. (Третьяков, Шмидт, 1963. С. 9–41). Не было ясности в принадлежности верхнего культурного слоя, который в первое время напрямую связывался с длинными курганами. В 1958 г. Е.А. Шмидт сделал открытие, благодаря которому удалось продвинуться в решении этой проблемы. Случайное обнаружение у д. Акатово (днепро-двинский водораздел) наряду с памятниками типа длинных курганов не известных ранее погребений тушемлинской культуры, позволило окончательно убедиться в их разновременности (ГАСО. Ф. Р-3409. Оп.1. Д. 103. Л. 34).

К 1962 г. экспедицией ИИМК были проведены наиболее значительные раскопки на городищах верховьев Сожа и Десны, сделаны предположения относительно их назначения, обнаружены селища с культурой типа верхнего слоя Тушемли (СМЗ. Ф.14. Оп. 3. Д. 68. Л. 1-28). СКНИИ провел раскопки некоторых городищ в правобережье Днепра. Результатом многолетних исследований стала совместная работа П.Н. Третьякова и Е.А. Шмидта «Древние городища Смоленщины» (1963). Е.А. Шмидт

ежегодно приглашался в Москву для участия в работе сессии Отделения исторических наук АН СССР и пленума Института археологии АН СССР, участвовал в подготовке материалов Верхнеднепровской экспедиции к печати (СМЗ. Ф. 10. Оп. 3. Д. 17. Л. 9; СМЗ. Ф. 10. Оп. 3. Д. 20. Л. 54 и др.). Знакомство с П.Н. Третьяковым во многом предопределило направление дальнейших изысканий Е.А. Шмидта, который к тому моменту уже имел опыт самостоятельных исследований. В своих воспоминаниях он говорил о нем как ученом, сочетающим в себе талант и огромное трудолюбие: «Третьяков был настоящий полевой исследователь <...> То, что он копал, он понимал на месте, на земле. Он сам рисовал, сам разбирал, сам анализировал все найденные артефакты прямо там в поле. Во всех его публикациях были его собственные рисунки, его чертежи, то есть у него не было большого штата помощников, которые все делали, а руководитель только подписывал» (Беседы..., 2015. С. 23). Вероятно, Е.А. Шмидт и сам придерживался принципов работы одного из своих главных учителей, долгие годы оставаясь самодостаточным археологом. Показательно также, что А.В. Арциховский заказал ему статью «К 60-летию П.Н. Третьякова» для журнала «Советская археология» (СМЗ. Ф. 14. Оп. 3. Д. 201. Л. 1–2).

Менее заметным являлось взаимодействие академических экспедиций со Смоленским музеем. В 1955 г. начал свою деятельность Смоленский отряд Среднерусской археологической экспедиции ИИМК АН СССР под руководством В.В. Седова. Главной задачей стало выявление сельских поселений IX–XIV вв. К 1959 г. в центральных районах области в бассейне Днепра было зафиксировано более 150 поселений. В 1957 г. в раскопках городища Церковище (летописная Воищина) предполагалось участие А.Г. Векслера, направленного в Смоленский музей после окончания университета в Киеве (ГАСО. Ф. Р-455. Оп. 4. Д. 73. Л. 3–4). Выделив деньги на завершение изучения этого феодального замка (2 тысячи рублей), музей не смог оказать помощь в раскопках Бородинского городища, так как затратным делом по-прежнему оставались исследования в Смоленске (ГАСО. Ф. Р-455. Оп. 4. Д. 78. Л. 302, 314). В.В. Седов в одном из писем в Смоленский музей сетовал на невозможность продолжать совместно работу (ГАСО. Ф. Р-455. Оп. 4. Д. 90. Л. 155). По причине переезда А.Г. Векслера в Москву в 1958 г., на раскопки Церковища была командирована сотрудница отдела дореволюционного прошлого Л.З. Анисимова, в дальнейшем не проявившая интереса к археологии (СМЗ. Ф. 13. Оп. 3. Д. 25. Л. 1–2). Результаты исследований публиковались в музейном сборнике «Материалы по изучению Смоленской области». В 1960 г. вышел обобщающий труд «Сельские поселения центральных районов Смоленской земли».

К началу 1960-х гг. стал заметен значительный прогресс в деле открытия и детального изучения памятников железного века и средневековья на Смоленщине, их этнокультурной интерпретации. Результатом работы академических ученых и местных специалистов стали капитальные труды, не потерявшие актуальность. Для будущего патриарха смоленской археологии Е.А. Шмидта совместная с П.Н. Третьяковым работа стала судьбоносной в его научной биографии. Тем не менее, закрытие СКНИИ (1962 г.), прекращение тесного сотрудничества экспедиций МГУ и ИА АН СССР с музеем во многом затруднили формирование активной группы смоленских археологов.

ЛИТЕРАТУРА

- Беседы..., 2015. Беседы с археологом. К 95-летию Евгения Альфредовича Шмидта. Смоленск: Маджента. 64 с.
- Третьяков П.Н., Шмидт Е.А., 1963. Древние городища Смоленщины / Отв. ред. И.И. Ляпушкин. М.-Л.: АН СССР. 123 с.

И.В. Белозёрова, Н.И. Демирова
(Москва)

ВЕХИ БИОГРАФИИ Б.А. РЫБАКОВА: ОТ СТУДЕНТА ДО АКАДЕМИКА (ПО МАТЕРИАЛАМ ОПИ ГИМ)

Одним из известнейших членов Академии наук СССР был выдающийся археолог и историк Борис Александрович Рыбаков (1908–2001), организатор науки, исследователь культуры и истории Киевской Руси, автор свыше 400 работ. Его научная, музейная, педагогическая и общественная деятельность, вклад в отечественную науку хорошо освещены в историографии. Гораздо лучше в ней отражены труды ученого в зрелую пору его творческой активности и таланта, пика научной и административной карьеры. На этом фоне несколько в тени остается период профессионального становления Б.А. Рыбакова, связанный с годами его учебы в 1 МГУ и работы в Государственном историческом музее (1920-е – начало 1950-х гг.).

Для изучения этого периода важную информацию могли бы дать материалы личного архива ученого, но он оказался в частных руках, что делает невозможным его комплексное изучение специалистами по истории и историографии советской археологии. В этой связи особую актуальность приобретают документы, связанные с личностью академика, отложившиеся в архивах его коллег археологов и историков.

В данном докладе обобщаются сведения, выявленные в ОПИ ГИМ. Они отложились в фондах В.А. Городцова (Ф. 431), А.Я. Брюсова (Ф. 545), М.В. Воеводского и А.Е. Алиховой (Ф. 595), А.П. Смирнова (Ф. 496), А.С. Башкирова (Ф. 598) и других исследователей. Особый интерес представляют фотографии ученого разных лет, пока не введенные в научный оборот.

Наиболее ранние документы связаны с периодом обучения Б.А. Рыбакова на историко-этнологическом факультете 1 МГУ (1926–1930). Они отражают его первые шаги в археологии, студенческие экспедиции под руководством В.А. Городцова: раскопки подмосковных курганов близ д. Кременье и Мякинино (1927), Кропотовского городища близ с. Баскачи Каширского уезда (1927), разведки близ д. Большой Каменец Суджинского района Курской области (1928), Супоневской и Тимоновской палеолитических стоянок в Брянской области (1928, 1929), раскопки славянских курганов близ д. Марусино под Москвой (1929). Сохранилась первая научная работа Б.А. Рыбакова, посвященная находкам из вятических могильников, опубликованная в самодельном ротапринтном издании – «Сборнике научно-археологического кружка 1-го МГУ» (1928), приуроченном учениками В.А. Городцова к 40-летию научной деятельности своего учителя.

Еще на последнем курсе университета Б.А. Рыбаков приступил к углубленному изучению белорусской средневековой археологии, в частности древностей радимичей. Работа была успешно завершена и вскоре опубликована (1932). Позже она была защищена в качестве кандидатской диссертации «Древнерусское племя радимичей» (1939). Одним из научных оппонентов при защите был В.А. Городцов. В его архиве сохранилось приглашение на заседание Совета истфака МГУ выступить в качестве научного оппонента и сам отзыв о диссертации. Об этом событии есть строки в личном дневнике ученого (Городцов, 2015, с. 527).

После окончания МГУ служебная и научная деятельность Б.А. Рыбакова протекала в тех организациях и научных центрах, где были сконцентрированы основные силы московских археологов: Историческом музее, археологической секции ГАИС, ГАИМК, а также ИИМК/ИА АН СССР.

Более двух десятков лет Б.А. Рыбаков был связан с Историческим музеем: научный сотрудник Отдела раннего феодализма (1931–1938), заведующий III археологическим отделом (история древней Руси X–XVI вв.) (1943–1952), консультант (с 1952). Сведения о его полевой, экспозиционной, научно-исследовательской работе в ГИМ отложились

в научно-ведомственном архиве музея (ОПИ ГИМ, фонд НВА): личные листки по учету кадров, автобиографии, характеристики, заявления, списки научных трудов, протоколы заседаний Ученого совета музея. Особый интерес представляют тематико-экспозиционные планы за 1930–1940-е гг. по темам «Киевская Русь» (1935), «Образование русского государства» (1947) и пр., автором которых был Б.А. Рыбаков. При создании экспозиций и выставок ученым была создана большая серия исторических карт по истории Руси IX–XVI вв. (Рыбаков, 1974). Около 40 карт и схем экспонировались в залах № 8–13 ГИМ. Сохранились сведения об участии Б.А. Рыбакова в археологических экспедициях ГИМ: Новгородская (1932), Киевская (Вышгородская) (1935), Вщижская (1940), Звенигородская (1942–1943), Северо-Донецкая (1949) и др. Предметы, добытые в ходе этих раскопок, дополнили археологическое собрание музея. Документы отражают также большую общественную работу ученого в музее: чтение лекций в музейной аудитории, на заводах и в воинских частях, руководство работой Красного уголка и стрелкового кружка; он являлся членом месткома и входил в бюро Совета научных работников музея.

Согласно личному листку по учету кадров, с 1933 г. параллельно с музейной работой началась педагогическая деятельность Б.А. Рыбакова в качестве доцента Академии Коммунистического воспитания им. Н.К. Крупской. В дальнейшем он преподавал в Центральном институте повышения квалификации кадров народного образования (ЦИНКНО), в Библиотечном комбинате ВЦСПС, Военной школе им. ВЦИК (в Кремле), Московском областном педагогическом институте, в Комвузе внутренних войск НКВД и на Высших музейных курсах, где читал лекции по истории СССР, археологии, исторической географии. С 1939 г. ученый приступил к чтению курса «Археология древней Руси» на историческом факультете МГУ. Среди документов сохранились самые ранние программы этих лекций, датированные 193–1940 гг.

В середине 1930-х гг. в Москве началось строительство метрополитена. Археологический надзор за земляными работами осуществляла экспедиция МОГАИМК (рук. А.В. Арциховский). Б.А. Рыбаков в составе большой группы московских археологов и специалистов из ГИМ активно участвовал в этих исследованиях. Позднее найденные при работах предметы дополнили фонды музея. Материалы о работе Комиссии на метрополитене отложились в различных архивах, а также кратко были опубликованы ученым (1936).

В 1936 г. Б.А. Рыбаков стал научным сотрудником ГАИМК (с 1937 г. МОИИМК в составе Академии наук СССР), в связи с чем в 1938 г. ему пришлось прервать работу в Историческом музее. Несмотря на это, летом 1941 г. он принял деятельное участие в эвакуации коллекций ГИМ. Подробности об этом эпизоде его биографии сохранились в мемуарах старейшего сотрудника музея А.Б. Закс (Закс, 1988, С. 8). Сам же ученый был эвакуирован вместе с Московским университетом. Сохранившиеся письма периода эвакуации (июль–декабрь 1942 г.), написанные доцентом Московского университета Б.А. Рыбаковым из Ашхабада и Свердловска, являются важным источником к его биографии. Они содержат сведения о защите докторской диссертации (1943), условиях жизни и научной работы не только его, но и ряда московских ученых в эвакуации.

После возвращения в Москву в 1943 г. Б.А. Рыбаков вновь поступил на работу в Исторический музей. Через год его имя значится в списках сотрудников, встречавших коллекции ГИМ, возвратившиеся из Кустаная. Также сохранились фотографии этого знакового события. В конце 1940-х гг. выходит его фундаментальная монография «Ремесло Древней Руси» (1948; Сталинская премия 1-й степени, 1949), написанная на основе изучения богатейших коллекций ГИМ.

С 1946 г. ученый – постоянный участник различных международных научных встреч археологов, проходивших в разных странах Европы и США. Сведения о них отложились в архиве А.Я. Брюсова (Ф. 545). Б.А. Рыбаков упоминается в списках членов делегаций, протоколах заседаний, переписке; он запечатлен на фотографиях членов делегаций, участников конференций.

В 1952 г. Б.А. Рыбаков принял решение, уйти со штатной работы в Историческом музее «в связи с полной невозможностью совмещать работу в МГУ с работой в музее» (ОПИ ГИМ. Ф.НВА. Оп. 1л. Ед. хр. 75. Л. 34). С этого времени он сосредоточился на работе в МГУ: был деканом (1951–1952), проректором (1952–1954), заведующим кафедрой истории СССР исторического факультета МГУ (1953–1963). А также работал в Институте археологии: заведующий сектором славяно-русской археологии (1951–1974), директор (1956–1987), почетный директор (с 1987). В ОПИ ГИМ хранятся открытые листы, письма, отзывы, рецензии, тексты выступлений и другие документы, отражающие этот период.

Связь ученого с музеем сохранялась долгие годы. Он оставался научным консультантом ГИМ; передал в фонды музея археологические коллекции, добытые в ходе полевых работ в Любече и Белгородской области с 1957 по 1969 гг.; был членом Ученого совета; участвовал в открытии музейных выставок; под его редакцией в «Трудах» ГИМ выходили «Очерки по истории русской деревни X–XIII вв.» (1956; 1959; 1967).

Именно в стенах Исторического музея ученый сложился как археолог, получил первый опыт административной работы, в своих научных построениях неизменно обращался к фондам, участвовал в их пополнении и спасении в годы Великой Отечественной войны. Эта тесная связь сегодня может быть прослежена благодаря документам, отложившимся в делопроизводстве музея и личных архивах археологов, хранящихся в ОПИ ГИМ, и археологическим коллекциям музея. Все это является важным источником для изучения профессиональной биографии академика Бориса Александровича Рыбакова, и позволяет уточнить целый ряд ее значимых моментов.

ЛИТЕРАТУРА

- Закс А.Б.*, 1988. Как мы жили и работали в годы Великой Отечественной войны // Государственный Исторический музей в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Сборник воспоминаний сотрудников музея. М.: ГИМ. 107 с.
- Городцов В.А.*, 2015. Дневники (1928–1944). В 2 кн. Кн. 2: 1936–1944 / сост., авт. очерков, примеч., комм. и указателей: *И.В. Белозерова, С.В. Кузьминых*. М.: ИД Триумф принт. 696 с.
- Рыбакоў Б.А.*, 1932. Радзімічы // Працы секцыі археолёгіі Беларускай АН. Менск: [б.и.]. Т. 3. С. 81–153.
- Рыбаков Б.А.*, 1936. Металлические вещи, найденные на Метрострое // По трассе первой очереди Московского метрополитена имени Л.М. Кагановича. Л.: Соцэргиз. С. 152–155.
- Рыбаков Б.А.*, 1948. Ремесло Древней Руси. М.: Изд-во АН СССР. 792 с.
- Рыбаков Б.А.*, 1974. Русские карты Московии XV – начала XVI веков М.: Наука. 112 с.

А.Н. Бессуднов
(Липецк)

РОЛЬ АКАДЕМИЧЕСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ В ИЗУЧЕНИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ ВЕРХНЕГО ДОНА (СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД)

Впервые исследования академических ученых на Верхнем Дону, в пределах территориальных границ Липецкой области, были проведены в 1955 г. при участии научного сотрудника ЛОИА АН СССР А.Н. Рогачёва и аспиранта ИГ АН СССР А.А. Величко (НА ИА РАН. Р-1. № 1206; РО НА ИИМК РАН. Ф. 35 – 1955 г. Д. 4. Л. 3–4; Д.6. Л. 1). Одним их важнейших результатов этой разведки стало определение времени существования Гагаринской стоянки периодом завершения валдайского оледенения (*Величко*, 1961. С. 194–197).

Начало регулярных работ академической экспедиции на Верхнем Дону было положено в 1959 г. сотрудником ЛОИА АН СССР В.П. Левенком. Ее организацию Всеволод

Протасьевич объяснял так: «заинтересованность ЛОИА АН СССР заключалась в изучении на территории Верхнего Подонья, – в Липецкой и, частично, Тульской и Рязанской областях, памятников от палеолита до бронзы включительно, с преимущественным интересом к культурам мезолита-неолита; в круг интересов Липецкого музея входила разведка и сбор данных для археологической карты области, которой музей не имел по причине неизученности края» (НА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 1898. Л. 1). В общей сложности В.П. Левенок работал здесь десять лет – до 1968 г.

Согласно дневниковым записям, одним из важнейших его приоритетов при организации исследований и проведении просветительской работы являлось установление тесных отношений с местными чиновниками и общественностью. Об этом наглядно свидетельствует его необычайная активность с самого начала научной командировки в Липецкую область. Для организации исследований он приезжает в Липецк 9 июля 1959 г. в 6 часов утра, а уже в 3 часа дня «созвал первое производственное совещание будущих сотрудников отряда, в Музее». 13 июля вместе с научным сотрудником ЛОКМ Н.Н. Аксёновой «сделали визит в г. Данкове к секретарю Райкома партии Сячинову, в отдел агитаций и пропаганды, в райотдел культуры, в РОНО; провели беседу с краеведами – В.Л. Лукиным, И.А. Прасаловым, Р.П. Трапезниковым, А.П. Ельчиным». 20 июля, вернувшись с маршрута в Данков, «по просьбе краеведов сделал сообщение о работе нашей экспедиции и о целях и методах краеведческой работы». 21 июля «вместе с краеведами В.Л. Лукиным и Г.М. Язовским пошли в разведку всем составом по Дону вниз от Данкова». 30 июля «беседовал с директором музея В.Н. Сазоновой о результатах работы Верхне-Донского отряда, о планах на будущее и о прочем. По всем вопросам достигнут полный контакт» (Фонды ЛОКМ. Дневник В.П. Левенка. 1959 г. б/н. Л. 2 об., 3, 3 об., 10 об., 19).

За все годы исследований В.П. Левенком было выявлено 372 археологических объекта (уже в первый год – более 140 памятников), немалая часть которых изучалась раскопками, давшими выразительные свидетельства о различных эпохах. Наиболее значимые результаты были получены в ходе изучения древностей неолита, ранее практически неизвестных в бассейне Верхнего Дона. Из всех памятников этой эпохи особенно большое значение имела Долговская стоянка. В письме к лебедянскому краеведу П.Н. Черменскому от 06.02.1960 г. он пишет о планах «договориться с колхозом в с. Воейкове и временно, путем разбора части плотины, понизить уровень Дона <...> Очень насыщенный культурный слой уходит под воду. Таскать его из-под воды драгою менее желательно, так как такой метод можно сравнить с «кесаревым сечением». Стоянка эта тем интересна, что это чистый неолит, известный на всем Дону пока что только лишь в одном этом пункте» (ЛКМ. НВ 58/3. № 3085). Раскопки ее проводились в 1959, 1960 и 1962 гг. Благодаря хорошо сохранившейся структуре культурного слоя удалось разделить его на хронологические горизонты, что дало основание стать этому памятнику опорным для изучения неолита не только Подонья, но и обширных территорий лесной и лесостепной зон.

В 1960 г. в качестве руководителя палеолитического отряда Верхнедонской экспедиции В.П. Левенка впервые соприкоснулся с Верхним Доном еще один сотрудник ЛОИА АН СССР Лев Михайлович Тарасов. А со следующего года он в течение девяти полевых сезонов, уже по своему открытому листу, проводит разведки в регионе и выявляет новые памятники эпохи палеолита (Масловка, Малое Нелядино), но главным образом исследует Гагаринскую стоянку. В итоге памятник стал опорным для разработки проблемных вопросов, связанных с жилищами и поселениями, социальным устройством общества, с вопросами периодизации и локальных различий в позднем палеолите Европы.

Разделяя уже высказанную в печати точку зрения о том, что благодаря академическим экспедициям в регионах «...воспитывается уважение к археологическому наследию у населения, что не менее важно, чем научное изучение этого наследия» (Сорокина, 2008. С. 136), следует отметить, что В.П. Левенок и Л.М. Тарасов кроме научных изысканий активно взаимодействовали с областным и районными краеведческими музеями,

с учебными заведениями, занимались популяризацией проводимых исследований, публиковали результаты работ в средствах массовой информации. Благодаря организаторским способностям В.П. Левенка в составе Верхне-Донской экспедиции было создано в разные годы до четырех самостоятельных отрядов, руководили которыми липецкие краеведы. Со многими из них, а также с сотрудниками музеев, учителями вузов, техникумов, школ установились на многие годы тесные отношения. В Государственном архиве Липецкой области, Лебедянском краеведческом музее в фондах местных участников экспедиции В.П. Левенка (фонды П.Н. Черменского в ЛКМ (б/н), Н.А. Чабан (ГАЛО. Ф. Р-2458), В.Л. Лукина (ГАЛО. Ф. Р-2104) отложился представительный корпус источников по самым разным направлениям взаимодействия.

В 1967 г. Верхне-Донская экспедиция В.П. Левенка получает статус «новостроечной», что связано с проектированием строительства водохранилища на р. Матыра. На изучение памятников, подлежащих затоплению, Новолипецкий металлургический комбинат выделил солидные денежные средства – 5000 руб. Как отмечает В.П. Левенко, «еще большего размаха полевые работы достигли в 1968 году, в связи с увеличением новостроечного финансирования до 19000 р. и с переходом экспедиции в ведение Московского Института Археологии АН СССР. Организационно-производственные возможности экспедиции значительно расширились и улучшились. Научное и общее руководство экспедицией с момента ее основания и до 1968 г. осуществлялось автором настоящего отчета. В 1968 г. оно также было поручено автору (распоряжение № 59, § 3, г. Москва, 24-VI-68 г.), финансовое – зам. нач. экспедиции Б.Г. Тихонову (распоряжение № 47, §2, 24-VI-68 г.). Экипировка экспедиции осуществлялась за счет материально-хозяйственных фондов Института Археологии и частично – Липецкого музея» (НА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 4002. Л. 1).

Изначально археологические работы в зоне затопления будущего Матырского водохранилища в 1968 г. планировалось осуществлять силами четырех отрядов: неолитическим (начальник Г.В. Бобров), эпохи бронзы (начальник Б.Г. Тихонов), раннего железа (начальник Р.Ф. Воронина) и славянским (начальник В.И. Матвеева). Однако в процессе работ указанный порядок пришлось изменить, так как памятников раннего железного века в зоне затопления не оказалось, но при этом местонахождения материалов эпохи бронзы изобиловали. Вследствие этого, отряду раннего железа пришлось выполнять функции второго отряда по изучению эпохи бронзы. Результаты работ впечатляют: отрядом под руководством Р.Ф. Ворониной на пункте 217 было раскопано 473 кв. м; под руководством аспиранта ИА АН СССР Э.А. Юркевича на пункте 219 заложено два раскопа общей площадью 80 кв. м, а на пунктах 229 и 242 Б.Г. Тихоновым раскопано более 200 и 416 кв. м, соответственно, им же совместно с Р.Ф. Ворониной на площади пункта 360 изучено 516 кв. м. В этот же сезон под руководством Б.Г. Тихонова осуществлено повторное обследование десяти памятников. Отрядом под руководством В.И. Матвеевой на пунктах 221 и 237 раскопано 100 и 160 кв. м, соответственно, а также повторно обследовались три памятника. Неолитическим отрядом под руководством В.П. Левенка на пунктах 222, 243 и 207 раскопано 208, 230 и 20 кв. м, соответственно.

Из описанной ситуации наглядно видно, что сложился ленинградско-московский исследовательский коллектив. К сожалению, дальнейшего развития эта многообещающая коалиция представителей академических институтов не получила. В дальнейшем на протяжении двух сезонов работала на Верхнем Дону Р.Ф. Воронина (1969, 1971 гг.), около полутора десятков лет (с некоторыми перерывами) здесь же продолжала полевые изыскания В.И. Матвеева, возглавив одноименную экспедицию по изучению преимущественно славяно-русских памятников. К этим исследованиям привлекались сотрудники ЛОКМ и студенты Липецкого пединститута, но в целом просветительская составляющая постепенно угасала.

Вновь к исследованию верхнедонского региона представители академической науки вернулись уже в постсоветское время, и это уже предмет отдельного исследования.

Здесь лишь отмечу, что наиболее результативной следует признать работавшую с середины 90-х гг. прошлого века экспедицию ИА РАН под руководством А.М. Обломского, исследовавшую древности первой половины I тыс. н.э. Ее важность для региональной археологии определяется не только уровнем полевых изысканий, но и активным участием специалистов Академии наук в самых разнообразных видах просветительской работы с высшими учебными заведениями, музеями, краеведческим сообществом.

ЛИТЕРАТУРА

- Величко А.А.*, 1961. Геологический возраст верхнего палеолита центральных районов Русской равнины. М.: Изд-во АН СССР. 296 с.
- Сорокина И.А.*, 2008. Полевые археологические исследования в России в 1946–2006 гг. (по архивным материалам и публикациям). Тула: Гриф и К. 244 с.

А.Л. Бойко
(Ростов-на-Дону)

ДРЕВНОСТИ ДОНА И ИССЛЕДОВАНИЯ АКАДЕМИИ НАУК И ЕЕ УЧРЕЖДЕНИЙ: ОТ ОПИСАНИЙ К ИССЛЕДОВАНИЯМ

История Дона и местные древности еще с XVII в. стали одним из приоритетов академической науки России. Для каждого из трех «веков» истории Академии наук (условно, 1725–1801 гг., 1802–1919 гг., 1919 г. – настоящее время) характерна своя проблематика исследований, актуализированная уровнем развития науки, политическим моментом и специфическими научно-административными условиями. Определение направлений исследовательских программ XVIII в., характеристика постепенного развития местных центров гуманитарных исследований XIX в. и формирование новой «академической политики» в советский период в лишь в общем отражают путь, который был пройден академическими научными учреждениями, ставившими своей целью изучение прошлого.

Выделяемая для Юга России эпоха «академических путешествий», применительно к территории Войска Донского (далеко выходящего за пределы современной Ростовской области), была насыщена событиями и открытиями, но крайне неоднородными по своей сути. Важнейшие труды и концепции древней истории Дона, в контексте истории Юга России, были сделаны «кабинетными» учеными, знавшими лишь круг письменных источников, но не предполагавших знание других научных материалов. Академик Г.Т.З. Байер оставил не утративший научного значения труд «Краткое описание случаев, касающихся Азова...» (СПб, 1734 г.) и целый цикл менее известных работ, рассматривающих сюжеты античной истории Юга России.

Натурные исследования, собственно «академические путешествия», затронули Нижний Дон на сравнительно небольшом временном отрезке (1769–1773 гг.):

Фальк И.П. (1732–1774 гг.): 1769 г. – раскопки кургана в северной части Войска Донского, описание древностей по маршруту путешествия;

Гмелин (младший) С.С.Г. (1734–1774 гг.): 1769 г. – описание Нижнего Дона, специальная поездка в Азов (включая данные об обнаружении «пушки с генуэзской надписью»);

Гюльденштедт И.А. (1745–1781 гг.): 1773 г. – описание Нижнего Дона, специальная поездка в Азов с описанием окрестностей и упоминанием археологических находок на территории крепости.

Эти сотрудники Академии екатерининской эпохи (кстати, все закончили жизни трагически, в относительно молодом возрасте), были специалистами в области естественных наук. В их дневниковых записях особое место занимают этнографические описания, данные о кладоискательстве и опосредованно связанные с этим явлением сведения

о «каменных бабах» – в большинстве средневековых каменных изваяниях. Данный тип памятников с эпохи создания «Книги Большому чертежу» (1627 г.) определялся как ориентир в степной местности.

Сведения, накопленные в конце XVIII в., были востребованы как справочные сведения на всем протяжении следующего, XIX в., став важным подготовительным материалом для различных научных анкет. Но в силу научно-административных и политических факторов, в XIX – нач. XX в. земли Дона практически выпали из круга интересов Академии наук.

Масштабные работы П.М. Леонтьева в 1853 г., профессора Московского университета, по сути были комплексной археологической экспедицией – широко задуманным научным мероприятием, реализация которого была прервана начавшейся Крымской войной. Специфика этих работ была такова, что проводились они на средства, выданные по распоряжению самого императора Николая I, отчетные документы не были связаны с академическими учреждениями. Возможность изменить это положение вещей работы В.Г. Тизенгаузена (1864–1867 гг.) и П.И. Хицунова (1869–1871 гг.) не могли в силу их изначально «новостроечного» характера и незначительного финансирования. В целом, период конца XIX – начала XX в. характеризуется известным ослаблением научных связей между академическими учреждениями и местными центрами историко-археологических исследований.

Восстановление академических исследований было связано с началом работ Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК. Внешне практически провальная по результатам поездка А.А. Миллера и Г.И. Боровки на Дон летом 1921 г. позволила подготовить организационный фундамент для первых лет работ экспедиции и заложить основы нового типа академического общения в виде научного руководства деятельностью донских коллег. Стажировки в составе экспедиции и участие ее сотрудников в популяризаторской деятельности музеев области стали наиболее важными (включая многочисленные «научные экскурсии») мероприятиями в академической деятельности на Дону. Пять сезонов работ СКЭ ГАИМК на Нижнем Дону (1923–1928 гг.) воспитали под руководством А.А. Миллера целую плеяду выдающихся отечественных археологов, став «кобяковской школой» в проведении разных типов полевых исследований. Плодотворны были контакты В.А. Городцова с донскими коллегами (1928–1930 гг.), итогом которых стали раскопки нескольких поселений.

Специфика организации работ в 30-е гг. XX в. изменила характер академического сотрудничества, поскольку все добровольные научные объединения (краеведческие общества и др.) были закрыты. Работы ГАИМК проводились на значительной территории Нижнего Дона, но с минимальным участием местных кадров:

1. 1934–1935 гг., М.И. Артамонов, Левобережное Цимлянское городище (Саркел);
2. 1934 г., В.В. Гольмстен, курганы на р. Маныч;
3. 1935 г., А.П. Круглов, многослойное поселение Красный Яр (Археологические..., 1962, с.86).

Административно-территориальные реформы на Юге России в 1934–1938 гг. изменили не только границы областей и краев, но и сами принципы организации археологических исследований и охраны памятников. Местным центром этой работы стало Ростовское областное бюро охраны и изучения памятников революции, искусства, культуры и археологии (1938–1942 гг.?).

Послевоенный период характеризовался принципиально новыми чертами в организации академических исследований на Дону, в 50–70-е гг. выросла роль донских музеев, ставших региональными центрами археологических исследований:

– Новочеркасский (областной) музей истории донского казачества, ставший «аэродромом подскока» для Волго-Донской экспедиции (1949–1951 гг., М.И. Артамонов), Кобяковской (1956–1963 гг., С.И. Капошина) и одним из мест формирования Южно-Донской экспедиции ЛОИА (с 1956 г., В.П. Шилов);

– Ростовский областной музей краеведения и Таганрогский краеведческий музей – Нижне-Донская экспедиция (с 1955 г., Д.Б. Шелов);

Именно по инициативе местных музеев возникают такие крупные научно-исследовательские проекты как Азово-Донецкая объединенная археологическая экспедиция (1976–1985 гг., К.Ф. Смирнов, В.Е. Максименко). Важную роль в этих исследованиях играли структуры Ростовского государственного университета. В XXI в. условия проведения исследований кардинально изменились, возникли новые академические структуры, но неизменным остается их стремление исследовать древнюю историю Дона.

ЛИТЕРАТУРА

Археологические..., 1962. Археологические экспедиции Государственной академии истории материальной культуры и Института археологии Академии наук СССР. 1919–1956 гг. Указатель. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1962. 264 с.

М.Д. Бухарин
(Москва)

СТАНОВЛЕНИЕ АРХЕОЛОГИИ В ТАДЖИКСКОЙ ССР И ПОИСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ТАДЖИКСКОГО НАРОДА В 1920 – НАЧАЛЕ 1950-х гг.

Национально-территориальное размежевание в СССР вызвало к жизни необходимость поиска исторических корней и национальных идентичностей тех этносов, которые, в конце концов, возобладали в новых административных единицах внутри СССР. В частности, этот вопрос встал перед таджиками и Таджикской ССР, путь которой к статусу союзной республики был одним из наиболее сложных. И для союзных, и для республиканских органов власти было важно обосновать историческую древность таджикского народа, таджикской культуры, языка, не уступающую по глубине и вкладу в общую историю народов СССР, прежде всего, другим народам Средней Азии. Важнейшая роль в данном вопросе отводилась представителям различных направлений исторической науки, прежде всего, археологам и филологам.

Одним из первых шагов на этом пути стала публикация в 1925 г. «Таджикистан: Сборник статей с картой». Это издание было, очевидно, приурочено к образованию 14 октября 1924 г. внутри Узбекской ССР отдельной Таджикской автономной социалистической советской республики. Отдельного внимания в данном сборнике заслуживает статья А.А. Семенова «Материальные памятники арийской культуры» (Семёнов, 1925. С. 113–150). Работа А.А. Семёнова оставалась практически незамеченной вплоть до ее переиздания в 1945 г.

Археологическое изучение территории Таджикистана в довоенный период носило эпизодический характер. Фактическое становление и систематическое развитие археологии в Таджикской ССР приходится на послевоенное время. Развитие археологии в Таджикистане шло в тесной взаимосвязи с решением вопроса о национальной идентичности таджиков и узбеков. Характерным его свидетельством является дискуссия, развернувшаяся как в науке, так и на высшем политическом уровне относительно работ А.А. Семёнова.

Фон к дискуссии был задан работой А.Ю. Якубовского об этногенезе узбекского народа (Якубовский, 1941). В ней Якубовский разработал последовательность этнических напластований, а также показал роль таджиков (согдийцев-таджиков) в формировании узбекского народа. Фактически, А.Ю. Якубовский сделал важнейший шаг на пути к формированию теории «многонационального народа» и, в частности,

– «многонационального узбекского народа».

По этому же пути – выстраивания «слоеного пирога» – шел и С.П. Толстов (*Толстов*, 1943). В его изложении, народы, участвовавшие в этногенезе узбеков, потеряли свою этническую обособленность в плавильном котле этногенеза, в результате чего после 1917 г. появилась новая историческая общность: многонациональный по происхождению узбекский народ. Нетрудно заметить, что подобный механизм этногенеза был положен в основу другой, еще более крупной «новой исторической общности» – советского народа.

В 1945 г. под грифом Редакции истории таджиков и Таджикистана Института истории, литературы и языка Таджикского филиала Академии наук СССР статья А.А. Семёнова была переиздана с небольшими изменениями как в названии, так и в тексте (*Семёнов*, 1945). Интересно, что в грифе на контртитule не указано учреждение, а в качестве даты указан 1944, а не 1945 г. Вероятно, это объясняется тем, что книга была сдана в печать 31 января 1945 г., и не все работники типографии успели к этому времени сориентироваться во времени. Отпечатана книга была в типографии НКВД.

Еще одной особенностью издания является указание перед основным текстом на то, что «настоящая работа» А.А. Семёнова воспроизводит с изменениями текст статьи 1925 г., и что «рукопись статьи была прочитана академиком В.В. Бартольдом, который своими замечаниями способствовал устранению некоторых в ней недостатков». Данная оговорка, определенно, была призвана служить страховкой на случай возможных претензий, однако авторитет В.В. Бартольда не спас книгу и ее автора от последующей драматической истории. Возможно, выход в свет данной работы был связан с началом работ Согдийско-Таджикской археологической экспедиции (СТАЭ) под руководством А.Ю. Якубовского, и ее публикация должна была стать своеобразным напутствием коллегам.

Фактически, концепции формирования «новой исторической общности», в которой этносы теряют свою идентичность, представленной С.П. Толстовым, противостояла другая концепция, согласно которой в процессе общего этногенеза один этнос играет стержневую роль. Эта концепция и была представлена в дискуссии 1940-х гг. об этногенезе в Средней Азии А.А. Семёновым и Б.Г. Гафуровым.

События, непосредственно следовавшие за выходом книги А.А. Семёнова, в настоящий момент не могут быть реконструированы с исчерпывающей полнотой за нехваткой источников. Тем не менее, следующий по хронологии известный документ – ответ профессора исторического факультета МГУ им. Ломоносова Б.Н. Заходера на запрос сотрудника управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) Ф.В. Чебаевского.

20 апреля 1947 г., т.е. спустя два (!) года после выхода книги Семёнова в свет, в газете «Культура и жизнь» (*Толстов*, 1947) была опубликована программная по сути и разгромная по форме статья С.П. Толстова, в которой автор подверг критике (можно сказать и «разносу») основной, как ему казалось, вывод работы А.А. Семёнова: все минимально заметные памятники культуры Средней Азии вплоть до XIX в. «оказываются» иранскими, а «вся история культуры народов Средней Азии рассматривается лишь как результат “иранских” влияний». Семёнов был объявлен расистом, который лишь «грубо замаскировал антинаучность своей позиции», вменив в названии термин «арийский» на «иранский». Публикация брошюры А.А. Семёнова была расценена как «акт недопустимого либерализма со стороны Таджикского филиала Академии наук к расистским концепциям».

Ответ на реакцию С.П. Толстова не заставил себя ждать. 14 июня 1947 г. первый секретарь ЦК КП(б) Таджикистана Б.Г. Гафуров обратился с письмом на имя А.А. Жданова и выступил с критикой положений статьи С.П. Толстова. Стороны дошли до обвинения друг друга в пантюркизме и паниранизме, что в реалиях 1947 г. было опасно не только для личной свободы, но и для жизни. Причина, по которой к Жданову обратился именно Б.Г. Гафуров, ясна из выходных данных книги А.А. Семёнова. На последней

странице среди выходных данных указано: «Отв. редактора Б. Гафуров и Н. Прохоров». Возможно, оппоненты А.А. Семёнова просто не заметили эту скромную приписку, и эта невнимательность и породила дальнейший скандал. Впрочем, это не более чем предположение.

В июле 1947 г. в «Вопросах истории» вышла рецензия искусствоведа, специалиста по истории архитектуры Закавказья Л.С. Бретаницкого на книгу А.А. Семёнова (*Бретаницкий*, 1947. С. 128–131). Финальный вывод Бретаницкого звучит как приговор: «Рецензируемая работа своими тенденциями и вредными отправными положениями искажает историю народов Средней Азии и неправильно ориентирует в ней читателя».

В конечном итоге, в дискуссию были втянуты и другие руководители советского государства: М.А. Суслов, Д.Т. Шепилов, а 3 октября 1949 г. Б.Г. Гафуров снова обращается с письмом на имя Жданова – уже Ю.А. – с просьбой созвать совещание по вопросам изучения истории народов Средней Азии.

В таких условиях начинало становление систематическое археологическое исследование Таджикистана, в частности, силами Согдийско-Таджикской археологической экспедиции, работавший до 1953 г. под руководством А.Ю. Якубовского. Во введении к первому тому «Трудов» СТАЭ (*Якубовский*, 1950. С. 7–10), Якубовский приходит к мысли о том, что этногенез таджиков был завершен («в глубокой древности», задолго до первого до первого упоминания самого этнонима «таджик» в источниках и появления первых памятников таджикского языка. Неудивительной выглядит попытка А.Ю. Якубовского уравновесить древность истории таджиков и узбеков, возводя ее к ахеменидскому периоду. Однако для того, чтобы разглядеть присутствие тюркоязычного народа в середине I тыс. до н.э. на территории совместного проживания таджиков и узбеков, Якубовскому приходится не только объявить таджиков потомками «согдийцев, бактрийцев и тохаров», но и узбеков, «в определенном своем слое <...> отюреченными согдийцами», которые и стали не узбеками, как полагал С.П. Толстов, но таджиками.

Работы А.Ю. Якубовского, первого руководителя Таджикско-Согдийской археологической экспедиции, также следовали в русле кампании по «идентификационному размежеванию» носителей иранских и тюркских языков. Спустя 10 лет после выхода брошюры об этногенезе узбекского народа А.Ю. Якубовский пришел к выводу, согласно которому узбеки и таджики представляют собой народ, имеющий единое этническое происхождение, часть которого была позднее «отюречена». Эта формулировка вне зависимости от того, как она могла быть воспринята в обеих республиках, растворяла историю таджиков и узбеков в одном и том же котле древней истории, формируя тот самый «советский народ», в котором различия в этническом происхождении никого не должны были волновать. Для превентивного успокоения умов в Таджикистане и Узбекистане симбиоз обоих народов и обеих республик Якубовский уподобил неразделимому сосуществованию России и Украины и Киевской Руси (так же как в работе 1941 г. об этногенезе узбекского народа) как исторической основы развития одного и того же народа. Якубовский делает и еще одну оговорку: некоторые области Таджикистана не могут быть «объектом» истории Узбекистана, и наоборот; история Таджикистана и таджиков выходит за административные границы Таджикистана середины XX в. и затрагивает не только Узбекистан, но и Афганистан. В этом аспекте Якубовский отходит от своей же точки зрения, развивая *volens-noles* концепцию таджикского «этнического империализма».

Единый равно древний народ, населяющий две соседние республики, – тот образ таджикского и узбекского народов, создававшийся в послевоенные годы, который, однако, едва ли мог прижиться, так как размывал национальную специфику, «одаривая» глубиной истории, историческими достижениями соседа за счет собственных особенностей исторического развития.

ЛИТЕРАТУРА

- Бретаницкий Л.* Проф. А. А. Семенов. Материальные памятники иранской культуры в Средней Азии // Вопросы истории. 1947. № 7. С. 128–131.
- Семёнов А.А.* 1925. Материальные памятники арийской культуры // Таджикистан. Сборник статей с картой / под ред. Н.Л. Корженевского. Ташкент: [б/и.], С. 113–150.
- Семёнов А.А.* 1945. Материальные памятники иранской культуры в Средней Азии. Сталинабад: Госиздат при СНК Таджикской ССР. 46 с.
- Толстов С.П.* 1943. Древняя культура Узбекистана. Ташкент: Издательство УзФАН. 36 с.
- Толстов С.* 1947. Не искажать историю народов Средней Азии (О брошюре А.А. Семёнова «Материальные памятники иранской культуры в Средней Азии») // Культура и жизнь. 20 апреля.
- Якубовский А.Ю.* 1941. К вопросу об этногенезе узбекского народа. Ташкент: УзФАН. 19 с.
- Якубовский А.Ю.*, 1950. Введение // Труды Согдийско-Таджикской археологической экспедиции Института истории материальной культуры АН СССР, Таджикского филиала АН СССР и Государственного Эрмитажа. Т. I. 1946–1947 гг. / под ред. А.Ю. Якубовского. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР. С. 7–10. (Материалы и исследования по археологии СССР. № 15).

А.В. Вайтович
(Минск)

«ПОЛОЖИТЕЛЬНЫМ ФАКТОМ ЯВЛЯЕТСЯ СВЯЗЬ, УСТАНОВЛЕННАЯ ЭТОЙ СЕКЦИЕЙ С ГАИМКОЙ, АКАДЕМИЕЙ НАУК СССР»: СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ БЕЛОРУССКОЙ СОВЕТСКОЙ АРХЕОЛОГИИ 1920-х – 1930-х ГОДОВ

Институционализация белорусской археологии сопровождалась становлением разнообразных форм научных контактов. Коммуникационная сеть, складывавшаяся в БССР, охватывала не только местных специалистов, но и ученых из других союзных республик. В литературе уже поднимался вопрос о научных связях минских археологов с сотрудниками ГАИМК (*Вергей*, 1992; *Чубур*, 2009; *Семёнов*, 2018). Расширение круга источников позволяет дополнить существующие представления о развитии научной коммуникации белорусских археологов в межвоенное время.

Первые выявленные свидетельства контактов белорусских специалистов с ленинградскими учеными относятся к февралю 1924 г. Декан факультета общественных наук Белорусского государственного университета профессор С.З. Каценбоген, занимаясь созданием университетского музея по истории первобытной культуры и религии, был командирован в Ленинград с целью формирования музейных фондов. Как сообщила пресса, С.З. Каценбоген приобрел «от Академии материальной культуры богатейший материал по археологии Белоруссии» (*Музей...*, 1924. С. 5). В дальнейшем это сотрудничество развития не получило.

Таким же спорадическим оказалось и взаимодействие представителей Белорусского государственного музея с археологами ГАИМК. В конце 1925 г. А.А. Спицын пытался установить контакты с музейщиками, но безуспешно (*Чубур*, 2009. С. 39–40). Только в 1927 г. он смог ознакомиться с археологической коллекцией главного музея БССР (*У Беларускай...*, 1927. С. 4).

Наиболее активно с ГАИМК сотрудничали научные структуры. В 1922 г. был создан Институт белорусской культуры (ИБК), в 1929 г. он был реорганизован в Белорусскую академию наук (БАН). Не обладая необходимыми материальной базой и кадрами, научный центр БССР неоднократно посылал в ГАИМК запросы на командирование в Минск специалистов для проведения раскопок. Во второй половине 1920-х гг. участие в археологических исследованиях на территории Беларуси принимали А.А. Спицын,

С.Н. Замятнин и др. Результаты многих полевых работ были представлены в трудах кафедры (впоследствии секции) археологии ИБК / БАН (*Вергей*, 1992; *Чубур*, 2009).

Значимой страницей научного сотрудничества академических учреждений стала комплексная Полесская экспедиция. В 1932 г. по инициативе Института по изучению народов СССР АН СССР белорусская и украинская Академии наук организовали совместное изучение Белорусского и Украинского Полесья. Экспедиция была направлена на изучение состояния экономики, классовой борьбы, медицины и национально-культурного строительства. Общее руководство Белорусским отрядом было возложено на академика В.К. Щербакова, «археологическую бригаду» возглавил А.Н. Лявданский. В результате двухмесячных исследований было выявлено свыше 30 новых археологических памятников, обследовано более 20 уже известных поселений. Особое внимание уделялось изучению истории техники и промыслов (*Вергей*, 1992).

Совместная работа велась и в области обработки коллекций. Например, в 1926–1927 г. П.П. Ефименко, а также сотрудник Русского музея Г.А. Бонч-Осмоловский, к которому обратилась ГАИМК, провели определение артефактов, выявленных К.М. Поликарповичем во время разведок на р. Сож, и подтвердили предположение о палеолитическом возрасте находок (*Вергей*, 1992. С. 30; *Чубур*, 2009. С. 158–159). С материалами К.М. Поликарповича неоднократно работал и А.А. Спицын (*Чубур*, 2009. С. 46). В феврале 1928 г. кафедра археологии ИБК выслала в Зоологический музей АН СССР посылку с «костями ископаемых животных» (ЦНА НАНБ. Ф. 67. Д. 30. Л. 24, 25). В то же самое время в ГАИМК «для определения» был выслан куфический дирхем, выявленный И.А. Сербовым при раскопках кургана возле деревни Словены Ушачского района. В течение года между двумя учреждениями велась активная переписка по вопросу методики изучения и месте хранения монеты (ЦНА НАНБ. Ф. 67. Д. 30. Л. 23, 39, 40, 88). Весной 1929 г. К.М. Поликарпович был командирован в Ленинград для работы с материалами, хранящимися в ГАИМК (*Чубур*, 2009. С. 52–53). В конце 1920-х – начале 1930-х гг. активное участие в изучении фауны Бердыжской палеолитической стоянки принимал сотрудник Института археологической технологии при ГАИМК В.И. Громов (Запискі..., 1930. С. 7–30).

Еще одним направлением взаимодействия стал обмен литературой. В 1928–1929 гг. А.Н. Лявданский, ученый секретарь Археологической комиссии, направил в ГАИМК несколько запросов с просьбой выслать изданные до революции публикации Императорской археологической комиссии (ЦНА НАНБ. Ф. 67. Д. 30. Л. 34, 84). Кроме того, белорусские ученые неоднократно работали в фондах библиотеки и архива ГАИМК (Запискі..., 1930. С. 504; ЦНА НАНБ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 34. Л. 32 об.).

Важной формой сотрудничества ученых являлось участие в различных научных мероприятиях. В январе 1926 г. был проведен первый в истории БССР съезд исследователей в области археологии и археографии. Одним из его участников стал А.А. Спицын. Его доклад, посвященный современному состоянию белорусской археологии, вызвал интерес и участников мероприятия, и общественности (*Вергей*, 1992).

Надежды на налаживание контактов связывались с перспективами проведения всесоюзных археологических съездов. Первый съезд предполагалось провести в Москве в 1929 г., второй – в УССР в 1930 г., третий – в БССР в 1931–1932 гг. Уже в начале 1929 г. сотрудники кафедры археологии БАН развернули масштабные подготовительные работы. Исследователи собирались изучить водный путь «из варяг в греки» и обследовать берега Днепра и Березины. Кроме того, должна была вестись разработка индивидуальных тем (ЦНА НАНБ. Ф. 67. Оп. 1. Д. 23. Л. 57). С.А. Дубинский собирался выявить в архиве ГАИМК данные о раскопках XIX – начала XX вв. и на основе выявленных материалов подготовить доклад на тему «Археологическая работа на Беларуси в дореволюционные времена и ее результаты» (ЦНА НАНБ. Ф. 67. Оп. 1. Д. 22. Л. 274–274 об.).

Ни один из запланированных всесоюзных археологических съездов так и не был проведен. Развитие научных коммуникаций белорусского археологического сообщества,

тем не менее, продолжалось. В 1929 г. С.А. Дубинский выступил в Государственной академии материальной культуры с докладом об итогах раскопок Банцеровского городища (Записки..., 1930. С. 504). В мае 1932 г. в Ленинграде прошло Всероссийское археолого-этнографическое совещание. В его работе приняли участие А.Н. Лявданский и К.М. Поликарпович. Тезисы докладов были опубликованы в трудах секции археологии БАН и сообщениях ГАИМК (ЦНА НАНБ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 26. Л. 102, 103; *Вергей*, 1992). В сентябре 1932 г. К.М. Поликарпович выступил с докладом об изучении памятников палеолита и мезолита на II Международной конференции по изучению четвертичных отложений, также состоявшейся в Ленинграде. Материалы конференции увидели свет в 1935 г. (*Чубур*, 2009. С. 59–60, 210). В феврале 1936 г. А.Н. Лявданский стал участником XV пленума ГАИМК. Он прочитал доклад об итогах археологических работ в БССР и на Смоленщине (ЦНА НАНБ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 34. Л. 32 об.).

Сотрудники ГАИМК приглашались и к обсуждению текстов белорусских археологов. В 1936 г. В.И. Равдоникас написал рецензию на рукопись К.М. Поликарповича «Очерки по истории родового и раннеродового общества» (*Чубур*, 2009. С. 71–74). Развитие сотрудничества с ленинградскими археологами было высоко оценено руководством Института истории БАН (ЦНА НАНБ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 34. Л. 60).

Влияние на динамику взаимодействия исследователей оказывали и вненаучные факторы. С.А. Дубинский, в 1933 г. уволенный из БАН как «нацдем», в 1934 г. был принят на работу в ГАИМК. В дальнейшем ученый поддерживал личные связи с оставшимися в Минске коллегами (*Чубур*, 2009; *Семёнов*, 2018). В 1937 г. С.А. Дубинский, А.Н. Лявданский, А.Д. Каваленя были расстреляны. Единственный уцелевший археолог – К.М. Поликарпович – продолжал взаимодействие с ГАИМК, преобразованной в ИИМК в составе АН СССР. В соответствии с регламентом, он запрашивал в Ленинграде открытые листы на право производства раскопок на территории БССР (*Чубур*, 2009).

Таким образом, на протяжении 1920-х – 1930-х гг. белорусские археологи активно сотрудничали со специалистами ГАИМК / ИИМК. Документы белорусских архивов и опубликованные материалы позволяют проследить разнообразные формы научных контактов. Дальнейшие исследования должны быть направлены на выявление и осмысление источников, хранящихся в российских научных учреждениях.

ЛИТЕРАТУРА

- Вергей В.С.*, 1992. Археалагічная навука ў Беларускай ССР. 1919–1941 гг. Мн.: Навука і тэхніка. 144 с.
- Записки..., 1930. Записки аддзелу гуманітарных навук // Беларуская Акадэмія Навук. Менск. Кн. 11. Працы Археалёгічнай Камісіі. Т. II. 534 с.
- Музей..., 1924. Музей культуры и религии // Звезда. № 29. С. 5.
- Семёнов С.А.*, 2018. Из Петербурга в Ленинград. Вехи профессионального пути археолога С.А. Дубинского // Бюллетень Института истории материальной культуры РАН (охранная археология). № 8. С. 241–247.
- У Беларускім..., 1927. У Беларускім Дзяржаўным Музеі // Савецкая Беларусь. № 145. С. 4.
- Чубур А.А.*, 2009. Константин Михайлович Поликарпович: жизнь, открытия, ученики. Мн.: Беларуская навука. 216 с.

Т.О. Галкин
(Зарайск)

**«...ЕСЛИ РАЗРЕШИТЬ РАСКОПКУ КУРГАНОВ, ТО
НЕПРЕМЕННО НУЖНО ОТВЕЧАТЬ ЗА ЭТО...»:
БИОГРАФИЯ И НАУЧНЫЕ ТРУДЫ С.И. БОЧАРНИКОВА (ЗАРАЙСК)**

Сергея Ильича Бочарникова по праву можно назвать первым зарайским археологом. Человек, который с отроческих лет изучал историю своего родного города, допуская неизбежные ошибки, подвергался критике, но продолжал свои исследования. Книжные изыскания, соби́рание легенд и преданий о появлении и развитии города, во многом, как мы теперь удостоверились, ошибочных, привели С.И. Бочарникова к археологии как последнему доводу *pro et contra* относительно множества легендарных сведений, которыми окутана история Зарайска.

Сергей Ильич Бочарников родился 2 (14) апреля 1841 года в уездном г. Зарайске в купеческой семье. Во всех официальных документах в дальнейшем это всегда будет оговариваться «купеческий сын Сергей Бочарников», хотя сам Сергей Ильич перейдет в мещанское сословие и в метрике будет указан как мещанин. Скончался 8 (20) ноября 1887 года в возрасте 46 лет от чахотки, погребен 10 (22) ноября того же года. Исповедовал и приобщал священник Яков Колосов. Погребение и отпевание совершили священник Яков Колосов, дьякон Алексей Радеев и псаломщик Иван Ильинский на городском кладбище (ЦГАМО Ф. 16И, Оп. 2. Д. 86. Л. 27).

В 1867 году, 8 (20) ноября, в возрасте 26 лет, сочетается первым браком с зарайской мещанкой, девицей Марией Михайловной Пономарёвой, возраста 20 лет, в Единоверческой церкви Преображения Господня г. Зарайска. Таинство бракосочетания совершил священник Михаил Беляев с причтом. Поручителями со стороны жениха выступили купеческий сын Фёдор Ильич Бочарников (брат) и коллежский секретарь Николай Григорьевич Соловкин. А по невесте: Николай Леонтьевич Бельницкий и губернский секретарь, письмоводитель стряпчего Беляев (ЦГАМ Ф. 2130. Оп. 1. Д. 18. Л. 87).

В семье С.И. Бочарникова и М.М. Бочарниковой (урожд. Пономарёвой) было 10 детей. Большая часть из них умерла в детстве. Одну из дочерей, родившуюся 20.01.1885 г., он называет Евпраксией, что, по устному сообщению К.В. Кондратьева, крайне нехарактерно для традиционного зарайского имянаречения этого времени и, очевидно, связано с увлечениями Бочарникова историей города. Мы располагаем архивными сведениями еще о двух дочерях Бочарникова. Нина, родившаяся в 1886 году, скончалась в возрасте 1 года от колик 23 июня (5 июля) 1887 года, погребена 25 июня (7 июля) того же года (ЦГАМО Ф. 16И, Оп. 2. Д. 86. Л. 23). Зоя, родившаяся в 1872 году, умерла от чахотки в возрасте 15 лет 26 августа (7 сентября) (Там же). Хоронили и отпевали их все тот же священник Яков Колосов и псаломщик Яков Минин на городском кладбище Зарайска. До взрослого возраста доживают всего двое детей.

Основным занятием Сергея Ильича, которое приносило ему доход, все же была не история, а юридическая практика. После окончания начального училища он получил юридическое образование и в 1880-е гг. являлся частным поверенным съезда мировых судей Зарайского уезда, был членом-делопроизводителем Сиротского суда Зарайска.

Историей города Бочарников интересовался всю сознательную жизнь. Уже в 18-летнем возрасте он пишет первую работу об истории города в «Московских Ведомостях». В этой статье Бочарников собирает все известные ему на тот момент легенды, предания и ску́пые сведения письменных источников о Зарайске, причем большая часть сведений оказалась «легендарной» настолько, что вызвала критический отклик еще одного уроженца Зарайска, сотрудника Московского архива иностранных дел И.К. Калугина, в «Московских ведомостях» (№ 80, 1858 г.). Причем критический отзыв заканчивался

весьма примечательной фразой: «Беда, коль сапоги начнет тачать пирожник, а пироги печи сапожник», цитатой из басни Крылова «Щука и Кот» (1813 г.).

Критическая реакция, впрочем, не остановила Бочарникова на поприсе изучение родного края, а, судя по публикациям, скорее подстегнула его исследовательский интерес. Одна за одной выходят работы, посвященные образу Чудотворца Николы Зарайского (1860), Никольскому собору Зарайского кремля (1865), самому кремлю (1866), Благовещенскому кургану (1883). В той или иной мере все эти работы продолжали перетасовывать краеведческие легенды, связанные с историей города, подсвечивая ту или иную проблему, которой были посвящены. Ограниченность источников подтолкнула Бочарникова в объятия археологии. 20 мая 1871 года он пишет письмо графу Строганову, председателю Императорской археологической комиссии, где сообщает о своем желании провести в Зарайске археологические раскопки: «Занимаясь несколько лет изучением истории и археологии г. Зарайска, – города древнего в России и замечательного по историческим событиям, – при обозрении уезда его нашел, между прочим, что некоторые памятники (курганы, древние могилы и пр.) до сих пор еще не исследованы. Каменный кремль в городе, где находили защиту предки наши от разорений при набегах неприятелей – не исследован» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1 – 1871. Д. 15. Л. 1).

4 июня 1871 года искомый открытый «лист на раскопку древних курганов и городищ на казенных и общественных землях Зарайского уезда» был получен (Там же. Л. 5). Вместе с листом была приложена «Записка об обозрении русских древностей» как руководство для проведения работ (Сахаров, 1851). Бочарников проводит раскопки на территории кремля, раскапывает Благовещенский курган и проводит исследования курганного некрополя в окрестностях Ростиславля Рязанского, где вскрывает 6 курганов, осматривает белокаменные надгробия на погосте «Старинин» в «10 верстах от Зарайска», а также вскрывает некий «курган в 3 верстах к северу от города», локализовать (и даже понять, что это) в настоящий момент не представляется возможным (Бочарников, 1885).

По всей видимости, получение открытого листа было воспринято Сергеем Ильичом как некое право на проведение раскопок на протяжении крайне длительного времени. Во всяком случае, работы в кремле были проведены им, видимо, сразу по получении листа, раскопки курганов под Ростиславлем он проводит 9 (21) августа 1871 года (Бочарников, 1878–1879. С. 398), а вот раскопку Благовещенского кургана он провел 21 марта (2 апреля) 1881 года (Марин, 1894. С. 67).

В нарушение положения о проведении археологических исследований ни в одном из случаев Бочарников не предоставил отчета о проведенных работах в Императорскую археологическую комиссию, что прямо было отмечено в тексте документа: «и что бы есть древности, которые им могут быть найдены при этом представлены были им потом на рассмотрение ИМПЕРАТОРСКОЙ Археологической Комиссии» (РО НА ИИМК РАН. Ф.1 Оп. 1 187. Д. 15. Л. 6–6 об.). Никаких сведений о поступлении отчета или вещей, найденных при раскопках, в отчетах РУАК также обнаружить не удалось.

Это привело к ситуации, когда после смерти Сергея Ильича открытый лист по запросу ИАК пришлось возвращать зарайскому уездному земскому исправнику штабс-капитану Николаю Дмитриевичу Змиеву (Змееву). «В следствии отношения от 10 сентября за № 50 препровождая отобранный от родственников, умершего в прошлом, 1887 г., купеческого сына Сергея Ильича Бочарникова, открытый лист, выданный ему для раскопок с археологической целью, имею честь уведомить что сведений о производившихся г. Бочарниковым раскопках и вообще о деятельности его в этом направлении в семье его не сохранилось так как г. Бочарников был членом Рязанской Ученой Архивной Комиссии, то можно предположить, что результаты своих изысканий он сообщил в означенную Комиссию» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1 – 1871. Д. 15. Л. 4).

По всей видимости, этот факт, отложившийся в архиве ИИМКа, позволил авторам академической истории Императорской археологической комиссии предположить, что Бочарников правом на проведение раскопок не воспользовался. Отметив, что

сформированная система учета выдачи и возврата открытых листов работала «вне зависимости от того, проводились исследования или нет» (Мусин и др., 2019. С. 1108).

Как мы видим, это не так. Работы были проведены в полном объеме, на протяжении длительного времени. Можно предположить, что, скорее всего, это было связано с недостатком финансирования и общей занятостью археолога иными делами. Бочарников в своих статьях неоднократно отмечает о приведении местностей, где производились раскопки, «в прежний вид», но нами не обнаружено никаких сведений о написании отчетов по проведенным работам. Большая часть трудов Бочарникова оказалась забыта, однако к раскопкам Благовещенского кургана исследователи обращаются практически в каждой публикации, посвященной изучению событий Смутного времени в России, связанной с действиями А.Ю. Лисовского в 1608 году.

ЛИТЕРАТУРА

- Бочарников С.И.*, 1878–1879. Памятники древности близ погоста Ростиславль Зарайск. у. // Антропологическая выставка 1879 года. Т. II. / Под ред. А.И. Богданова. М. Типография М.Н. Лаврова и Ко. С. 398.
- Бочарников С.И.*, 1885. О памятниках древности в городе Зарайске и его окрестностях // Труды ИМАО Т. 10. / Под ред. Д.Н. Анучина. М. С. 95–101.
- Мусин А.Е., Длужневская Г.В., Медведева М.В., Платонова Н.И.*, 2019. Славяно-русские и средневековые древности в исследованиях Императорской археологической комиссии // Императорская археологическая комиссия (1859–1917): история первого государственного учреждения российской археологии от основания до реформы: Коллективная монография: в 2 т. Т. 2 / науч. ред.-сост. А.Е. Мусин, М.В. Медведева. 2–е изд., перераб. и доп. СПб.: ИИМК РАН. 728 (1616) с.
- Марин А.А.*, 1894. Памятка о кургане в Зарайске // Труды Рязанской ученой архивной комиссии Т. 9. Вып. 1. [4], 69, [1] / под ред. С.Д. Яхонтова. Рязань. Тип. губ. правления. XVI с.
- Сахаров И.П.*, 1851. Записка для обозрения русских древностей. СПб.: Тип. Я. Третья. 80 с.

Е.Н. Жукова
(Тверь)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПО СОСТАВЛЕНИЮ СВОДА ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ В КАЛИНИНСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ (1970–1980-е гг.)

Потребность в систематизации информации о памятниках прошлого возникает при устойчивом интересе общества к истории локальных территорий уже в Российской империи на рубеже XIX–XX вв. Именно в это время появляются первые аннотированные археологические карты регионов. На протяжении советского периода отечественной истории количество выявленных археологических объектов увеличивается, и во второй половине XX в. организация систематического учета памятников прошлого, в том числе и археологических объектов, становится актуальной задачей. В 1972 г. на общесоюзном уровне начинают формироваться структуры, на которые возлагается обязанность организовывать работу по формированию Свода памятников истории и культуры. Деятельность должна была осуществляться в трех основных направлениях: систематизация сведений о памятниках истории и культуры, о памятниках археологии, а также архитектуры и градостроительства. Научно-методическое руководство по сбору сведений о памятниках археологии было возложено на Институт археологии АН СССР, реализовавший плановые экспедиционные исследования и научно-методическую деятельность по систематизации информации (Кашкин, 2012. С. 185).

На местном уровне создавались рабочие группы на базе ведущих региональных учреждений образования и культуры. В Калининской области сложились благоприятные условия для оперативного включения региона в эту деятельность. На территории области с 1959 г. систематично велись исследования Верхневолжской археологической экспедицией (ВВАЭ) ИА АН СССР под руководством Д.А. Крайнова. С конца 60-х гг. в работе экспедиции начали принимать участие молодые археологи, сотрудники Калининского областного краеведческого музея и Калининского педагогического института (с 1971 г. – университета – КГУ) Ю.Н. Урбан и И.Г. Портнягин.

В 1972 г. в рамках работы научно-исследовательского сектора университета была создана группа по подготовке свода памятников истории и культуры Калининской области. Научная группа работала при координационной поддержке ИА АН СССР по теме «Свод памятников» (ТЦДНИ. Ф. 2981. Оп. 1–3. Д. 5965. Л. 16). До середины 70-х гг. экспедиции, возглавляемые сотрудниками университета, организовывались как отдельные отряды ВВАЭ: Калининский, Борисовский, Дербешский. Со второй половины 70-х гг. полевые исследования университета стали проводиться как Историко-археологическая экспедиция КГУ. Финансирование работ осуществлялось через Министерство культуры и его региональные структуры на местах (в частности, Управление культуры Калининского облисполкома). Работы выполнялись на хоздоговорных началах. Работа по созданию свода памятников археологии Калининской области включала разведочное обследование территории области, а также подготовку документации и написание текста свода. В состав группы входили как штатные работники, так и привлекаемые по договору на время полевых исследований археологи ВВАЭ, областного краеведческого музея, а также студенты исторического факультета КГУ.

В целом деятельность по составлению свода памятников велась на протяжении более чем 20 лет. Первый договор на хоздоговорные работы был составлен в конце 1971 г. (ТЦДНИ. Ф. 2981. Оп. 1. Д. 306. Л. 1), а в последний раз научная тема «Свод памятников» была обозначена в плане научно-исследовательских работ университета на 1993 г. (ТЦДНИ. Ф. 2981. Оп. 1–3. Д. 8469. Л. 2). За это время группой «Свода памятников» были составлены паспорта почти 5000 археологических памятников (АКР, 2003. С. 18). При этом выявление и систематизация материалов позволили выделить новые археологические культуры с исследованными типовыми памятниками древнейшего прошлого региона (Крайнов, Кольцов, 1983).

В первой половине 70-х гг. основными исполнителями по проекту выступали Ю.Н. Урбан, Г.В. Харитонов, И.Г. Портнягин. Общее руководство проектом «Свод памятников» осуществлял заведующий кафедрой истории СССР проф. О.А. Васьковский, начальником экспедиции был Ю.Н. Урбан, выпускник 1968 г. кафедры археологии Ленинградского госуниверситета. Вчерашние калининские школьники и студенты, участники археологических кружков и экспедиций, организованных Ю.Н. Урбаном, становились ближайшими коллегами и соратниками молодых археологов и уже с середины 70-х гг. активно включились в работу по составлению свода памятников: Е.В. Бодунов, В.М. Воробьев, П.Д. Малыгин, А.Д. Максимов, А.В. Мирецкий. Кроме того, в разные годы в экспедиционных исследованиях по составлению свода памятников принимали участие Ф.Х. Арсланова, Н.А. Харитонова, Н.И. Ивановская, А.Н. Хохлов, А.И. Ланцев.

Увеличение объема работ по составлению свода памятников приходится на время с конца 70-х гг. до первых лет перестройки. В группе постоянно работало 5 археологов, держателей открытых листов, один из которых – В.М. Воробьев – с 1978 г. стал руководителем хоздоговорной темы. Уже к 1981 г. было поставлено под охрану более 3000 памятников археологии (ТЦДНИ. Ф. 109. Оп. 1. Д. 221. Л. 9). В 1985 г. перед группой была поставлена задача подготовки к публикации 3-х томного издания свода памятников Калининской области. Однако к 1989 г. происходит сокращение штатного расписания группы свода, полевые исследования практически прекратились, и с 1992 г. только один

археолог, сотрудник НИС университета А.Д. Максимов работал по теме «Свод памятников». После перехода А.Д. Максимова в штат госинспекции по охране и использованию памятников истории и культуры Тверской области вся деятельность по систематизации археологического наследия была сосредоточена в этой организации.

Таким образом, археологами университета был реализован первый этап работы по составлению свода – подготовлена научно-техническая документация на основе собранных архивных и опубликованных материалов о ранее изученных памятниках, проведены масштабные разведочные экспедиционные исследования с выявлением новых объектов и мониторингом уже известных. Однако подготовка к публикации подобного массива данных требовала равнозначных усилий по сравнению с этапом сбора информации, что объективно оказалось невозможным в конце 80-х гг. на финале перестройки.

ЛИТЕРАТУРА

- Введение..., 2003. Введение // АКР. Тверская область. Ч. 1. / Авт. сост. Г.Г. Король / ред. Н.В. Малиновская. М.: ИА РАН. С. 12–71.
- Кашкин А.В., 2012. Наш юбилей (К 40-летию Отдела археологических сводов и карт Института археологии РАН) // РА. № 4. С. 184–186.
- Крайнов Д.А., Кольцов Л.В., 1983. 25 лет (1959–1983 гг.) Верхневолжской экспедиции Института археологии Академии наук СССР // СА. 1983. № 4. С. 267–271.

Е.Г. Застрожнова
(Санкт-Петербург)

«К ВОПРОСУ О ЛИКВИДАЦИИ ГАИМК И СОЗДАНИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА ПРИ АКАДЕМИИ НАУК»: ЗАЯВЛЕНИЕ В.И. РАВДОНИКАСА И П.П. ЕФИМЕНКО (1936 г.)

История Государственной академии истории материальной культуры на последнем этапе работы учреждения в 1936–1937 гг. все еще недостаточно изучена. Важные архивные материалы, позволяющие восстановить последовательность событий, не так давно были выявлены и готовятся в настоящее время к публикации. Одним из таких документов является заявление, поданное 30 ноября 1936 г. директором Института истории доклассового общества В.И. Равдоникасом и заведующим кафедрой истории родового общества П.П. Ефименко в секретариат парткома институтов АН СССР (ЦГАИПД. Р-24. Оп. 2-г. Д. 1090)². Заявление хранится в Центральном архиве историко-политических документов (ЦГАИПД), материалы дела были рассекречены Межведомственной экспертной комиссией при губернаторе г. Санкт-Петербург 2 декабря 2015 г. Заявление представляет собой авторизованную машинопись на пяти листах с сопроводительным письмом секретаря парткома институтов АН СССР С. Антонова, перенаправленное в Отдел науки Ленинградского городского комитета ВКПб со штампом о регистрации 1 декабря 1936 г. Крайне важно отметить помету неустановленного лица на данном письме: «Вопрос о ликвидации ГАИМК и создании археологического института при Академии наук разрешить в духе предложений Равдоникаса и Ефименко» (ЦГАИПД. Р-24. Оп. 2-г. Д. 1090. Л. 9).

Обстоятельства, сопутствующие написанию заявления, были крайне тяжелыми. После массовых арестов руководящего и научного состава по делу о «террористической

² Переписка с институтами, Академией наук СССР и другими культурно-просветительными учреждениями о перестройке работы Государственной академии Истории материальной культуры. ЦГАИПД. Р-24. Оп. 2-г. Д. 1090.

группе ГАИМК» в мае 1936 – феврале 1937 г. Академия оказалась в крайне тяжелом положении³. После ареста 27 августа 1936 г. самого председателя Академии Ф.В. Кипарисова, 3 сентября на общем собрании партийной организации ГАИМК он был исключен из партии, а 9 сентября приказом снят с должности. 11 сентября 1936 г. временно исполняющим обязанности председателя ГАИМК был назначен О.О. Крюгер⁴ (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 330. Л. 16). Крайне важно отметить, как характеризовал ситуацию в ГАИМК осенью 1936 г. сам О.О. Крюгер на одном из допросов после собственного ареста: «В тяжелые, критические для ГАИМК дни, когда после ареста Кипарисова учреждение не имело постоянного председателя, всякие сторонние интересы и борьба усложняли существование этого учреждения (недостижимо длительно протекало включение ГАИМК в состав АН), в это время П.П. Ефименко усиливал затруднения (игнорировал пленум этого учреждения, был недоволен проверкой трудов и пр.) и отношения с ним были весьма натянутые» (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-21065. Л. 138–143)⁵. Возможно предположить, что сотрудники ГАИМК, оказавшись в такой ситуации, предпринимали определенные попытки сохранить учреждение, вступая в противоречия друг с другом.

Начиная со слов: «Положение, которое существует сейчас в Гос[ударственной] академии истории материальной культуры, внушает чрезвычайно серьезные опасения за судьбу той области исторической науки, которая является нашей специальностью, области археологии», составители заявления открыто обвинили руководство ГАИМК в лице врио председателя О.О. Крюгера, секретаря парткома И.В. Ворониной и председателя месткома Б.Л. Богаевского в продолжении «той же самой линии, которую вредительски вел Ф.В. Кипарисов, и которая, по нашему мнению, заключается в подрыве археологических исследований и в развале археологической работы ГАИМК1» (ЦГАИПД. Р-24. Оп. 2-г. Д. 1090. Л. 16).

Крайне негативная оценка была дана плану работы ГАИМК на 1937 г., в котором «археологическая тематика тонет в тематике общеисторической, в значительной своей части лишенной актуального значения». Отмечались и подробности его составления: «были собраны индивидуальные заявки научных сотрудников без четких и конкретных указаний руководства о направлении планирования научной работы. Такие заявки в течение одной ночи были распределены по якобы «ведущим проблемам» ученым секретарем Академии⁶, – и в результате получился производственный план на 1937 год» (ЦГАИПД. Р-24. Оп. 2-г. Д. 1090. Л. 17).

³ Всего по делу «о террористической группе ГАИМК» было арестовано более 30 сотрудников, в том числе уже уволенных из академии на момент ареста (5 мая 1936 – Г.С. Зайдель, 19 мая 1936 – С.Г. Томсинский, 6 июня 1936 – М.Л. Ширвиндт, 14 июля 1936 – З.Б. Лозинский, 1 августа 1936 – А.Г. Пригожин, 8 августа 1936 – С.Н. Быковский, 27 августа 1936 – Ф.В. Кипарисов, 7 сентября 1936 – М.Г. Худяков, 23 октября 1936 – С.М. Дубровский, 5 ноября 1936 – В.С. Адрианов, 13 ноября 1936 – Б.А. Латынин, 30 января 1937 – М.М. Цвибак, 17 февраля 1937 – С.А. Лотте и др.).

⁴ В Академию О.О. Крюгер был принят 14 мая 1920 на должность временного научного сотрудника II категории. С мая 1930 вошел в бригаду по «чистке». После реформирования ГАИМК и создания Сектора (с 1934 – Института) античной (рабовладельческой) формации, возглавил Группу по сельскому хозяйству в Северном Причерноморье. В апреле 1932 был утвержден действительным членом Сектора рабовладельческой формации Академии. В 1933 был назначен первым руководителем Керченской (будущей Боспорской) экспедиции ГАИМК, МОГАИМК и ГМИИ, в задачу которой было входило изучение городов и некрополей Боспора (*Виноградов*, 2023. С. 361–372). 8 октября 1937 был уволен из ИИМК АН СССР. 4 ноября 1938 арестован по обвинению в участии в антисоветской меньшевистской организации. Особым совещанием при НКВД СССР 10 ноября 1939 был осужден на 5 лет высылки в Казахстан. (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-21065).

⁵ Дело № 57369-38 г. По обвинению Крюгера Отто Оскаровича в пр. по ст. 58-10 и 58-11 УК РСФСР. Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-21065.

⁶ Селиванов Владимир Иванович (1897–после 1948) – археограф, историк. В ГАИМК/ИИМК с 1933, с 1935 – ученый секретарь Академии.

В негативном ключе оценивалась издательская и публикационная работа ГАИМК: «издательская работа Академии находится в состоянии развала. За 1936 год не вышло ни одного номера журнала. Не принимается никаких мер, чтобы оздоровить издательскую работу в корне путем, например, привлечения к участию по руководству его специалистов. В составе редакции журнала ГАИМК «Проблемы истории докапиталистических обществ» нет ни одного специалиста-археолога» (ЦГАИПД. Р-24. Оп. 2-г. Д. 1090. Л. 17 об.).

В качестве примеров пренебрежения имеющимся руководством решения конкретных археологических задач приводятся проблемы с финансированием раскопок Костёнковской экспедиции и сложностями переезда Института истории доклассового общества ГАИМК в новое здание, отдельно оговаривая, что «число этих фактов можно было бы значительно увеличить. Все они свидетельствуют о том, что необходимо немедленное вмешательство для оздоровления условий работы в ГАИМК» (ЦГАИПД. Р-24. Оп. 2-г. Д. 1090. Л. 17 об.).

Подводя итог, составители заявления заключают, что «ответственность, лежащая на нас, специалистах, за советскую археологию, которой, как и всякой другой науке, в нашей стране предоставлены безграничные возможности развития, заставляет нас обратиться к высокому авторитету Ленинградского городского комитета ВКП(б) с просьбой произвести расследование положения, сложившегося в ГАИМК, и устранить препятствия, которые мешают правильному и успешному развитию нашей науки» (ЦГАИПД. Р-24. Оп. 2-г. Д. 1090. Л. 18).

Анализируя контекст составления документа, можно предположить, что основной его целью была попытка отмежеваться от руководства, признанного «врагами народа». В одном из последних печатных изданий ГАИМК «XVIII Пленуме» за 1937 г.⁷ абсолютно четко фиксируется эта попытка противопоставить Академию старым руководителям: «Вв нашей Академии в течение ряда лет действовали злейшие враги народа, предатели и изменники Родины, которые находились на руководящих участках Академии. Все эти Пригожины, Кипарисовы, Быковские и их подручные из кожи вон лезли, чтобы подорвать работу Академии и направить ее по неверному пути. Коллектив научных сотрудников Академии под руководством партийной организации дружными усилиями боролся за выполнение обязательства тов. Сталину и за ликвидацию последствий контрреволюционной работы Кипарисова, Быковского и других» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1 – 1937. Д. 21. Л. 58).

Немаловажной причиной написания заявления является также попытка обратить внимание партийного комитета на ситуацию в Академии и ускорить принимаемые решения по дальнейшей судьбе учреждения. Также обращает на себя внимание и полная разобщенность в действиях руководства, что вполне можно объяснить постоянными арестами среди сотрудников.

Исследование этой группы материалов и выявление дополняющих их документов позволит изучить сложнейшую внутреннюю обстановку, в которой были вынуждены работать сотрудники ГАИМК до момента включения Академии в состав АН СССР.

ЛИТЕРАТУРА

Виноградов Ю.А., 2023. Отто Оскарович Крюгер. Эскиз к портрету ученого // АВ. Вып. 41. С. 361–372.

⁷ XVII Пленум ГАИМК. РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1 – 1937. Д. 21.

Е.Ю. Захарова
(Воронеж)

ПЁТР ДМИТРИЕВИЧ ЛИБЕРОВ: ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА НА ВОРОНЕЖСКОЙ ЗЕМЛЕ

Пётр Дмитриевич Либеров относится к числу ведущих археологов – исследователей Среднего Подонья второй половины 1950-х – 1960-х гг. Моя оценка несколько контрастирует с мнением В.И. Гуляева, писавшего, что его «с полным правом можно назвать подлинным первооткрывателем археологического богатства Воронежского края» (Гуляев, 2010. С. 34), но это ведь взгляд ученика и продолжателя. К сожалению, вплоть до настоящего времени анализ сделанного П.Д. Либеровым в регионе нашел отражение лишь в немногочисленных публикациях (Гуляев, 1999; Гуляев, 2010. С. 33–35; Пряхин, Моисеев, 2002; Захарова, 2008), что позволяет вновь обратиться к этой теме.

Изучение документов из архива ИА РАН (НА ИА РАН. Р-6. № 153. 97 л.) позволило перейти от формата кратких сведений биографического характера (Крупнов, 1964; Гуляев, 2000) к публикации развернутой хроники жизни П.Д. Либерова (Захарова, 2008. С. 62–64), поэтому в данном случае нет необходимости подробно останавливаться на этом сюжете. Считаю важным напомнить, что первый приезд в Воронеж (1954 г.) совпал с 50-летием Петра Дмитриевича, и хотя в силу ряда обстоятельств он пришел в академическую археологию достаточно поздно (сотрудник ИИМК/ИА АН СССР с 1948 по 1978 г.), к этому времени он успешно защитил кандидатскую диссертацию «Скифские курганы Киевщины» (1948), в которой нашли отражение и его исследовательские устремления, и опыт полевых работ.

Назначение П.Д. Либерова (в то время заведующего лабораторией камеральной обработки) начальником внеплановой Воронежской экспедиции стало для него, согласно отчету, «неожиданностью», а в оценке В.И. Гуляева – «судьбоносным». Организация данной экспедиции, как известно, была вызвана начавшимся строительством в Воронеже гражданского аэродрома на территории могильника «Частые курганы». Профессор ВГУ, член-корр. АН СССР ботаник Б.М. Козо-Полянский написал об этом нашему земляку С.Н. Замятнину, который в свою очередь обратился к зам. директора ИИМК Е.И. Крупнову. П.Д. Либеров в сопровождении лаборанта и фотографа выехал в Воронеж. Воронежский областной краеведческий музей (далее ВОКМ) ассигновал на оплату работы землекопов 1000 р., и были раскопаны пять курганов (НА ИА РАН. Р-1. № 1024. Л. 1–3). Так началась полевая археологическая деятельность П.Д. Либерова в Среднем Подонье, продолжавшаяся с незначительными перерывами четверть века (до 1977 г.).

Пётр Дмитриевич поначалу планировал лишь доследовать Частые курганы. Это подтверждает его переписка с С.Н. Замятниним. Из письма Сергея Николаевича: «...От души поздравляю Вас с успешными раскопками и рад был узнать, что Вы правильно решили продолжить исследование «Частых Курганов», довести его по возможности до конца» (НА ИА РАН. Ф–18. № 183 «З». Л. 9). Еще два года Пётр Дмитриевич пытался совмещать работы на Северском Донце и Среднем Дону, одновременно возглавляя Донецкий (Северо-Донецкий) и Воронежский отряды Донской экспедиции. В 1957 г. раскопки на Частых курганах были завершены. ВОКМ, все это время оказывавший финансовую поддержку (за все годы около 10000 руб.), получил на хранение обширную и интереснейшую коллекцию эпохи раннего железного века (Бояркин, 2020).

В то же время П.Д. Либеров принимает решение продолжить работы в регионе. Рруководимый им Воронежский отряд (до 1962 г.) Лесостепной (Скифской) экспедиции приступает к изучению поселений поблизости от раскопанного могильника и одновременно к разведкам вниз по р. Дон от г. Воронежа до г. Острогожска, по рекам Девиче и Потудани. Это было воспринято местными краеведами с большим энтузиазмом.

С 1958 г. ежегодно средства для археологических работ Воронежского отряда выделяют Областной и Острогожский районный краеведческие музеи в надежде на пополнение коллекций яркими экспонатами. Так, раскопки в Мастюгино начались согласно желанию ВОКМ, а исследование Волошинских городищ – по предложению Острогожского музея. Вплоть до настоящего времени многие предметы из раскопок П.Д. Либерова являются подлинным украшением археологических экспозиций названных музеев (*Бояркин, 2020*).

В 1962 г. единый прежде Воронежский отряд делится на две группы (рук. В.И. Гуляев, А.И. Пузикова); в 1963–1965 гг. П.Д. Либеров является начальником Лесостепной скифской экспедиции в целом и руководит Воронежским (затем Левобережным) отрядом, а группа А.И. Пузиковой выделяется в Тростянский (Острогожский) отряд этой экспедиции. С 1968 г. экспедиция стала именоваться Воронежской лесостепной скифской экспедицией (1968–1974 гг.) и включала три отряда: Хоперский (рук. В.И. Гуляев); Острогожский (рук. А.И. Пузикова); Битюгский (рук. Б.Г. Тихонов). В 1969 г. строительство Воронежского водохранилища обусловило формирование новостроечной Воронежской экспедиции под руководством П.Д. Либерова, которую фактически возглавили Б.Г. Тихонов и А.Д. Пряхин (НА ИА РАН. Р-1. № 3945. Л. 1–2). В 1970 г. в Подонье продолжал работу только Хоперский отряд под рук. В.И. Гуляева; впервые в этой экспедиции участвовал А.Т. Синюк, тогда сотрудник ВОКМ. С 1971 по 1974 г. экспедиция под руководством П.Д. Либерова возобновляет свои работы для изучения Волошинских городищ. Но с учетом научных интересов постоянного участника этих работ А.Т. Синюка все бóльший вес приобретает изучение памятников неолита-бронзы. Последняя экспедиция П.Д. Либерова в Среднем Подонье датируется 1977 г.: на него было возложено общее руководство новостроечной Воронежской экспедицией для продолжения исследования курганного могильника в зоне строительства Павловского горно-обогатительного комбината (тогда уже доцент ВГПИ А.Т. Синюк обеспечивал выполнение работ).

За четверть века работ в Среднем Подонье экспедициями под руководством П.Д. Либерова были проведены раскопки на 14 могильниках (всего раскопано 130 курганов); на 6 городищах (общая вскрытая площадь более 4500 кв. м); на 8 поселениях эпохи бронзы и раннего железного века (общая вскрытая площадь около 1700 кв. м) (*Захарова, 2008. Табл. 1–3*). За это же время экспедициями были проведены обширные разведочные работы по среднему течению р. Дона и его притокам: Ведуге, Девиге, Потудани, Тихой Сосне, Битюгу и Хопру.

По различным проблемам среднедонской археологии П.Д. Либеровым опубликовано 28 работ (из 46), в том числе две монографии. В них в полной мере отражены взгляды П.Д. Либерова в области изучения эпохи бронзы (срубная, особенно абашевская культура) и раннего железного века (выделение особой культуры Среднего Дона скифского времени, этническая принадлежность населения Среднего Дона в скифское время, особенности среднедонского звериного стиля). В наиболее завершенном виде авторская концепция была сформулирована в докторской диссертации «Древняя история населения Подонья», объемом только текстовой части 996 с. (НА ИА РАН. Р-2. №№ 2088, 2089, 2089 а, 2089 б).

Вплоть до настоящего времени многие из выдвинутых П.Д. Либеровым положений остаются в центре внимания археологов, вызывают оживленные дискуссии. Во второй половине 1950-х – в 1960-е годы именно его работы определяли уровень изучения эпохи бронзы и раннего железного века в Среднем Подонье. Высоко оценивая вклад П.Д. Либерова в изучение воронежского края, а также оказанную им методическую помощь, его включили в состав Ученого совета ВОКМ в 1973 г. (НА ИА РАН. Ф–18. № 183. Л. 3–4). Вместе с тем к началу 1970-х гг. процесс дифференциации археологической науки уже диктовал необходимость выхода на новый уровень исследовательского поиска, и в этом смысле сделанное П.Д. Либеровым завершает определенный этап в развитии археологии Подонья.

ЛИТЕРАТУРА

- Бояркин М.В.*, 2020. О сотрудничестве Воронежского областного краеведческого музея с П.Д. Либеровым // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. № 1.
- Гуляев В.И.*, 1999. С.Н. Замятнин и П.Д. Либеров и их вклад в изучение памятников скифской эпохи на Среднем Дону // Археология Чернозёмного Центра России: история исследований, историография. Мат-лы науч. конф. Воронеж. С. 63–65.
- Гуляев В.И.*, 2000. Либеров Петр Дмитриевич (1904–1983) // Институт археологии: история и современность. Сборник научных биографий / Под ред. В.И. Гуляева. М.; ИА РАН. С. 151–153.
- Гуляев В.И.*, 2010. На восточных рубежах Скифии (древности донских скифов). М.: ИА РАН. 344 с.
- Захарова Е.Ю.*, 2008. П.Д. Либеров и развитие археологии Среднего Дона // Вестник ВГУ. Серия: История, политология, социология. № 2. С. 62–70.
- Крупнов Е.И.*, 1964. К 60-летию Петра Дмитриевича Либерова // СА. № 2. С. 89–91.
- Пряхин А.Д., Мусеев А.В.*, 2002. П.Д. Либеров и археологическое изучение лесостепного Подонья // Вестник Елецкого государственного университета. Вып. 1. Серия; История, право. С. 156–163.

Л.Ю. Китова
(Кемерово)

ОБРАЗОВАНИЕ СО АН СССР И ЕГО РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ НАУЧНОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ В Г. КЕМЕРОВО

Предпосылки образования филиала Академии наук СССР в Новосибирске и формирования научной археологической школы в Кемерово складывались во взаимосвязи. И там, и там не было никаких заделов, практически все развивалось с чистого листа. Создание Сибирского филиала Академии наук СССР, как и самой Кемеровской области, обусловлено в первую очередь экономическими задачами страны.

С началом индустриализации сибирские ученые вынашивали замысел по созданию Западно-Сибирского филиала АН СССР, который должен был возглавить научную деятельность в регионе. Тем не менее, все предложения, представленные правительству (1931, 1933, 1939), отодвигались на неопределенный срок. В годы Великой Отечественной войны значение сибирского тыла в укреплении обороноспособности страны увеличилось многократно. Остро назрела необходимость в умножении научного потенциала Сибири. «От Академии наук война требовала найти такие формы работы, которые позволили бы в кратчайший срок решить сложные задачи. Для первого момента была выбрана форма комиссий» (Организация..., Электронный ресурс).

В 1942 г. почти две трети угольных запасов СССР были захвачены фашистской Германией. Члены комиссии АН СССР по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана под руководством академиков И.П. Бардина и А.А. Скочинского развернули активную работу в Западной Сибири по решению топливной проблемы. Необходимо было ускорить получение дополнительной добычи угля и повысить производительность труда на шахтах Кузнецкого угольного бассейна (Кузбасса). Для достижения поставленных целей 26 января 1943 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР была образована Кемеровская область путем отделения от Новосибирской области.

В этом же году Совет Народных Комиссаров СССР принял постановление от 21 октября 1943 года № 1149 об организации в Новосибирске Западно-Сибирского филиала (ЗСФ) АН СССР. Это решение символизировало зарождение академической науки в Сибири. ЗСФ АН СССР состоял из горно-геологического, химико-металлургического, транспортно-энергетического, медико-биологического институтов. Филиал работал

на пять областей: Кемеровскую, Новосибирскую, Омскую, Томскую, Тюменскую и два края – Алтайский и Красноярский. Главными задачами ЗСФ АН СССР были исследования всевозможных сырьевых ресурсов, открытие эффективных способов их добычи, развитие экономики, промышленности, сельского хозяйства на научной основе (ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 1. Д. 219).

Кемерово – промышленный город, ставший столицей Кузбасса, должен был соответствовать областному центру и иметь высшие учебные заведения. Одним из первых в г. Кемерово был открыт в 1949 г. учительский институт с двумя отделениями: 1) русского языка и литературы, 2) физико-математическим.

Учительский институт не решал всех задач подготовки кадров учителей общеобразовательных школ для Кемеровской области, и в 1953 г. он был преобразован в Кемеровский государственный педагогический институт (КГПИ), а в 1954 г. было открыто историческое отделение на историко-филологическом факультете КГПИ.

В 1955 г. в Кемерово приезжает по распределению 22-летний выпускник исторического факультета Московского областного педагогического института А.И. Мартынов. Его назначают директором областного краеведческого музея. С 1956 г. он по совместительству начинает преподавать в КГПИ как ассистент кафедры истории, организует археологические экспедиции на севере и северо-востоке Кемеровской области. Экспедиции станут ежегодными, директор А.И. Мартынов будет собирать материал для открытия первой археологической экспозиции в областном музее. Тем не менее, научные исследования его так увлекут, что в 1960 г. решит полностью перейти на преподавательскую работу в КГПИ. Благо, что в Новосибирске появилось поддержка, и можно было окунуться в научную деятельность с головой.

18 мая 1957 г. «в целях усиления научных исследований в области физико-технических, естественных и экономических наук и быстрейшего развития производительных сил Сибири и Дальнего Востока Совет Министров Союза ССР постановил одобрить предложение академиков Лаврентьева и Христиановича о создании в Сибири мощного научного центра и организовать Сибирское отделение Академии наук СССР» (Решения партии и правительства..., 1968. С. 347), которое объединяло все сибирские и дальневосточные академические учреждения.

9 января 1958 г. Совет Министров СССР принял постановление об организации Новосибирского государственного университета (НГУ), который рассматривался как составная часть Сибирского отделения АН СССР. За это ратовал академик М.А. Лаврентьев. Уникальность «треугольника Лаврентьева» состояла в «мультидисциплинарном подходе в научных исследованиях, интеграции науки и образования, оперативном внедрении научных достижений в производство» (*Деревянко, Молодин, Шуньков*, 2007. С. 2). Гуманитарии старались организовать хотя бы какое-то структурное подразделение для научных изысканий. 7 января 1959 г. при Президиуме СО АН СССР была образована Постоянная комиссия по общественным наукам в целях координации исследований гуманитарного направления в учреждениях Сибирского отделения (Сибирское отделение..., Электронный ресурс).

Огромное значение для развития таких направлений в СО АН СССР, как археология, древняя история, этнография имел приезд в Новосибирск д.и.н. А.П. Окладникова. Вся научная деятельность А.П. Окладникова с юных лет была связана с Сибирью и Дальним Востоком (*Китова*, 2014. С. 127–135), и после создания Сибирского отделения он решил переехать поближе к объектам своих исследований. 15 ноября 1961 г. А.П. Окладников был переведен из Ленинградского отделения Института археологии в СО АН СССР (РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 5. Д. 221. Л. 244) и начал свою деятельность в секторе истории промышленности Института экономики и организации промышленного производства, а А.И. Мартынов осенью 1961 г. поступил к нему в аспирантуру. 12 февраля 1962 г. в НГУ был создан гуманитарный факультет, где профессором, а затем заведующим кафедрой всеобщей истории был избран А.П. Окладников. 6 июля 1962 г.

в Институте экономики и организации промышленного производства СО АН СССР на базе сектора истории промышленности был создан Отдел гуманитарных исследований (Сибирское отделение..., Электронный ресурс).

А.П. Окладников поддерживал сибирских археологов и помогал создавать региональные археологические центры, в том числе и в Кемерово. В 1963 г. А.И. Мартынов защитил диссертацию в Объединенном ученом Совете по общественным наукам НГУ. Он был первым аспирантом у А.П. Окладникова в СО АН СССР и стал первым археологом в Кемеровской области – кандидатом наук. Защита кандидатской диссертации дала мощный толчок деятельности А.И. Мартынова. Он получил поддержку ведущих археологов страны, в том числе и А.П. Окладникова, по вопросу о создании академической лаборатории в КГПИ, но министерство открыло такую лабораторию при ТГУ. В КГПИ в 1963 г. открыли лабораторию археологических исследований (ЛАИ) при кафедре истории. А.И. Мартынов вел в ней археологический кружок, с 1967 г. стал выпускать периодический сборник «Известия ЛАИ», вводя в научный оборот результаты летних исследований. Кемеровские археологии открыли около 500 памятников эпохи бронзы и раннего железного века, часть материалов была исследована и опубликована. В 1966 г. под руководством А.П. Окладникова был открыт Институт истории, филологии и философии (ИИФФ) СО АН СССР, который выполнял функцию головного академического учреждения гуманитарного профиля в Сибири. Благодаря этому позиции всех сибирских исследователей-гуманитариев укрепились. В 1970 г. А.И. Мартынов возглавил кафедру всеобщей истории на истфаке КГПИ, в 1972 г. издал авторский учебник по археологии для студентов-историков, публикацию которого поддержал Алексей Павлович. В 1972 г. вышла из печати совместная с А.П. Окладниковым монография «Сокровища Томских писаниц». Через аспирантуру А.П. Окладникова в 1970-х гг. прошли и защитили под его руководством кандидатские диссертации преподаватели и сотрудники КГПИ Г.С. Мартынова, В.В. Бобров, А.М. Кулемзин, М.Б. Абсалямов. Поэтому после принятия решения на базе КГПИ создать Кемеровский государственный университет (КемГУ) (согласно постановлениям Совета министров СССР от 22.02.73 г. № 122, Совета министров РСФСР от 2.03.73 г. № 112 и приказу Министерства высшего и среднего специального образования РСФСР от 6.04.73 г. № 136) можно было думать о структурном подразделении по археологии.

21 мая 1975 г. открыта кафедра археологии КемГУ, которую возглавил А.И. Мартынов, защитивший в этом же году докторскую диссертацию. К этому времени в КемГУ была создана научная археологическая школа.

ЛИТЕРАТУРА

- Деревянко А.П., Молодин В.И., Шуньков М.В.*, 2007. Институт археологии и этнографии СО РАН. Основные результаты научной деятельности в области археологии // Археология, этнография и антропология Евразии. № 2 (30). С. 2–23.
- Китова Л.Ю.*, 2014. История археологии Сибири: идеи и исследования (XVII в. – середина XX в.). Кемерово: КемГУ. 228 с.
- Организация Западно-Сибирского филиала АН СССР, 2025. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://old.misd.ru/museum/wsbranch/> (Дата обращения 01.02.2025).
- Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам, 1968. В 5 т.: Сб. док. за 50 лет. Т. 4. 1953–1961 гг. / Сост. К.У. Черненко, М.С. Смиртюков. М.: Политиздат. 784 с.
- Сибирское отделение Российской Академии наук, 2025. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.nsc.ru/HBC/events/copan-40/1957.html> (Дата обращения 05.02.2025).

А.В. Коротаев
(Санкт-Петербург)

ИССЛЕДОВАНИЯ СОТРУДНИКОВ ЛЕНИНГРАДСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ ИА РАН НА ТЕРРИТОРИИ НЕНЕЦКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА В 1980 – 1990-е гг. И ИХ ВКЛАД В АРХЕОЛОГИЮ РЕГИОНА

Первые находки археологических предметов на территории современного НАО относятся ко второй половине XIX в. Однако долгое время это были случайные находки и сборы подъемного материала с разрушенных эрозионными процессами участков. Систематические изыскания начинаются во второй половине XX в.

Археологические исследования ленинградских ученых в европейских тундрах имеют свою предысторию. Примерно с 1960-х гг. растет научный интерес к истории Пустозёрска – первого русского заполярного города. В ЛОИА АН СССР обратилось управление культуры НАО с просьбой оценки перспектив дальнейших работ на месте бывшего поселения. В 1970 г. Пустозёрск обследовал О.В. Овсянников, а в 1972 г. – А.В. Никитин. Сделан вывод о ценности памятника, отмечалась хорошее состояние древесины, но до начал раскопок прошло еще 15 лет. Откладывание полевых работ обосновывалось хорошей сохранностью культурного слоя и необходимостью направить усилия на изучение разрушающихся объектов археологии (Пугачёва, 2024. С. 15).

К середине XX в. часть тундровых материалов попадает в поле зрения М.Е. Фосс, Н.Н. Гуриной. Л.П. Хлобыстин в 1962 г. публикует находки, обнаруженные в нижнем течении р. Печоры местным жителем Н.П. Пядышевым (Пядышев, Хлобыстин, 1962. С. 71), обращается он к выявленным в НАО материалам и позднее.

В 1984 г. начинаются работы ЛОИА в НАО. Отряд Л.П. Хлобыстина открывает и исследует поселение Мыс Входной на Югорском полуострове, ряд памятников поселенческого и культового характера на о. Вайгач. К сожалению, эти работы были непродолжительны, в связи со смертью ученого. О.В. Овсянников проводит археологическую разведку Канинского полуострова, раскопки средневековых городищ и святилища в нижнем течении р. Печоры, а с 1987 по 1996 г. – раскопки Пустозёрска.

Говоря о вкладе в региональную археологию, мы обратимся прежде всего к работам ААЭ на нижней Печоре, так как исследования Л.П. Хлобыстина велись в отдаленных малонаселенных территориях фактически без взаимодействия с местным сообществом.

Основным учреждением, оказывавшим поддержку археологам, стал Ненецкий краеведческий музей (НКМ, сегодня часть МО НАО). Ввиду отсутствия в регионе научных учреждений, именно музей сосредоточил на себе функцию центра сбора и изучения этнографии, природы, исторического прошлого региона. С 1985 г. НКМ возглавляла Т.Ю. Журавлёва, принимавшая участие в полевых исследованиях ААЭ. Также в полевых работах участвовали и другие сотрудники музея.

Работы экспедиции О.В. Овсянникова стали важным событием для общественной и научной жизни небольшого региона. В 1989 г. состоялась приуроченная к 490-летию города первая Пустозёрская конференция с участием краеведов, представителей старообрядческой общины, органов власти. Обсуждались на ней и перспективы археологических исследований. Конференция стала значимой для консолидации усилий в деле изучения и сохранения наследия Пустозёрска, а также в сфере информирования общественности. Традиция Пустозёрских конференций продолжается и сегодня (Пугачёва, 2024. С. 16).

С работами ААЭ в Пустозёрске связано и становление региональной системы охраны памятников археологии. Так, например, летом 1987 г. начались не только раскопки (Ясински, Овсянников, 2003. С. 16), но и силами сотрудников местных предприятий под руководством М.И. Фешука (позднее первый директор Пустозёрского музея) были установлены информационно-охранные знаки.

В 1991 г. при личной поддержке О.В. Овсянникова, на фоне результативных раскопок ААЭ, росте научного, общественного интереса к Пустозёрску, создан Пустозёрский историко-природный музей (ныне также входящий в МО НАО), в состав которого вошло Пустозёрское городище и прилегающие территории. Появление нового учреждения, пусть пока и с небольшим штатом и слабой материальной базой дало ощутимую поддержку экспедиции, способствовало в дальнейшем комплексному изучению включённой в состав территории. Предметы, полученные в результате раскопок, стали основой собрания и выставок музея.

Постепенно к работам на Пустозёрском городище в рамках экскурсионно-просветительской работы привлекаются местные школьники и студенты. Продолжением этой традиции является проходящий в наше время ежегодно волонтерский лагерь «Пустозёрск», в рамках которого добровольцы благоустраивают территорию и помогают археологам в полевых исследованиях. Подобная практика широко распространена и способствует популяризации как историко-культурного наследия, так и работы археологов, но в НАО она началась именно с работ ААЭ.

Несмотря на все вышеперечисленное, формирования того, что можно было бы считать региональной археологической школой не произошло. Это связано с кадровыми, финансовыми вопросами, спецификой работы региональных музеев, ориентированных преимущественно на изучение этнографии, природы и истории по письменным источникам. При этом археологические работы в НАО традиционно проводились научными центрами других регионов. Местные археологи с правом проведения самостоятельных исследований вели полевые работы в течение примерно 15 лет до начала 2020-х гг. В настоящее время работы ведутся эпизодически и в небольшом объеме также под руководством приглашенных специалистов.

Таким образом, работы ЛОИА РАН на территории НАО в конце XX в. принесли не только значимые научные результаты, которые не утратили актуальности в наше время и способствовали включению региона в общероссийскую археологию, но и содействовали развитию музейного дела, становлению региональной системы охраны памятников. Немаловажно приобщение местных специалистов, сотрудников музеев и краеведов к полевой и теоретической археологии, что позднее применялось ими в профессиональной деятельности. Создан и своеобразный задел для будущих работ, например, поселение Югорская сопка, впервые исследованное В.В. Питулько, изучено раскопками А.М. Мурыгиным в 2010-е гг. Преемником исследований О.В. Овсянникова и Л.П. Хлобыстина стали работы Морской арктической комплексной экспедиции Научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва (Москва).

ЛИТЕРАТУРА

- Пугачёва М.П.*, 2024. Становление системы охраны Пустозерского городища // Музей. Город. Регион. Сборник докладов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной юбилеям Ненецкого автономного округа, музейного дела в регионе и Пустозёрску – первому русскому городу в Арктике. Нарьян-Мар. С. 13–19.
- Пядышев Н.П.*, Хлобыстин Л.П., 1962. Новая стоянка в Печорском Заполярье // КСИА. Вып. 92. С. 71–75.
- Ясински М.Э., Овсянников О.В.*, 2003. Пустозёрск: Русский город в Арктике. СПб.: Петербургское Востоковедение. 400 с.

С.В. Кузьминых, И.В. Белозёрова
(Москва)

А.Я. БРЮСОВ И ЕГО РОЛЬ В РАЗВИТИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ АРХЕОЛОГИИ

Александр Яковлевич Брюсов (1885–1966), ученик В.А. Городцова в 1 МГУ (1922–1924) и аспирантуре ИАИ РАНИОН (1925–1929), многолетний сотрудник ГИМ (с 1925), Московского отделения ГАИМК/ИИМК/ИА АН СССР (1932–1939, 1944–1966), наиболее плодотворные годы своей научной деятельности посвятил изучению эпох неолита и раннего металла центра и севера Русской равнины. Брюсов стал основоположником важнейших научных направлений в восточноевропейской археологии, первооткрывателем и исследователем многих ключевых памятников древнейшего прошлого нашей страны. Среди них стоянки на Летнем берегу Белого моря, Соловецких островах и Шойрукшине, реках Суне, Шуе, Томице, Машозере, Лосином, Сямозере, Куштозере, петроглифы «Бесовы следки» и Залавруга в Карелии, Каравайха и Погостище на Вологодчине, торфяниковые стоянки Модлона, Стрелка, 2-я Береговая в Вологодской области и на Среднем Урале, Льяловская стоянка и Буньковский могильник в Подмосковье и др. (Археологические..., 1962).

Возглавляя в течение десяти лет (1955–1965) Отдел полевых исследований ИИМК/ИА АН СССР, Брюсов немало сделал для формирования в РСФСР унифицированной системы выдачи открытых листов на проведение археологических полевых работ, приема и экспертизы научных отчетов, совершенствования методики полевых изысканий. Руководитель ОПИ неоднократно подавал в дирекцию Института археологии записки с призывом активнее применять новые методы в археологической полевой практике (ОПИ ГИМ. Ф. 545. Д. 21), подготовил и опубликовал пособие о методах раскопок торфяниковых стоянок (Брюсов, 1963). Вместе с А.Л. Монгайтом и Б.А. Колчиным Александр Яковлевич стал инициатором внедрения в ИА АН СССР на рубеже 1959–1960 гг. новых и не традиционных для археологии методов естественных и технических наук. Близкое знакомство с археологическими исследованиями в научных центрах Европы, в которых использовались эти методы, опыт успешных комплексных изысканий в 1920-е гг. московских палеоэтнологов под руководством Б.С. Жукова, объединившего усилия специалистов разных научных дисциплин, собственный многолетний опыт сотрудничества с палеогеографами (С.Н. Тюремнов) при раскопках свайного поселения на р. Модлоне (Брюсов, 1951) способствовали продвижению инициативы Брюсова и его коллег и успешному развитию в ИА АН СССР естественнонаучных методов.

Брюсов входил в достаточно узкий круг советских археологов, которые беспрепятственно выезжали за границу, включая западные страны. Зарубежным коллегам было хорошо знакомо имя ученого. Александр Яковлевич состоял почетным членом многих европейских научных обществ. Его работы были опубликованы в Англии, Франции, ФРГ, ГДР, Финляндии и Мексике. В 1950-е гг. Брюсов стал полпредом советской археологии в европейских научных центрах (см. письма зарубежных коллег и копии его ответов, отчеты о командировках и дневниковые записи о поездках в ГДР, ФРГ, Данию, Швецию, Финляндию, Польшу, Австрию, Францию) (ОПИ ГИМ. Ф. 545). В обсуждении вопросов археологии неолита и эпохи раннего металла Западной, Северной и Восточной Европы участвовали Ф.Х. Фейльгенхауэр (Вена), А. Точик (Братислава), И. Вернер (Мюнхен), Г. Бернс, П. Гримм и К. Отто (Берлин), А. Вараньяк (Париж), Х. Арбман (Лунд), К.Ф. Мейнандер (Хельсинки), Дж. Кларк (Кембридж), М. Гимбутас (США).

Поездки Брюсова за рубеж были связаны с участием в международных конференциях и симпозиумах (ГДР, 1953; ФРГ, 1958; Франция, 1960). Часть из них осуществлялась по линии культурных связей СССР с зарубежными странами (Дания, 1954; Финляндия, 1955; Польша, 1956; Австрия, 1957). Поездки в Хельсинки в 1955, 1957 и 1959 гг. позволили Брюсову обработать в Национальном музее Финляндии уникальную коллекцию

каменных боевых топоров В.И. Заусайлова, собранную в Казанской губернии в конце XIX – начале XX в. Эти материалы стали важной частью свода каменных сверленных топоров Восточной Европы (*Брюсов, Зими́на, 1966*).

Брюсов как исследователь интересовал финских коллег еще с предвоенного времени, со знакомства А.М. Тальгрена с «Историей древней Карелии» (*Tallgren, 1941*). В итоге у российского ученого сложились коллегиальные отношения с К.Ф. Мейнандером, К. Нордманом, Э. Кивикоски, А. Европеусом, М. Драйером. С Мейнандером он совершил путешествие по Финляндии и Швеции, познакомился с древностями этих стран, а в 1956 г. ему, несмотря на бюрократические препоны, удалось пригласить финского археолога на раскопки свайного поселения на р. Модлоне.

Среди корреспондентов Брюсова были не только ученые, но и деятели культуры, музейщики и даже студенты. С одним из них – А. Хойслером (в будущем известным немецким доисториком) Александр Яковлевич познакомился на конференции по вопросам археологии, организованной АН ГДР в 1953 г. Хойслер стал переводчиком на немецкий язык книги советского ученого (*Brjussov, 1957*). В письмах (более 40) обсуждались проблемы изучения фатьяновской, среднеднепровской и в целом всей свиты культур боевых топоров. Полемика, прежде всего о происхождении и распространении индоевропейцев, выплеснулась за пределы переписки на страницы журнала «Советская археология» (*Брюсов, 1965; Гейслер, 1966*). В 1950–1960-е гг. Брюсов был одним из наиболее активных советских авторов, кто откликался на труды западных коллег (см. его рецензии в «Советской археологии» на труды М. Гимбутас, Д. Кларка, П. Бош-Гимпера, Ф. Хиббена и др.). Под его редакцией вышел в СССР перевод книги Дж. Кларка «Доисторическая Европа» (1953).

Благодаря полевым и научным разысканиям Брюсова в советской археологии укоренились некоторые направления исследований, которые успешно развиваются и в наши дни. Среди них культурно-исторические процессы в древности, начиная с очерков «Жилище. История жилища с социально-экономической точки зрения» и «Восстановление общественно-экономических формаций в культурах неолитического типа» (*Брюсов, 1926; 1928*) до реконструкций процессов этно- и культурогенеза в Восточной Европе в неолите и бронзовом веке (*Брюсов, 1940; 1952; 1965*); древний человек и географическая среда (тема изначально разрабатывалась на материалах прибрежных памятников Белого моря, а затем Карелии и Вологодчины (*Брюсов, 1940, 1951; 1952*); заселение Карелии и освоение ее территории охотниками и рыболовами каменного века (*Брюсов, 1940*); торфяниковые древности и специфика изучения свайных поселений (на примере Модлоны и Горбуновского торфяника) (*Брюсов, 1951*); жизнеобеспечение и быт человека эпох неолита и раннего металла (*Брюсов, 1940; 1951; 1952; 2012*); археологические культуры и этнические общности (*Брюсов, 1956*); петроглифы Карелии и мировоззрение первобытного человека (*Брюсов, 1937; 2012*); индоевропейская проблема и распространение в Восточной Европе культур шнуровой керамики и боевых топоров (*Брюсов, 1958; 1961; 1965*); каменные сверленные боевые топоры (*Брюсов, Зими́на, 1966*) и др. В творчестве Брюсова с аспирантских лет шли параллельно конкретно-археологические и теоретические исследования. Последние стали доминировать во второй половине 1950-х и в 1960-е гг.

В разные годы Брюсов читал лекции по истории развития общественных форм в Коммунистическом университете трудящихся Китая (1927–1929), по археологии: в МГУ (1928–1930, 1960–1963) (*Брюсов, 2012. С. 14*) и в послевоенные годы – в Карельском университете (ОПИ ГИМ. Ф. 545. Д. 220, 221). В ГИМ и ИИМК/ИА АН СССР у него сложился круг учеников и единомышленников (В.М. Раушенбах, И.К. Цветкова, Б.Г. Тихонов, М.П. Зими́на и др.) – они продолжили разработку проблем, доставшихся им в наследство от учителя. Г.А. Панкрушев и С.В. Ошибкина стали преемниками Брюсова по изучению первобытных древностей Карелии, Прионежья и Вологодского края.

В 1930–1960-е гг. А.Я. Брюсов был одним из лидеров советской археологии. С именем ученого связаны важнейшие научные направления в первобытной археологии

Восточной Европы, открытие и исследование многих ключевых памятников каменного и бронзового веков. Ряд его работ и поставленные в них проблемы были изначально дискуссионными, тем не менее, они плодотворно сказались на развитии многих исследовательских тем. Научное наследие патриарха отечественной археологии остается актуальным и востребованным и в наши дни.

ЛИТЕРАТУРА

- Археологические..., 1962: Археологические экспедиции Государственной Академии истории материальной культуры и Института археологии Академии наук СССР. 1919–1956 гг.: Указатель / сост. Н.Н. Воронин, М.А. Тиханова. М.: АН СССР, 1962. 264 с.
- Брюсов А.Я.*, 1926. Жилище. История жилища с социально-экономической точки зрения. Л.: Прибой. 127 с.
- Брюсов А.Я.*, 1928. Восстановление общественно-экономических формаций в культурах неолитического типа // ТСТМ. Т. 2. С. 9–34.
- Брюсов А.Я.*, 1937. Карельские петроглифы // ВДИ. № 1. С. 169–194.
- Брюсов А.Я.*, 1940. История древней Карелии. М.: ГИМ. 320 с. (Труды ГИМ; вып. IX.)
- Брюсов А.Я.*, 1951. Свайное поселение на р. Модлоне и другие стоянки в Чарозерском районе Вологодской области // МИА. № 20. С. 7–76.
- Брюсов А.Я.*, 1952. Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. М.: АН СССР. 263 с.
- Брюсов А.Я.*, 1956. Археологические культуры и этнические общности // СА. Т. XXVI. С. 5–27.
- Брюсов А.Я.*, 1958. К вопросу об индоевропейской проблеме // СА. № 3. С. 18–26.
- Брюсов А.Я.*, 1961. Об экспансии «культур с боевыми топорами» в конце III тыс. до н.э. // СА. № 3. С. 14–33.
- Брюсов А.Я.*, 1963. Методы раскопок торфяниковых стоянок. М.: АН СССР. 14 с.
- Брюсов А.Я.*, 1965. Восточная Европа в III тысячелетии до н.э.: (Этногенетический очерк) // СА. № 2. С. 47–56.
- Брюсов А.Я.*, 2012. На тропах археологии. Воспоминания / сост., вступ. статья, прим., коммент. С.В. Кузьминых, С.П. Щавелёв. М.; Курск: КГМУ. 88 с.
- Брюсов А.Я., Зимина М.П.*, 1966. Каменные сверленные боевые топоры на территории Европейской части СССР. М.: Наука. 98 с. (САИ; вып. В 4–4.)
- Гейслер А.*, 1966. Письмо в редакцию // СА. № 1. С. 325.
- Brjussov A.Ja.*, 1957. Geschichte der neolitischen Stämme im europäischen Teil der UdSSR. Berlin: Akademie-Verlag. 332 S.
- Tallgren A.M.*, 1941. Östkarelen förhistoria och äldsta historiska tid // Kampen om Östkarelen. Helsinki. P. 7–13.

М.В. Медведева, М.Т. Кашуба
(Санкт-Петербург)

НЕПРОСТАЯ СУДЬБА «АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТЫ ПРИЧЕРНОМОРЬЯ»: ОТ ПЕРВЫХ ШАГОВ МЕСТНЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ДО ПОЛНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ИЗДАТЕЛЬСКОЙ СЕРИИ ИИМК РАН⁸

В 1951 г. вышла из печати «Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР. Вып. 1. Междуречье Днестра – Южного Буга», подготовленная археологом Ириной Васильевной Фабрициус (*Фабрициус*, 1951). Первое в отечественной археологии советского периода картографическое издание стало настольной книгой для специалистов

⁸ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 22-18-00187, <https://tscf.ru/project/22-18-00187/> «Неопубликованная «Карта по археологии Причерноморья» И.В. Фабрициус (архивные документы, междисциплинарные исследования, современные интерпретации)» в ИИМК РАН.

в области древней истории Причерноморья и юга России. Задуманные и подготовленные 2-й и 3-й выпуски «Археологической карты...», широко охватывающие памятники прилегающих территорий, были запланированы в те же годы, но так и не увидели свет. Неизвестным долгие годы оставался и колоссальный труд нескольких поколений археологов, стоявший за созданием этого важного издания. В начале XXI в. при поддержке Российского научного фонда появилась возможность завершить их дело.

Почти 150 лет прошло с момента, когда исследователи приступили к составлению археологической карты Причерноморья. Их начальные усилия сосредоточились на Херсонской губернии Российской империи. Сбором сведений об археологических памятниках, работой с местным населением, раскопками и нанесением полученных данных на топографическую основу занимались беззаветные служители науки – херсонские археологи В.Н. Ястребов и В.И. Гошкевич. Свои исследования они вели в тесном взаимодействии с Одесским обществом истории и древностей, Московским археологическим обществом и лично с графиней П.С. Уваровой под эгидой картографического проекта МАО, благодаря которому в конце XIX – начале XX вв. появилась целая серия карт российских губерний.

Описательное топографическое обозрение древностей Херсонской губернии В.Н. Ястребова было издано в 1894 г. Дальнейшее накопление массива данных в течение почти трех десятилетий было обеспечено активной полевой и научной деятельностью археолога, краеведа, основателя и первого директора Херсонского историко-археологического музея В.И. Гошкевича (1860–1929). Позже его приемная дочь и сподвижница И.В. Фабрициус (1882–1966), в 1920-е гг. сменившая В.И. Гошкевича на посту директора музея, продолжила подготовку «Археологической карты...», значительно преумножив сведения о памятниках.

После несправедливого увольнения из музея И.В. Фабрициус в начале 1930-х гг. переехала в Ленинград. В этот период издание материалов к составлению археологической карты Днестро-Буго-Днепровского бассейна, собранных В.И. Гошкевичем, стало основным делом ее жизни. За помощью исследовательница обратилась в академические учреждения. Первой в этом начинании ее поддержала Академия истории материальной культуры, быстро оценив перспективный проект, но до издания так и не дошло. В конце 1937 г. работу по публикации передали Институту истории материальной культуры ВУАН (с весны 1938 г. – Институт археологии АН УССР), где процесс подготовки книги проходил сложно и медленно. Требования к формату постоянно менялись, и И.В. Фабрициус приходилось заново перерабатывать рукопись. Книгу начали готовить к изданию на украинском языке, но перевод был раскритикован автором за плохое качество. Вопреки изначальной задумке и настоятельным пожеланиям И.В. Фабрициус руководство Института приняло решение не указывать имя В.И. Гошкевича на обложке.

Во время Великой Отечественной войны исследовательница лишилась своего архива, в том числе пропала и готовая рукопись на русском языке. Несмотря на все нелегкие обстоятельства, 27 апреля 1945 г. И.В. Фабрициус защитила вариант «Археологической карты украинского Причерноморья» на украинском языке в Москве в качестве кандидатской диссертации. Текст всей рукописи был ею восстановлен на русском языке и частично издан годы спустя в 1-м выпуске. Остальная, наиболее значительная, часть рукописи стала достоянием архивов.

К идее полной публикации материалов археологической карты обширного региона от Левобережья Днестра до Днепра вместе с притоками, собранных В.И. Гошкевичем и И.В. Фабрициус, вернулись в ИИМК РАН в 2022 г. В ходе реализации проекта РНФ (№ 22-18-00187, <https://rscf.ru/project/22-18-00187/> «Неопубликованная “Карта по археологии Причерноморья” И.В. Фабрициус (архивные документы, междисциплинарные исследования, современные интерпретации)») было установлено, что различные варианты рукописи И.В. Фабрициус сохранились в архиве ИИМК РАН (Санкт-Петербург), Институте археологии НАН Украины (Киев), Институте археологии Крыма РАН

(Симферополь). Значимым архивным открытием стала находка диссертационного исследования И.Ф. Фабрициус на украинском языке в составе фондов Научно-отраслевого архива ИА РАН (Москва).

Самая полная версия на русском языке оказалась в личном фонде исследовательницы в ИИМК РАН, она и была положена в основу нового издания «Археологической карты...». Восстановить точный текст и правильную структуру книги удалось только путем тесного взаимодействия сотрудников трех ведущих археологических учреждений в системе Российской академии наук (ИИМК РАН, ИАКр РАН, ИА РАН). В результате совместного изучения всех вариантов рукописи в научный оборот введены неизвестные материалы по диссертации И.В. Фабрициус (*Григорьева, Володин, 2023*), ее личному фонду (*Григорьева, Медведева, 2022*) и эпистолярному наследию (*Кузьминых, Саенко, 2023*), подробно реконструирована история создания археологической карты Причерноморья.

Главным итогом проведенных исследований стало издание в 2024 г. всего текста рукописи, еще в 1950-е гг. подготовленной И.В. Фабрициус к печати. Книга ««Археологическая карта Причерноморья»» В.И. Гошкевича и И.В. Фабрициус: создание, материалы, ГИС-адаптация» опубликована в серии «Архивное наследие ИИМК РАН» и включает современную адаптацию картографических данных, что придает вес ее научному значению. Восстановлен ценный и справедливый вклад В.И. Гошкевича в создание этого без преувеличения фундаментального труда – его имя указано на титуле наравне с И.В. Фабрициус (Археологическая карта..., 2024).

ЛИТЕРАТУРА

- «Археологическая карта Причерноморья» В.И. Гошкевича и И.В. Фабрициус: создание, материалы, ГИС-адаптация: [коллективная монография]. Архивное наследие ИИМК РАН. Т. IV / Науч. ред.: М.Т. Кашуба, М.В. Медведева. СПб.: ИИМК РАН, 2024. 624 с.: илл.
- Григорьева О.В., Володин С.А., 2023.* «Археологическая карта никогда не может считаться законченной»: кандидатская диссертация И.В. Фабрициус 1945 года // КСИА. Вып. 273. С. 395–411.
- Григорьева О.В., Медведева М.В., 2022.* Архив И.В. Фабрициус в ИИМК РАН: новые материалы к подготовке издания археологической карты Северного Причерноморья // Археологические вести. Вып. 37. С. 228–238.
- Кузьминых С.В., Саенко В.М., 2023.* «Я вошла в археологию ошупью»: письма И.В. Фабрициус А.М. Тальгрену // Stratum plus. № 2. С. 229–272.
- Фабрициус И.В., 1951.* Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР. Вып. 1. Междуречье Днестра – Южного Буга. Киев: Изд-во АН УССР. 131 с.

О.М. Мельникова
(Ижевск)

ФЕНОМЕН ЮБИЛЕЯ: ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ АРХЕОЛОГИИ

300-летие РАН, ее вклад в развитие археологических исследований в России – значимый повод, чтобы обратиться к осмыслению феномена юбилеев как предмета изучения истории археологии.

Историки уже обратили внимание на юбилеи как предмет специального исследования. Они сходятся в том, что, юбилеи выступают значимой коммеморативной практикой, влияющей на историческую память профессионального исторического сообщества и общества в целом (*Корзун, Ковалёв, Груздинская, 2021. С. 22–36; Парадокс о юбилее..., 2013. С. 3–4 и др.*). Одновременно юбилеи несут на себе отпечаток времени, его

идеологии, общественных и профессиональных ценностей.

В методологическом отношении для понимания возможных направлений в изучении юбилея как историко-научного факта интересны идеи омских историков, предложивших выделять такие аспекты как корпоративно-ритуальный; внутринаучный, актуализированно-политический, коммуникативный, антропологический,; традиционно историографический или проблемный (*Корзун, Ковалёв, Груздинская, 2021. С. 23–24*).

В юриспруденции юбилей как феномен изучается с точки зрения правового статуса и правовой легитимации сценариев празднуемых юбилеев (*Юбилейные даты...*, 2022). В этом контексте юристы обратили внимание на Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 12 декабря 1958 г. № 1361 «О наведении порядка в праздновании юбилеев» (*Постановление...*, б/г). В нем установлены общенациональные памятные даты исторических событий и юбилеи организаций, а также юбилеи выдающихся деятелей, которые следовало отмечать с разрешения ЦК КПСС и Совета Министров СССР. Этим документом определены сроки празднования юбилеев: для исторических событий и организаций – в дни 50-летия, 100-летия и далее через каждые 50 лет со дня основания или свершения события, а для отдельных лиц – в дни 50-летия или другого последующего 10-летия (*Там же. С. 556–558*).

Культурологи рассматривают юбилей как социально-культурное явление и даже говорят об особой предметной области, как юбилееведение (*Евтушенко, 2012*). Ими предложена развернутая типология юбилеев по разным основаниям (*Там же. С. 9*).

Толковые словари определяют юбилей как отмечаемую годовщину, какого-либо события, деятельности какого-либо лица, учреждения, организации, выражающуюся в круглых и крупных цифрах.

В истории отечественной археологии немало событий, а в XX в. в особенности, когда возникали новые институции, многие из которых отмечают ныне различные юбилеи. Через персонализацию отцов-основателей и научных учреждений, связанных с их деятельностью, празднование юбилеев предполагает обретение археологией как дисциплиной исторических корней. Предполагается, что их замыслами и действиями закладывался фундамент познавательных средств и образовательных структур современной науки. Юбиляры – люди и социальные институты – становятся творцами исследовательского пространства и одновременно через празднование юбилеев – участниками современного научного процесса.

Сквозь призму историографического взгляда обратим внимание на феномен археологических юбилеев, отмечаемых академической наукой. Рассмотрим, как складывалась юбилейная тематика на страницах журнала «Советская/Российская археология», издаваемого последовательно институтами АН СССР и РАН: Институтом антропологии, археологии и этнографии, Институтом истории материальной культуры, Институтом археологии с 1936 до 2024 г.

Юбилей – сложносоставной процесс. Он может включать в себя научные конференции в честь юбилейных событий, издание биографии ученого или истории учреждения, сборников статей в честь юбилея, сохранение мест и предметов, связанных с юбилеем; издание произведений юбиляра, изредка открытие мемориальных досок и поименование улиц. Юбилейные статьи на страницах журнала – лишь одна его составляющая, но достаточно значимая.

Довоенные сборники «Советская археология» ни разу не обращаются к юбилейной тематике. Корпоративно-ритуальный сценарий празднования персональных юбилеев начинает складываться на его страницах с X выпуска 1948 г. в связи с 90-летием А.А. Спицына.

Всего из 283 юбилейных статей можно выделить следующие типы:

- 1) юбилеи ученых, уже ушедших из жизни (например, 165 лет А.С. Уварова; 150 лет П.С. Уваровой и др.);
- 2) юбилеи со дня смерти археологов (например, 25 лет смерти Г.В. Подгаецкого);

- 3) юбилеи здравствующих ученых (в 50, 60, 70, 75, 80, 90 лет);
- 4) юбилеи общественно-политических деятелей (например, 100 лет В.И. Ленина);
- 5) юбилеи общественно-политических событий (50 лет Великой Октябрьской социалистической революции, 50 лет образования СССР);
- 6) юбилеи различных археологических институций (например, 120 лет Международному конгрессу по антропологии и доисторической археологии; 80 лет ИА РАН, 40 лет отделу охранных раскопок ИА РАН; 40 лет Уральскому археологическому совещанию; 55 лет журналу «Советская археология» и т.д.);
- 7) юбилеи научных обществ (100 лет Финно-угорскому обществу);
- 8) юбилеи экспедиций (25 лет Верхневолжской экспедиции);
- 9) юбилеи археологических объектов (200 лет находки Старо-Рязанского клада);
- 10) юбилеи начала изучения археологических памятников и научных проблем (100 лет гуннской археологии; 75 лет изучения Новгорода);
- 11) юбилеи значимых научных достижений (100 лет периодизации бронзового века В.А. Городцова);
- 12) юбилеи выхода из печати книг (например, 50 лет книге Ю.А. Краснова «Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы»).

Подавляющее количество юбилейных статей посвящено ученым. В них дана оценка их персонального вклада в развитие науки, в деятельность центральных/региональных научных, образовательных центров.

Типологизация этих статей в журнале позволяет в первом приближении выделить их общие черты. Журнал крайне редко публикует статьи в честь 50-летия археологов: их всего 4. В гендерном отношении – 3 из них о женщинах в науке. Акцент в них сделан на творческом расцвете исследователя. Статьи к 60-летним юбилеям рассматривают этот возраст как пик творческой активности ученого (32 статьи). Публикации в честь 70-летних (35 статей) и 75-летних юбилеев ученых (18 статей) осмысливают их научный вклад. Материалы о 80-летних (33 статьи) и 90-летних юбилеях (21 статья) здравствующих и ушедших ученых представляют собой своеобразное подведение итогов научной деятельности. Юбилейные материалы в честь 100-летних (35 статей) и еще более солидных юбилеев (9 статей) – это переосмысление потомками творческого наследия для современников.

Обращает внимание и тот факт, что в текстах статей об ученых с дореволюционным бэкграундом заметно вписывание археолога в культуру советской науки как представителя статусной группы советских ученых.

Для изучения истории археологии важным является и тот факт, что ряд ученых удостоились неоднократных юбилейных публикаций, начиная с 60-летия и каждые пять лет. Это, несомненно, говорит об особом внутринаучном статусе археолога, а содержание юбилейных статей, посвященных разным юбилеям, позволяет проследить динамику творческой научной, педагогической, общественной, административной деятельности юбиляра. Возможно, о статусной роли свидетельствует и место публикации юбилейной статьи внутри журнала: в качестве передовой статьи, в разделах «Статьи», «Публикации» или «Хроника».

В целом сами юбилейные статьи весьма специфичны по отбору биографического материала. Их рассмотрение в первом приближении позволяет согласиться с мнением историка А.А. Кузнецова, обратившего внимание на особенности жанра юбилейной статьи: они являются «“сборкой” исключительно положительных черт и качеств» ученых (Кузнецов. 2019. С. 103–132). Созданием в журнале в 1999 г. рубрики «История науки» появилась возможность глубокого историко-научного и историографического анализа жизнедеятельности археологов.

Юбилейные статьи посвящены институциональным основам археологической науки – в первую очередь ИАК, ИА РАН, отдельным археологическим экспедициям, журналу «Советская/Российская археология». Они призваны подчеркнуть общественное

значение археологии и продемонстрировать вклад, внесенный советской и российской археологической наукой в деятельность Академии наук, в мировую научную мысль. В них обращено внимание на роль археологии в решении актуальных государственных задач. История археологии представляется в таких юбилейных статьях как поступательное движение, отражающее преемственность дореволюционной, советской и современной науки.

Особую группу, всегда передовых по своему жанру, составляют юбилейные статьи, посвященные общественно-политическим событиям или общественно-политическим деятелям. Это юбилеи Великой Октябрьской социалистической революции, образования СССР. В них успехи археологии рассматриваются как часть значимых достижений советского общества в коммунистическом строительстве. Юбилейные статьи в честь дня рождения и дат смерти К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина несут на себе мировоззренческую и методологическую нагрузку, демонстрируют приверженность советской археологии марксистской теории исторического процесса в изучении ранних общественно-экономических формаций.

Юбилейные статьи в академическом журнале позволяют, с одной стороны, солидаризироваться различным поколениям археологов, с другой, дают почву задуматься об исторических уроках. Они становятся своеобразной формой культурной памяти, закрепляющей и описывающей на страницах журнала профессиональные нормы археологической науки. С другой стороны, «академическая коммеморация выступает своеобразной лупой, с помощью которой через микросюжет более четко обозначаются контуры глобальных историко-научных процессов» (*Корзун, Ковалёв, Груздинская, 2021. С. 23*).

Таким образом, отмечаемые на страницах академического журнала юбилеи вписывают достижения археологии в общегосударственный контекст и в мировую науку, определяют генетическую взаимосвязь современной науки с ее предшественниками (как институтами, так и учеными), характеризуют вклад конкретных деятелей в приращение научного знания, подготовку научных кадров, создание нормативной системы профессиональной деятельности. Юбилейные публикации выполняют социально-статусную функцию, определяя положение ученого /института/ экспедиции/ издания/ открытия внутри научного сообщества. Самим празднованием юбилея на страницах академического журнала обеспечивается сохранение исторической памяти научного сообщества и преемственность в развитии археологии.

ЛИТЕРАТУРА

- Евтушенко А.Г.*, 2012. Юбилей как социокультурный феномен. Автореф. дисс. на соиск. уч. степени канд. культурологии. М. 17 с.
- Корзун В.П., Ковалёв М.В., Груздинская В.С.*, 2021. Юбилей Академии наук СССР в победном 1945 году: замысел, сценарий праздника, международный резонанс // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. № 2. С. 23–26.
- Кузнецов А.А.*, 2019. Миф о провинциальном историке в XX в. (на примере С. И. Архангельского) // Мир историка: Историкографический сборник. Вып. 12. Омск: Изд-во Омского гос. ун-та. С. 103–132.
- Парадокс о Юбилее..., 2013. Парадокс о Юбилее историка (вместо предисловия) // Историк в историческом и историографическом времени. Казань: Изд-во «Яъз», 2013. С. 3–4.
- Постановление..., б/г. Постановление Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР «О наведении порядка в праздновании юбилеев» от 12 декабря 1958 г. № 1571361 // Собрание постановлений правительства СССР за 1958 г. № 1-20. М.: Госюриздат. С. 556–558.
- Юбилейные даты..., 2022. Юбилейные даты в официальной политике памяти России: правовое измерение: сборник научных статей / Под общ. ред. А.А. Дорской. СПб.: Астерион. 442 с.

Т.С. Паршикова
(Барнаул)

РОЛЬ АКАДЕМИЧЕСКИХ НАЧНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ В РАЗВИТИИ АРХЕОЛОГИИ АЛТАЯ (1940–1970-е гг.)⁹

Институты Академии наук были и остаются крупнейшими исследовательскими и организационными центрами отечественной археологии. Благодаря наличию таких учреждений с исторически сложившимися традициями, сформировались научные школы, в сферу интересов сотрудников которых входил Алтай, необычайно насыщенный памятниками наследия различных хронологических периодов от палеолита до средневековья.

Из-за отсутствия в крае профильных организаций, занимавшихся вопросами изучения историко-культурного наследия, долгое время здесь не было местных специалистов. К концу 1930-х гг. научные общества постепенно закрывались, а массовые репрессии подорвали систему краеведческого и археологического изучения региона (Тишкина, 2009. С. 5). С.В. Киселёв и М.П. Грязнов, проводившие раскопки на Алтае во второй половине 1930-х гг., своими работами продолжили исследования археологии края. Однако начавшаяся Великая Отечественная война отодвинула вопросы развития науки на второй план.

Археологические изыскания на Алтае возобновились во второй половине 1940-х гг. В первые два послевоенных десятилетия направления исследований в регионе определялись работами столичных, в первую очередь академических, экспедиций. На территории Лесостепного Алтая возобновил работы М.П. Грязнов. Он возглавлял Северо-Алтайскую экспедицию Государственного Эрмитажа и ИИМК АН СССР, проводившую исследования на памятнике Ближние Елбаны у с. Большая Речка в 1946–1947, 1949 гг. Результатом этих работ явилось создание М.П. Грязновым первой базовой периодизационной схемы для древних и средневековых культур Верхней Оби, которая на долгое время стала основой для развития западно-сибирской археологии. В исследованиях принимал участие А.П. Уманский с группой студентов Барнаульского педагогического института (ГААК. Ф. 1041. Оп. 1. Д. 34. Л. 80). Для него участие в экспедиции М.П. Грязнова стало своеобразной школой проведения археологических исследований (Уманский, 2013). Сам А.П. Уманский отмечал, что для участников экспедиции от педагогического института, где он в то время работал, главным было освоить приемы изучения археологических памятников, получить навыки разметки, нивелировки, нанесения на чертеж разрезов, разбивки на квадраты и др. (ГААК. Ф. Р-1820. Оп. 1. Д. 50. Л. 7 об.). Полученные знания и навыки способствовали профессиональному становлению А.П. Уманского как специалиста-археолога, внесшего значительный вклад в археологическое изучение региона.

В 1947–1949 гг. экспедицией ИИМК АН СССР и Государственного Эрмитажа под руководством С.И. Руденко осуществлялись раскопки курганов с мерзлотой в Горном Алтае в урочище Пазырык, в результате которых были получены уникальные для мировой науки материалы. В задачи экспедиции входили не только археологические исследования, но и выяснение причин образования мерзлоты в алтайских курганах. С этой целью в экспедиции принимал участие специальный отряд Института мерзлотоведения им. Обручева АН СССР под руководством П.И. Колоскова. В 1950-е гг. экспедиции ИИМК АН СССР под руководством С.И. Руденко продолжили археологические исследования уже в центральной части Алтая. Производились раскопки широко известных в настоящее время памятников Башадар, Туекта, Катанда, Усть-Канская пещера и др. Эти

⁹ Работа выполнена в рамках проекта Государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации №FZMW-2023-0009 «Междисциплинарное изучение древних и средневековых обществ Алтая».

работы не только дали мощный импульс изучению древней истории региона, определили предметные области исследований, способствовали внедрению естественнонаучных методов в археологию (в том числе при изучении материалов алтайских комплексов), но и повлияли на деятельность местных учреждений (в первую очередь музеев) по сохранению и популяризации объектов историко-культурного наследия. Руководители и сотрудники академических экспедиций участвовали в составлении охранных списков памятников, осматривали и давали консультации для составления экспозиций местных музеев (Алтайского краевого краеведческого музея, Бийского краеведческого музея, Горно-Алтайского областного краеведческого музея), читали лекции, участвовали в определении и атрибутировании предметов. Ряд находок академических экспедиций был передан в местные музеи на постоянное хранение.

Важным событием рассматриваемого периода было создание в 1957 г. Сибирского отделения Академии наук СССР, и, в частности, выделение в его структуре в 1966 г. Института истории, филологии и философии СО АН СССР под руководством А.П. Окладникова (*Молодин*, 2015. С. 38). Первые работы Алексея Павловича на Алтае относятся к 1961 году. Тогда А.П. Окладников получил из ОПИ разрешение на археологические разведки и раскопки на территории Горно-Алтайской автономной области (НА ИА РАН. Ф. 1. Р-1. № 2239. Л. 1). С этого времени экспедиции СО АН СССР проводили систематические исследования различных объектов на территории региона, в том числе изучение памятников наскального искусства. В работах также принимали участие сотрудники региональных учреждений. В первую очередь уже упоминавшийся А.П. Уманский, который в это время вел самостоятельные исследования археологических памятников Алтая, работал в Алтайском краевом краеведческом музее и в Управлении культуры инспектором по музеям и охране памятников и находился в тесном научном взаимодействии с коллегами из Ленинграда и Новосибирска, что прослеживается по его переписке с М.П. Грязновым и А.П. Окладниковым.

Одним из центров, проводивших активные археологические работы в регионе в 1950–1970-е гг., был Бийский краеведческий музей. Работавший там Б.Х. Кадиков проводил, как самостоятельные выезды, так и активно участвовал в экспедициях ИИМК АН СССР, ИИФФ СО АН СССР, ИА АН СССР, в том числе в экспедициях ИА АН СССР под руководством Н.Л. Членовой и Д.Г. Савинова. А сотрудница Алтайского краевого краеведческого музея Э.М. Медникова в 1970-е гг. долгое время сотрудничала с экспедицией ИА АН СССР под руководством В.А. Могильникова. Благодаря этому в фонды музея поступали редкие для региона коллекции находок, а участники экспедиций приобретали необходимый практический опыт участия в полевых работах. Под руководством Э.М. Медниковой функционировал археологический кружок, члены которого принимали участие в раскопках памятников, а в дальнейшем связали свою судьбу с наукой.

Новым этапом в деле археологического исследования региона стало открытие в Барнауле в 1973 г. Алтайского государственного университета. Следует отметить, что при реализации археологических изысканий в вузе сразу же обозначилась потребность в профессионально подготовленных специалистах. Для решения такой проблемы руководство университета предприняло действия в двух направлениях. Первое было связано с приглашением на работу опытных археологов. Второе касалось подготовки будущих профессионалов из собственных студентов. Полевая практика проходила, в том числе, в экспедициях ИА АН СССР под руководством В.А. Могильникова.

Многие экспедиции продолжали исследования на Алтае до 1990-х гг. Важную роль в развитии археологии в регионе сыграли контакты местных исследователей с учеными из академических учреждений России, в которых имелась сформированная материально-техническая база, а также круг высококвалифицированных специалистов, владевших современными методами и приемами проведения полевых изысканий. Их ежегодные экспедиции на Алтае способствовали поддержанию тесных рабочих связей с региональными центрами и определению научной преемственности. Проводимые ими изыскания

сыграли основополагающую роль в изучении и сохранении историко-культурного наследия края, заложили основы научного подхода к этой проблеме. Целенаправленное и планомерное обследование территории региона было начато археологами в рамках решения конкретных исследовательских задач. Полученные в результате работ материалы составили основную долю фондов археологических коллекций краеведческих музеев. Результаты проведенных изысканий нашли отражение в публикациях различного уровня, а также диссертационных исследованиях. Интеграция работ столичных ученых и местных исследователей привело к активизации археологической деятельности краевых организаций и учреждений (музеев и вузов). Сотрудники музеев активно взаимодействовали с приезжающими на Алтай специалистами, принимали участие в организованных ими экспедициях. В результате не только пополнялись археологические коллекции, но и оказывалась помощь в организации специальных разделов экспозиций, подготовке местных научных кадров, издании научных статей.

ЛИТЕРАТУРА

- Молодин В.И.*, 2015. От Института истории, филологии и философии СО АН СССР – к Институту археологии и этнографии СО РАН. Развитие археологической науки на востоке страны // Ученые и идеи. Страницы истории археологического знания. М.: Институт археологии РАН. С. 38–40.
- Тишкина Т.В.*, 2009. Археологические исследования на Алтае (1860–1930-е гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул: б/и. 24 с.
- Уманский А.П.*, 2013. Мой первый учитель по археологии // Вопросы археологии и истории юга Западной Сибири. Барнаул: АлтГПА. С. 4–13.

К.А. Руденко
(Казань)

РОЛЬ АКАДЕМИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ В ФОРМИРОВАНИИ И РАЗВИТИИ КАЗАНСКОЙ АРХЕОЛОГИИ (XVIII – 80-е гг. XX в.)

Предпосылки развития археологического знания в Казанской губернии связаны с деятельностью академических экспедиций XVIII в. (*Руденко*, 2014). Собранная ими информация об археологических памятниках преимущественно средневековой эпохи с описаниями и зарисовками объектов монументальной архитектуры Болгарского городища и упоминания находимых в руинах древних городищ артефактов, стала в дальнейшем основой для научного подхода к их исследованию.

Систематизации исторических сведений о Волжской Булгарии и Золотой Орде послужили изыскания Х.М. Френа, члена Российской Академии наук в начале XIX в. в области восточной нумизматики. Источником их были находки средневековых монет на археологических памятниках Казанской губернии. Труды Х.М. Френа не потеряли своей актуальности вплоть до конца XX в.

Связи с Академией наук в С-Петербурге не прерывались в течении XIX в. Можно отметить, например, переписку казанского коллекционера А.Ф. Лихачёва с известными учеными-академиками по разным вопросам археологии и нумизматики в 1860-х – 1880-х гг. (*Руденко*, 2017).

В последней четверти XIX в. отношения с Императорской археологической комиссией стали устанавливаться казанским Обществом археологии, истории и этнографии, образованном в 1878 г. при Казанском университете. Это были попытки провинциальных ученых соответствовать научным требованиям ведения археологических работ. Началось с получения открытых листов, консультации по разным вопросам, в частности атрибуции археологических артефактов. К началу второго десятилетия XX в. помощь

ИАК стала необходимой в связи с планированием и проведением археологических раскопок в 1913–1914 гг. Предшествующий опыт раскопочных работ на Болгарском городище и ряде других памятников показал, что для масштабных работ требуется участие профессиональных археологов, которых в Казани не было (*Руденко*, 2014. С. 66, 67).

Эта проблема сохранилась и после Великой Октябрьской социалистической революции. Слабость провинциальной археологии раннего СССР в образованных автономиях, в том числе и в ТАССР, отсутствие финансирования делали связи с образованной на базе ИАК в Ленинграде ГАИМК достаточно формальными, что сохранялось до конца 1920-х гг. В этих условиях приходилось проводить исследования казанскому археологу В.Ф. Смолину.

В конце 1920-х – первой половине 1930-х гг. один из сотрудников ГАИМК – М.Г. Худяков, уехавший из Казани в 1925 г., пытался курировать казанскую археологию, хотя на тот момент здесь, после отъезда В.Ф. Смолина, остался единственный специалист по археологии – Н.Ф. Калинин. После ареста М.Г. Худякова в 1936 г. это кураторство прекратилось. Отметим, что в 1930-е гг., в ТАССР проводили разведочные работы экспедиционные отряды ГАИМК, в результате которых были открыты памятники ранних эпох, в том числе и каменного века.

В 1933 г. на территории ТАССР начала работу экспедиция ГИМ и МОГАМК под руководством А.П. Смирнова на средневековом Суварском городище. В последний год ее работы в ней приняли участие и сотрудники Казанского музея. В 1938 г. впервые была организована совместная экспедиция ГИМ, МОГАИМК и ЦМТР на Болгарское городище под общим руководством А.П. Смирнова. В ней принял участие и Н.Ф. Калинин. Традиция совместных экспедиций была продолжена А.П. Смирновым и после окончания Великой Отечественной войны (*Руденко*, 2021) и в той или иной степени продолжалась до конца 1980-х гг. Ядром этой деятельности были представители казанской школы булгаристики А.П. Смирнова.

Отметим, что в годы Великой Отечественной войны, эвакуированные в 1941–1942 гг. из Ленинграда в Елабугу сотрудники ГАИМК, в 1943 и 1944 гг. организовали здесь археологические разведки и небольшие раскопки. Роль ИА АН СССР для формирования региональных археологических центров усилилась в период охранных работ в зоне строительства Куйбышевской ГЭС в 1950–1955 гг. Собственно, в это время сложилась кадровая основа казанской археологии.

С конца 1940-х гг. наметилась еще один другой вектор взаимодействия с АН СССР по линии Казанского филиала АН, где стал работать как археолог Н.Ф. Калинин, а затем его ученик А.Х. Халиков. В сущности, сложившаяся на этой базе археологическая школа А.Х. Халикова была достаточно автономна и независима от столичных институтов, что в конечном итоге привело к созданию сначала Национального центра археологических исследований, а в 2012 г. и к самостоятельному институту археологии, но уже при Академии наук РТ.

ЛИТЕРАТУРА

- Руденко К.А.*, 2014. История археологического изучения Волжской Булгарии (X – начало XIII в.). Казань: ГБУ «Республиканский центр мониторинга качества образования». 768 с.
- Руденко К.А.*, 2017. Казанские коллекционеры XIX века (из истории музейного дела Казанского края). Казань: Редакционно-издательский центр «Школа». 172 с.
- Руденко К.А.*, 2021. Казанские археологи в первые годы после Великой Отечественной войны (1945–1949) (по материалам переписки А. П. Смирнова и А. М. Ефимовой). Казань: Редакционно-издательский центр «Школа». 476 с.

С.Н. Савенко
(Пятигорск)

**РОЛЬ СОТРУДНИКОВ РОССИЙСКИХ АКАДЕМИЧЕСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ
В ВЫЯВЛЕНИИ, УЧЕТЕ И ИЗУЧЕНИИ ПАМЯТНИКОВ
АРХЕОЛОГИИ КАВМИНВОД В 1950-х – 1980-х гг.**

Традиции участия членов Российской академии наук (РАН) и учреждений, входящих в ее структуру, в изучении памятников древности и средневековья Северного Кавказа стали оформляться еще в конце XVIII – начале XIX в. В ранние советские десятилетия данная тенденция, лишь ослабшая в годы революции и Гражданской войны, продолжилась с достаточно широким размахом. Особая роль в этом принадлежала ученым-кавказоведам, среди которых тогда выделялись особо активные и авторитетные фигуры советских археологов, таких как А.А. Иессен (Ленинград), Е.И. Крупнов (Москва) и др. В сферу их научных интересов входило, в частности, Кабардино-Пятигорье, западную часть которого и представляют Кавминводы (КМВ).

Несмотря на то, что А.А. Иессен (1896–1964) в послевоенный период уже не организовывал экспедиции на Северном Кавказе и не работал в них, он поддерживал тесные контакты с местными учеными, краеведами и музейщиками, включая проживающих на Кавминводах, которые оперативно делились с ним информацией о памятниках и находках, направляли рисунки и фотографии, отложившиеся в его личном научном архиве, хранящемся сейчас в архиве ИИМК и ряде других учреждений. Это собрание, содержащее сведения о десятках памятников КМВ, в разной мере использовалось и публиковалось самим кавказоведом и другими исследователями (например: *Кузнецова*, 2023), может еще содержать дополнительные данные для учета и исследования объектов Кавминвод.

Е.И. Крупнов (1904–1970), также имевший оживленные связи аналогичного свойства, продолжил и существенно расширил масштаб полевых работ в крае после Отечественной войны. До 1949 г. он осуществлял руководство вновь созданным в 1946 г. сектором археологии Кабардинского НИИ. Затем возглавил крупную многолетнюю Северо-Кавказскую археологическую экспедицию (СКАЭ) Института археологии АН СССР. Кавминводские памятники работами этой экспедиции охватывались в относительно небольшом объеме, но и Е.И. Крупнов получал сведения о памятниках по переписке, а также во время посещения музеев КМВ. Данные материалы он использовал в своих работах. В 1950-е – 1970-е гг. в контактах и переписке с местными краеведами и музейщиками (Н.М. Егоров, М.И. Рыбенко, Н.Н. Михайлов, А.П. Рунич, Г.Е. Афанасьев (впоследствии сам сотрудник ИЭ и ИА АН СССР) состояли также ученики и подопечные Е.И. Крупнова: В.И. Марковин (1922–2008), В.А. Кузнецов (1927–2024), В.Б. Виноградов (1938–2012) и др. В процессе и результате таких связей представители академических учреждений вовлекались в непосредственные исследования объектов регионального археологического наследия и обобщали данные о них, участвуя, таким образом, в их учете на более высоком научном уровне.

Одно из первых полевых исследований 1950-х гг. в регионе было осуществлено работником академического учреждения, но не археологом, а палеозоологом, доктором биологических наук, сотрудником Зоологических институтов АН СССР в Баку и Ленинграде Н.К. Верещагиным (1908–2008). Проведенные в 1933 г. в окрестностях Кисловодска С.Н. Замятниным (1899–1958) шурфовки пещер и гротов и публикация результатов этих работ, в которых он предположил наличие в некоторых объектах позднепалеолитических материалов (*Замятнин*, 1950) и некоторые другие данные, породили надежды открыть на КМВ древние стоянки. Н.К. Верещагин и А.П. Рунич произвели шурфовку пещеры у Селитренных скал на склоне г. Развалки в Железноводске с целью выявления останков архаичных ископаемых видов животных. Удалось зафиксировать

напластования, начиная с конца эпохи бронзы и до средневековья (*Верещагин, 1959*). Но предполагалось, что более обширные работы могут дать и находки каменного века. Поэтому Селитренная пещера, получила название «Пещеры древнего человека» в перечнях памятников, хотя достоверные находки эпохи камня в слое здесь не были получены, в том числе и во время целевых разведок 2000 г., проведенных В.П. Любыным и Е.В. Беляевой.

Еще один представитель неархеологической вузовской и академической науки исследовал археологические памятники в Кисловодске и в окрестных районах Кавминвод во 2-ой пол. 1940-х – 1960-е гг. Это доктор медицинских наук, профессор В.В. Бобин (1890–1973). Являясь преподавателем Крымского медицинского института (сейчас академия им. С.И. Георгиевского), в 1950-е годы он создал антропологический кабинет в Крымском филиале Академии наук, основывая его работу на археологических находках, в том числе и из КМВ. Ученый сам раскапывал отдельные памятники и комплексы на них, а также выходил на объекты вместе с кавминводскими краеведами и членами Кисловодской археологической секции (КАС) Н.Н. Михайлова с целью мониторинга их состояния.

Но, конечно, основную роль в выявлении, учете и изучении памятников региона играли профессиональные археологи из НИИ, вузов и музеев, активно взаимодействующие с местными исследователями и энтузиастами. В связи с тем, что в советский период все научно-исследовательские учреждения, как в границах РСФСР, включая автономные республики и области, так и в рамках 14 союзных республик, входили в структуру Академии наук СССР, то таких исследователей и учреждений, которые они представляли, было немало. Из организаций это, прежде всего, Московское и Ленинградское отделения ИИМК (позднее Институт археологии АН СССР с Ленинградским филиалом). Затем сектора и отделы истории и археологии Кабардинского (с 1958 г. Кабардино-Балкарского), Карачаево-Черкесского, Северо-Осетинского, Чечено-Ингушского республиканских НИИ. Среди ученых-кавказоведов, внесших заметный вклад в изучение археологии Кавминвод из указанных учреждений в рассматриваемый период необходимо, помимо уже указанных, назвать: К.Э. Гриневича, П.Г. Акритаса, В.И. Горемыкину, Г.И. Ионе, Е.П. Алексееву, В.Б. Ковалевскую, А.А. Формозова, М.Н. Погребову, А.Д. Столяра, В.И. Козенкову, И.М. Чеченова, М.П. Абрамову, Н.Л. Членову, В.Г. Петренко, С.Н. Корневского, В.С. Флёрова и др.

Были и представители отдаленных от КМВ академий союзных республик. К их числу принадлежал М.Е. Массон (1897–1986) – основатель археологической школы в Центральной Азии, профессор, доктор исторических и археологических наук, член Туркменской Академии наук, зав. кафедрой археологии Среднеазиатского госуниверситета в Ташкенте. Он раскопок в регионе не вел, но активно содействовал развитию музейного дела городов-курортов КМВ (Кисловодск, Есентуки), исследовал музейные предметы и находки краеведов, выступил наставником ряда выходцев из КАСа, включая Э.В. Ртвеладзе и Г.Е. Афанасьева, которые немало сделали для изучения и учета местных памятников. Э.В. Ртвеладзе (1942–2022), в последующем академик Узбекской АН, профессор, доктор исторических наук, многолетний сотрудник и руководитель отделений Институтов искусствоведения Академии наук и Академии художеств Узбекистана, провел раскопки ряда объектов, в том числе курганов эпохи бронзы на Констатиновском плато (1965), участвовал в выявлении и изучении памятников золотоордынского времени и других средневековых культур в рамках и за пределами КМВ.

В ходе взаимодействия приезжих и местных исследователей имели место как эпизодические выезды и экспедиции, так особо продуктивные годы, когда на КМВ действовало по 3 и более научных отрядов столичных ученых, нередко совместных с музеями городов региона и края (1969, 1976–1977 и др.), и велись многолетние работы (1982–1989 и др.). Следует выделить некоторые менее известные данные о работах по выявлению, учету и изучению памятников в Кисловодской округе и за ее пределами. Так, в

1969 г., когда в регионе одновременно и последовательно работали В.Б., Ковалевская, М.Н. Погребова, А.А. Формозов, А.Д. Столяр, Е.П. Алексеева, В.Б. Виноградов (совместно с Н.Н. Михайловым и А.П. Руничем), были запланированы и начались совместные с Пятигорским краеведческим музеем работы сотрудников ИА АН СССР, впервые предполагавшие широкомасштабные разведки и раскопки памятников различной культурно-хронологической принадлежности с упором на меры их охраны (*Ковалевская, Погребова, 1969*).

В.Б. Ковалевская в 1976 г. провела еще одни крупные разведочные работы на всей площади агломерации городов-курортов региона и внесла в проектную документацию (ТЭО) Института ГИПРОГОР сведения о 170 объектах. Аналогичную работу в рамках предполагаемого перспективного строительства в Кисловодске осуществил в 1984 г. начальник Предгорного отряда и Ставропольской экспедиции ИА АН СССР С.Н. Корневский, также нанесший на рабочие планы проектировщиков десятки памятников археологии всех представленных в данном районе эпох. Большую учетную работу провела в 1980-е гг. при подготовке Свода памятников западного варианта кобанской культуры В.И. Козенкова. Ею были внесены в монографию около 120 позиций, часть из которых включала от 2-х до 8-ми пунктов в рамках городов и районов КМВ, связанных только с памятниками конца II – середины I тыс. до н.э. (*Козенкова, 1989*). Эти данные в основном опирались на сведения, собранные местными учеными и краеведами и карты памятников региона и Кисловодска, составленные в 1960 – 1970-е гг. Н.Н. Михайловым и А.П. Руничем, но и существенно дополняли и уточняли их.

Общим результатом таких мероприятий явилось кратное (до нескольких сотен) увеличение числа выявленных и до 30–35 профессионально исследуемых площадями (могильники и участки поселений) или полностью (курганы) объектов древности и средневековья, особенно в Кисловодской котловине и ее окрестностях. Все это послужило основой для инвентаризации археологических объектов, проведенных по федеральной программе Министерства культуры РФ в 1992–1994 гг. (С.Н. Савенко, Я.Б. Березин, В.А. Фоменко) и дало старт качественно новому этапу беспрецедентных детальных разведочных работ с локальными раскопками (1996–2020, 2024 гг. Кисловодская экспедиция ИА РАН под руководством Д.С. Коробова). Они дополнялись масштабными исследованиями специалистов других российских учреждений и организаций (И.А. Аржанцева, А.В. Борисов, А.Б. Белинский, Я.Б. Березин, А.А. Калмыков и др.) при участии некоторых зарубежных коллег и структур (Г. Харке, С. Хансен, С. Райнхольд, А.О. Наглер и др.), работавших и работающих в границах всех Кавминвод.

ЛИТЕРАТУРА

- Верещагин Н.К.*, 1959. Млекопитающие Кавказа: История формирования фауны. - М.; Л.: Изд-во АН СССР. С. 181–184.
- Замятнин С.Н.*, 1950. О первоначальном заселении пещер // КСИИМК. Вып. XXXI. С. 58–59.
- Ковалевская В.Б., Погребова М.Н.*, 1969. Итоги и перспективы археологического исследования Пятигорья. Машинопись. 7 с. Фонды ПКМ. НВФ № 8978.
- Козенкова В.И.*, 1989. Кобанская культура. Западный вариант. М.: Наука. С. 28–48. (САИ. Вып. В2-5)
- Кузнецова В.Н.*, 2023. Материалы А.А. Иессена в рукописном отделе научного архива ИИМК РАН // Археологические вести. № 38. СПб: ИИМК. С. 30–47.

А.В. Стефанович
(Минск)

**ТРУДЫ ЧЛЕНОВ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК ПО АРХЕОЛОГИИ
В ФОНДАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ
ИМ. Я. КОЛАСА НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК БЕЛАРУСИ**

16 февраля 1925 г. при Институте белорусской культуры была основана первая в Белоруссии научная библиотека, сегодня это Центральная научная библиотека им. Я. Коласа Национальной академии наук Беларуси (ЦНБ НАН Беларуси), которая в этом году отмечает 100-летний юбилей. С первых лет своего существования библиотека активно комплектовала свои фонды. Уже к лету 1941 г. фонд библиотеки АН БССР насчитывал порядка 345 тыс. томов а также значительное количество необработанной литературы, перевезенной в Минск с территории Западной Белоруссии в конце 1939–1940 гг. К середине 1941 г. активный рост пополнения библиотечных фондов был остановлен началом военных действий на территории БССР. С июня 1941 по июнь 1944 г. находясь под оккупацией немецкой армии, фонды библиотеки комплектовались для перевозки в Германию.

Судьба книжных фондов АН БССР (сегодня ЦНБ НАН Беларуси) в период Великой Отечественной войны трагическим образом отразилась на поступательном развитии библиотечного дела в Белоруссии/Беларуси. Как отмечал Б.А. Сенько, «3/4 от всего библиотечного фонда АН БССР было отобрано и вывезено с территории Беларуси» а так же белорусские исследователи А.И. Груша и Ф.Д. Подберёзкин писали: «Осенью 1943 г. <...> Академическая библиотека как отдельное книгохранилище не была ликвидирована. Более того, ее фондам придавалось первостепенное значение в комплектовании Восточной библиотеки». В период оккупации немецкими войсками Минск являлся одним из важных центров в деятельности Оперативного штаба рейхсляйтера А. Розенберга (ОШР; Einsatzstab Reichsleiter Rosenberg) на территории Восточной Европы. За экспертизу, отбор и вывоз культурных и научных ценностей той части Белоруссии, в состав которой входил Минск, отвечала главная рабочая группа (ГРГ) «Остланд», а с мая 1943 г. – ГРГ «Центр». В задачи деятельности этого «Центра в Минске входило создание дополнительного хранилища для Восточной библиотеки, отбор дублетных изданий, организация абонементов для обслуживания Вермахта и гражданских служб оккупационных властей. Этот центр действовал в Минске до конца июня 1944 г., пока не была эвакуирована вначале в Вильно, затем в Белосток, и наконец – в Ратибор. В настоящее время нет точных сведений о вывезенных и возвращенных книжных фондах ЦНБ НАН Беларуси. Сохранились только воспоминания сотрудника библиотеки Б.А. Сенько, который рассказал про состояние библиотеки в период оккупации Минска, так как он был непосредственно участником этих событий. В послевоенное время с 1945 по 1948 г. академическая библиотека Минска приобрела 85 455 единиц печатной продукции, что на 1948 г. составляло 23,6% ее фонда. В 1945 г. в рамках реализации решения Президиума союзной академической помощи академическому книгохранилищу Минска был продолжен отбор изданий АН СССР. В этом же году он производился в Библиотеке АН СССР в Ленинграде (сегодня Санкт-Петербурге) из числа книг «за все время» существования Академии наук, включая издания XVIII в. В результате от ленинградской библиотеки было бесплатно получено 160 ящиков книг. В октябре 1946 г. в Минск из Киева прибыли 26 ящиков литературы возвращенной из Германии

Начиная с весны 1945 г. началось возвращение вывезенных из БССР книг в Минск. Из Пшины были возвращены 6 вагонов книг АН БССР по общественно-политическим вопросам и искусству. В апреле из Померании прибыло еще 26 ящиков академических книг, а в Познани была обнаружена коллекция В.С. Доктуровского, вернувшаяся в академическую библиотеку

В послевоенное время в 1947 г. библиотека Академии наук БССР первой в республике возобновила международный книгообмен. Однако полное участие в нем началось лишь в 1955 г., когда она получила разрешение самостоятельно устанавливать прямые связи с родственными организациями и библиотеками зарубежных стран. Были заключены договора со 103 организациями из 28 стран мира, среди которых крупнейшие библиотечные учреждения. Наибольший интерес в СССР к книгообменным фондам пришелся на 1960–1970-е гг., когда в соответствии с Постановлением Совета Министров СССР от 5 января 1959 г. «Об использовании книжных фондов библиотек» стал активно развиваться внутрисоюзный книгообмен». В этот хронологический период библиотека Академии наук БССР вела внутрисоюзный книгообмен уже с более чем 200 научными учреждениями, библиотеками страны, в том числе с 30 библиотеками Академии наук СССР и союзных республик, с 36 библиотеками университетов. Благодаря партнерам сократилось количество лакун в фондах библиотеки, появилась реальная возможность пополнить их ценными научными изданиями, в том числе и по археологии.

В БССР в 1960-е г. происходит возобновление полевой археографической деятельности, в связи с чем была начата массовая закупка редкой книги и рукописей. Эта работа привела к восстановлению довоенных контактов с ведущими археографическими центрами СССР, в частности с Археографической комиссией АН СССР под руководством А.Н. Тихомирова.

С 1980-х гг. и по настоящее время ЦНБ НАН Беларуси продолжало активно пополнять свои фонды.

Сегодня с уверенностью можно говорить, о том, что по наличию печатных работ членов Императорской академии наук по археологии фонд ЦНБ НАН Беларуси в настоящее время имеет самое большое количество книг в республике.

Среди них можно отметить работы многочисленных авторов, например, это;

– член-корреспондент Императорской Санкт-Петербургской Академии Наук, русский археолог, востоковед, исследователь истории и археологии Средней Азии – Николай Иванович Веселовский (1848–1918). Интерес представляют многие издания этого автора, хранящиеся сегодня в фондах ЦНБ НАН Беларуси, среди них можно отметить работы – «История императорского Русского археологического общества за первое пятидесятилетие существования, 1846–1896: приложение-портреты. Санкт-Петербург: Тип. Гл. упр. уделов, 1900. 24 л. Портр.», «Русское военно-историческое общество. Разряд военной археологии и археографии (Санкт-Петербург). Записки Разряда военной археологии и археографии Императорского Русского военно-исторического общества / под редакцией Н.И. Веселовского. Т. 1 (1911), Т. 2 (1912), Т. 3 (1914) . – Санкт-Петербург: типография Главного управления уделов» и др.;

– член-корреспондент, почетный член Петербургской Академии наук, коллекционер, благотворитель, археолог, один из основателей Санкт-Петербургского археологическо-нумизматического общества. Основатель Московского археологического общества, инициатор первых археологических съездов в России. Председатель Ученой комиссии по созданию Исторического музея в Москве и его первый директор – граф Алексей Сергеевич Уваров (1824–1884). Среди его трудов можно выделить «Каталог собрания древностей графа Алексея Сергеевича Уварова. Москва, 1887», «Археология России : каменный период. Москва : [б. и.], 1881», «Каталог предметов, доставленных на Археологическую выставку при IX Археологическом съезде в Вильне в 1893 году. Вильна: Типография А.Г. Сыркина, 1893» и т.д.;

– действительный член Санкт-Петербургской академии наук, юрист, историк, археограф, архивист, писатель, профессор истории русского права, сенатор, издатель журнала «Юридический вестник (СПб)» и редактор журнала «Юридический вестник (Москва)» Николай Васильевич Калачов (1819–1885), первый директор Петербургского археологического института, при институте начал издание журнала «Сборник Археологического

института» (с 1885 года – «Вестник археологии и истории»). Все его работы можно найти в фонде ЦНБ НАН Беларуси;

– член-корреспондент, адъюнкт по статистике, экстраординарный академик, ординарный академик Петербургской академии наук. Действительный статский советник, русский учёный немецкого происхождения, издававшего труды по истории, географии, этнографии, демографии и статистике – Пётр Иванович Кёппен (1793–1864). В наших фондах хранится редкое библиографическое издание «О роговолодовом камне и двинских надписях / П. Кёппен. [СПб. Санкт-Петербург: б. и., 1855]»;

– член-корреспондент Санкт-Петербургской академии наук, филолог, фольклорист, переводчик, историк, поэт, ботаник, декан историко-филологического факультета и первый ректор Императорского Киевского университета Михаил Александрович Максимович (1804–1873). В фонде имеется «Собрание сочинений. Киев: Тип. М.П. Фрица, 1876–1880. Т. 1: Отдел исторический. Киев: Тип. М.П. Фрица, 1876»;

– член-корреспондент Петербургской академии наук, русский историк, исследователь Сибири Григорий Иванович Спасский (1783–1864). Например, издание – «Босфор Киммерийский с его древностями и достопамятностями / сочинение Григория Спасского. Москва, 1846» в настоящее время является библиографической редкостью;

– член-корреспондент Санкт-Петербургской академии наук. Действительный статский советник, русский историк, этнограф, фольклорист, археолог, искусствовед, участник кружка Н.П. Румянцева, сторонник теории официальной народности, первый исследователь русского лубка, цензор Московского цензурного комитета для издания русских древностей (1828–1855) Иван Михайлович Снегирёв (1793–1868). Можно познакомиться с редкими изданиями «Памятники Московской древности, с присовокуплением очерка монументальной истории Москвы и древних видов и планов древней столицы: с 3-мя планами Москвы, 23-мя картинками, по рисункам акад. Солнцева, отпечатанными красками, 18-ю гравированными и литографированными рис. Изд. Августа Семена, посвященное Его Императорскому Величеству Государю Императору Николаю I-му. Москва: Тип. Августа Семена, при Императорской Медико-хирургической Академии, 1842–1845.», а так же изданием «Старина русской земли: историко-археологические исследования, биографии, учено-литературная переписка, заметки и дневник воспоминаний Ивана Михайловича Снегирёва. Санкт-Петербург: в типографии Ф.С. Сущинского, 1871». Данное издание имеет экслибрис Павла Наумовича Беркова (1896–1969) советского литературоведа, библиографа, книговеда, источниковеда, историка литературы. Он – видный специалист в области русской литературы XVIII в., доктор филологических наук, член-корреспондент Академии наук СССР. Книжное собрание его сегодня храниться в фонде ЦНБ НАН Беларуси;

– член-корреспондент Петербургской академии наук, профессор Санкт-Петербургского и Юрьевского университетов, действительный статский советник, председатель Русского исторического общества в 1925–1932 гг., русский историк Евгений Францевич Шмурло (1853/1854–1934). Его небольшая работа сегодня является большой библиографической редкостью: «Иван Александрович Гольшев: (к 30-летию его научной деятельности) / Е. Шмурло. С.-Петербург [Санкт-Петербург]: издание редакции журнала «Библиограф» (Н.М. Лисовского), 1891 (Типография В.С. Балашева)» Часть текста напечатана на древнерусском языке.

Особое место в фонде нашей библиотеки занимает литература Никодима Павловича Кондакова (1844–1925) русского историка византийского и древнерусского искусства, археолога, создателя иконографического метода изучения памятников искусства, академика Петербургской АН, члена-корреспондента Императорской академии художеств, члена-учредителя Русского собрания. Практически все издания, в которых принимал участие Н.П. Кондаков, имеются в фонде нашей библиотеки. Выделим некоторые из них: «Наука классической археологии и теория искусства. Одесса: Тип. Ульриха и Шульце, 1872», «История и памятники Византийской Эмали. Санкт-Петербург],

1892», «Русские клады: исследование древностей великокняжеского периода. Т. 1. – Санкт-Петербург, 1896», «Византийские церкви и памятники Константинополя. – [Б. м.: б. и., б. г.]», «Памятники христианского искусства на Афонь. Изд. Импер. акад. наук. – Санкт-Петербург: Тип. Императорской АН, 1902. 312 с., 49 фототип», «Отчет о деятельности отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук за 1905 год. – Санкт-Петербург: Тип. Императорской АН, 1905», «Изображения русской княжеской семьи в миниатюрах XI века: с 6 таблицами и 13 рисунками в тексте / [Сочинение] Н.П. Кондакова. Санкт-Петербург: издание Императорской Академии наук, 1906 (Типография Императорской Академии наук). Часть текста на греческом языке», «Македония: археологическое путешествие. Санкт-Петербург: Изд. Отд. рус. яз. и словесности Импер. АН, 1909», «Иконография Богоматери / Отд-ние русского языка и словесности Императорской Акад. наук. – Санкт-Петербург: Тип. Импер. Акад. наук, 1914–1915 гг.» и т.д.

Нельзя не отметить отдельное научное направление – «Церковная археология». В фонде нашей библиотеки она представлена работами Николая Васильевича Покровского (1848–1917) – русского археолога и общественного деятеля, директора Археологического института, профессор Санкт-Петербургской духовной академии, члена-учредителя Русского собрания. Он активно участвовал в работе по составлению «Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона». Его работы и сегодня актуальны, например: «Церковная археология в связи с историей христианского искусства. Петроград: Тип. Н. А. Лавров и К., 1916», «1809–1909. Церковно-археологический музей С.-Петербургской духовной Академии 1879–1909. Санкт-Петербург: [б. и.], 1909».

Особую ценность для белорусских исследователей представляют работы Константина Пиевича Тышкевича (1806–1868) из рода Тышкевичей. Его родителями были граф Пий Тышкевич (1756–1858) польско-литовский магнат, почетный член Виленской археологической комиссии, маршалок шляхты [предводитель дворянства. – А.С.] Борисовского уезда (1814–1820) и Августа Плятер. Археолог, историк, этнограф, фольклорист, член Московского археологического общества, один из основателей белорусской научной археологии. В фонде ЦНБ НАН Беларуси есть издания на польском и русском языках, например: «О курганах в Литве и Западной Руси: археологические исследования графа К. Тышкевича. Вильна, 1865».

Интересны труды Генриха Татура (1896–1907) белорусского археолога, историка, краеведа, коллекционера, члена Минского статистического совета. С 1874 г. он вел археологические раскопки в Минской губернии, составил археологическую карту с описанием памятников: в 1884–1885 гг. основал временный археологический музей в Березино, где в окрестностях и проводил раскопки. Итогом этой работы стала книга «Очерк археологических памятников на пространстве Минской губернии и ее археологическое значение / составил и издал Г.Х. Татур. Минск: Губернская типография, 1892 г.». Часть текста на латинском языке. В результате поездок по Минщине он подготовил большой альбом археологических памятников, создал в Минске богатый частный музей по истории, материальной культуре Беларуси и уникальную библиотеку (коллекции рукописных и старопечатных книг, в том числе «Библия» Ф. Скорины, белорусской живописи). Татур высказывался за создание общенационального музея в Минске. После смерти его собрания были проданы, многие предметы вывезены за границу. В рукописи остались «Исторический очерк местечка Туров, прежней столицы удельного Туровского княжества», «История Станьково», «История Заславля», проект открытия публичной библиотеки в Минске и другие работы, которые хранятся в Государственном архиве Литвы.

За последнее десятилетие продолжается пополнение фонда литературой археологической направленности, охватывающие хронологические рамки с XVIII в. по 20-е г. XX в. Например, представляют интерес материалы изданий Трудов: «Труды V археологического съезда в Тифлисе (1881 г.)», «Труды VI археологического съезда в Одессе (1884 г.)», «Труды VIII археологического съезда в Москве (1890 г.)», часть текста на

древнегреческом языке. «Труды IX археологического съезда в Вильне (1893) под редакцией графини Уваровой и С.С. Слуцкого. Часть текста на французском, литовском языках. В Т.1. (1895 г.) часть текста на французском, литовском языках, в Т.2. (1897 г.) часть текста на немецком языке. «Труды X археологического съезда в Риге (1896 г.), «Труды XI археологического съезда в Киеве (1899 г.), «Труды XIV археологического съезда в Чернигове (1908 г.). Интересны издания «Правила XIII археологического съезда в Екатеринославе (1905 г.) и «Правила XIV археологического съезда в Чернигове (1908 г.), а так же «Атлас к трудам III археологического съезда [Изоматериал.] в Киеве (1878 г.) включено 25 таблиц».

Особую ценность представляют материалы «Доклады Императорской Археологической комиссии за 1882–1888 гг. вышедшие в Санкт-Петербурге, в Типографии Императорской Академии наук (1891 г.), а так же большое количество отчетов за разные годы, например: «Отчет о раскопках и занятиях в архивах членов, сотрудников и слушателей Археологического института в 1880 году: (два вечерних чтения директора института в заседаниях 21 и 28 марта 1881 г.) / [составитель Н. Калачов]. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук, 1881», «Отчет Императорской Археологической комиссии за 1881 год с атласом. Санкт-Петербург: Типография Императорской академии наук, 1883 г.», «Отчет Императорской Археологической комиссии за 1881 год. Санкт-Петербург: Типография Императорской академии наук, 1883»». Часть текста на греческом, французском, латинском языках. «Отчет Императорской Археологической комиссии за 1882–1888 гг., за 1889 г., за 1893 г., за 1894 г. с 235 полнотипажамми в тексте, за 1895 г. с 394 полнотипажамми в тексте, за 1893 г. и др. а так же «Указатели к отчетам Императорской Археологической комиссии за 1882–1898 гг.» и др. издания.

ЛИТЕРАТУРА

- Баева Г.М., Филипских В.Б., 1967. Из истории Фундаментальной библиотеки АН БССР (1941–1959 гг.) // Библиотечно-библиографическая информация библиотек Академии наук СССР и академических наук союзных республик. № 1(63). С. 16.
- Бібліотеки..., 2020. Бібліотеки національних академій наук: проблеми функціонування, тенденції розвитку : матеріали Міжнар. наук.-практ. конф. (Київ, 1 грудня 2020 р.) / орг. ком.: О.Онищенко (голова) [та ін.]; відп. за вип. Н. Захарова; НАН України, Нац. б-ка України ім. В.І. Вернадського, НАН Білорусі, ЦНБ ім. Я. Коласа, МААН, Рада директив наук. б-к та інформ. центрів. Київ. 279 с.
- Современные..., 2020. Современные проблемы книжной культуры: основные тенденции и перспективы развития: материалы XIII Российско-Белорусского научного семинара «Современные проблемы книжной культуры: основные тенденции перспективы развития: К 75-летию Победы в Великой Отечественной войне» (Москва, 26 ноября 2020 г.) / Сост.: Л.А. Авгуль, Н.В. Вдовина. Москва: ФГБУ науки Научный и издательский центр «Наука» РАН; Минск: ЦНБ НАН Беларуси. С. 192.
- Сытько К.В., 2025. Центральная научная библиотека имени Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси: 100 лет служения науке (1925–2025). Минск: ИВЦ Минфина. 120 с.
- Центральная..., 2025. Центральная научная библиотека имени Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси: 100 лет служения науке: современный этап / Нац. акад. наук Беларуси, Центр. науч. б-ка им. Я. Коласа / Авт. коллектив: С.С. Юрецкий (и др.) / Под ред. М.М. Лис, библиогр. ред. О. В. Пирогова. Минск: ИВЦ Минфина. 159 с.

И.Л. Тихонов
(Санкт-Петербург)

**ОТДЕЛ АРХЕОЛОГИИ МАЭ АН СССР В 1930-Е ГГ.
(ПО МАТЕРИАЛАМ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ФИЛИАЛА АРХИВА РАН)**

Отдел доисторической археологии Музея антропологии и этнографии Академии наук, возникший в 1890-е гг. собрал и хранил значительные археологические коллекции, к 1914 г. их насчитывалось почти 28 тысяч единиц хранения. Продолжалось поступление материалов и в послереволюционные годы (Тихонов, 2014. С. 11, 26). Однако штат музея оставался очень скромным, в 1925 г. в нем числилось двадцать научных сотрудников во главе с директором – академиком Е.Ф. Карским – и десять технических сотрудников и служащих (Музей..., 1925. С. 28). С археологией напрямую из них были связаны всего трое: (С.М. Дудин, А.В. Шмидт, В.М. Лемешевский), а непосредственно в археологическом отделе работал только последний, занимающийся исключительно инвентаризацией коллекций, печатных трудов у него не было. Во второй половине 1920-х гг. появился еще один сотрудник – В.В. Фёдоров. Они принимали участие в подготовке выставки первобытных орудий и оружия по замыслу старшего этнографа музея Л.Я. Штенберга и создании экспозиции отдела эволюции и типологии культуры. Последняя экспозиция сильно «потеснила» археологический материал, ранее демонстрировавшийся в этих витринах, но наиболее серьезные перемены в деятельности археологического отдела начались в 1930-е гг. Директором МАЭ стал большевик Н.М. Маторин, человек очень активный и деятельный, рьяно взявшийся за перестройку музея на марксистских основаниях. Была создана бригада из 10 сотрудников музея и аспирантов Академии наук, разработавшая проект перепланировки всех отделов, который отходил от старого этнографического принципа показа материала для демонстрации стадий развития человеческой культуры. Вместо отдела археологии в экспозиции предполагался вводный отдел, который должен был давать представление о доисторическом человеке и его культуре. Затем следовал первый отдел, «где будут выставлены древнейшие стадии человеческой культуры, охватывающие т.н. собирателей и низших охотников» (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 – 1930. Д. 4. Л. 1). Нетрудно заметить явный параллелизм между этими двумя отделами, но вводный отдел строился на археологических материалах, а первый – на этнографических (тасманийцы, австралийцы, огнеземельцы, ботокуды, бушмены).

В самом конце 1929 г. на работу в МАЭ был принят С.А. Семёнов-Зусер, вскоре возглавивший археологический отдел. В отчете за 1930 г. он писал, что отдел «подвергся полной реорганизации в своей научной и экспозиционной части на основе марксистской методологии <...> разработан конкретный план реэкспозиции всего отдела и главное место, в котором занимают реконструкции ранних общественно-экономических формаций в их диалектическом развитии» (Там же. Л. 7). В экспозицию помимо самих артефактов было введено много наглядного материала: манекены, макеты, муляжи, рисунки, фотографии, карты, чертежи и т.п. За год поступила 41 коллекция, из которых некоторые представляли большую научную ценность, как 408 предметов из могильника Мощевая балка на Северном Кавказе, палеолитические коллекции из Палестины, привезенные П.П. Ефименко; 843 предмета из раскопок К.С. Мережковского в Крыму; 499 предметов из Эски-Кеменской экспедиции Н.И. Репникова; неолитические находки из Ленинградской и Тверской областей и т.д. С материалами отдела работали многие исследователи: В.И. Равдоникас, А.В. Шмидт, С.Н. Замятнин, Б.Л. Богаевский и др.

В 1931 г. в отделе появляется в качестве научного сотрудника I разряда П.П. Ефименко и научно-технический сотрудник Н.Г. Костиковский. Со следующего года по договорам стал работать выпускник ЛИЛИ Д.Н. Лев. Новые поступления за 1931 г. составили 2900 номеров, а в следующем году поступило 40 коллекций и было инвентаризовано 26490 предметов. В отделе проводились учебные занятия со студентами

Ленинградского историко-лингвистического института, Педагогического института, Белорусского университета, Коммунистического университета им. Крупской, аспирантами Эрмитажа (Там же. Оп. 1 – 1931. Д. 5. Л. 17; Оп. 1 – 1932. Д. 5. Л. 21).

В 1930–1932 гг. отделом были организованы несколько экспедиций. Крымская под руководством С.А. Семёнова-Зусера проводила раскопки каменных ящиков у д. Черкес-Кермен и обследовала памятники Байдарской долины. Эта же экспедиция провела разведки в нескольких карьерах близ Моздока на Северном Кавказе, обнаружив разрушенные погребения «с ранними скорченными костяками» (Там же. Оп. 1 – 1932. Д. 5. Л. 22). В состав экспедиции помимо руководителя в первый год входили аспирант АН В.Н. Равдоникас, реставратор П.А. Смелов, фотограф С.П. Эмме, чертежник Г. Волобуев, помощник топографа К. Чернов и антрополог Г.И. Петров. Обследование памятников на Кавказе проводил П.А. Смелов. В.В. Фёдоров изучал неолитические памятники в окрестностях Вышнего Волочка.

Крупным событием стала организация выставки к Международному конгрессу по изучению четвертичных отложений. Он был запланирован в Ленинграде на сентябрь 1931 г., но был перенесен на год. Основная часть этого форума была посвящена геологии, поэтому выставку должна была устраивать Галерея четвертичного периода при Геологическом музее АН, где по теме доисторического человека активно работал Г.А. Бонч-Осмоловский. Узнав об этом, директор МАЭ Н.М. Моторин написал несколько писем в Президиум Академии, обвинив последнего в конкуренции и параллелизме и заявив, что выставку по четвертичному человеку необходимо развернуть в МАЭ. В январе 1932 г. он даже просил передать все коллекции по палеолиту, имеющиеся в Четвертичной галерее, в этнографический музей. Смета расходов первоначально составляла 3000 руб. но вскоре возросла до 9680 руб. Оргкомитет конгресса, сославшись на отсутствие средств, отказался выделить эти деньги, а Президиум АН 13 февраля 1932 г. принял решение: «1. Указать МАЭ, что в помещениях Четвертичной комиссии специальной выставки по четвертичному человеку не организуется; 2. выставка должна быть комплексной; 3. Вопрос о передаче коллекций отложить до окончания конференции» (Там же. Оп. 1. – 1932. Д. 39. Л. 2, 7). Это несколько не охладило пыл руководителей МАЭ, и они в итоге добились выделения 6000 руб. на организацию выставки и даже пытались получить огромное количество фотобумаги ленинградской фабрики «Возрождение» чтобы напечатать фотооткрытки с наиболее интересными экспонатами музея. На выставке, развернутой к 1 сентября 1932 г., демонстрировались материалы эпохи среднего и верхнего палеолита из стоянок Ильская, Шайтан-Коба, Киик-Коба, Костёнки, Гагарино, Сюрень, Карачарово и др.

Помимо выставки руководство музея бомбардировало Президиум и непременно секретаря Академии наук настойчивыми просьбами включить в программу конгресса приветствие директора МАЭ, доклады антрополога Б.Н. Вишневого, этнографа И.Н. Винникова, археолога С.А. Семёнова-Зусера (Там же. Л. 28). В изданном в 1934 г. V-м выпуске трудов конференции, посвященном археологии, эти доклады напечатаны не были.

2 февраля 1933 г. общее собрание Академии наук утвердило постановление о создании Института антропологии и этнографии АН СССР на базе академического музея и Института по изучению народов СССР. Новый институт имел порядка 100 штатных единиц и первоначально состоял из трех секций: этнографической антропологической и фольклорной. Семёнов-Зусер покинул вновь созданный институт, исполнение обязанностей заведующего археологическим отделом с июня было поручено С.Н. Замятнину. С начала 1934 г. институт возглавил академик И.И. Мещанинов, а заместителем стал специалист по диалектическому марксизму А.А. Бусыгин, фактически и руководивший учреждением (Решетов, 2003. С. 30). В феврале на работу в должности старшего ученого специалиста с окладом 500 руб. в месяц был принят ушедший из ГАИМК С.Н. Быковский (СПбФ АРАН Ф. 4. Оп. 4. Д. 4683. Л. 53). В конце года под руководством

этого опытного и деятельного администратора была создана археологическая секция института, еще одним сотрудником которой с мая 1934 г. стал В.И. Равдоникас. Музей теперь состоял при институте, и там были созданы кабинеты. Археологический кабинет возглавил С.Н. Замятнин. 2 сентября 1935 г. Быковский попросил дирекцию института назначить Замятнина заместителем заведующего секцией «поскольку его как зав. кабинетом постоянно приходится привлекать к руководству секцией» (Там же. Оп. 1 – 1935. Д. 25. Л. 18). Регулярно стали проходить заседания археологической секции, на которых представлялись научные доклады, обсуждались планы работы, предстоящие экспедиции. На заседании 25 ноября 1934 г. обсуждался план работы новой секции на 1935 г. П.П. Ефименко согласился со всеми предложениями руководителя секции и заявил, что это соответствует его научным интересам; А.В. Шмидт предложил тему об инвентаре могильников Предуралья; Д.Н. Лев собрался заняться публикацией коллекции каменных орудий из окрестностей Петропавловска на Камчатке; В.В. Фёдоров – публикацией неолитических материалов из Новгородской области; П.И. Борисковский вместе с С.Н. Замятниным предполагал описать коллекции Мережковского из Крыма, а сам Замятнин – еще и публикацией писаниц из Минусинского края; В.И. Равдоникас – публикацией археологических материалов по Карелии и Северо-Западной области (Там же. Л. 3–4). С мая 1933 г. в археологическом отделе по договорам стал В.А. Городцов, изгнанный почти из всех московских учреждений. Бывая в Ленинграде раз в один-два месяца, он консультировал сотрудников отдела, обрабатывал свои коллекции из раскопок Тимоновской и Ильской стоянок, Елизаветинского городища, выступал с докладами. 16 ноября 1934 г. Городцов прочитал доклад «Социально-экономический быт Тимоновской палеолитической стоянки», вызвавший большое обсуждение, а 11 декабря 1935 г. – доклад «О результатах раскопок Елизаветовского городища». В исследовании этого памятника принимали участие С.Н. Быковский и Д.Н. Лев, у которых сложились дружеские отношения с крупнейшим московским археологом.

На мартовской сессии Академии наук 1935 г. в название института была добавлена археология, теперь он стал называться Институт антропологии, археологии и этнографии АН СССР. Академия наук явно хотела обзавестись собственным научным учреждением в области археологии, поскольку ГАИМК до 1937 г. не входила в ее состав и между ними нередко возникали трения по ряду вопросов. Оправдывая новое название института, Археологическая секция развернула активную работу. По результатам полевых исследований прошедшего сезона в феврале 1936 г. была организована научная сессия и подготовлена выставка (*Паничкина*, 1937). В проекте плана на 1936 г. фигурировали уже восемь археологических экспедиций с бюджетом от 7500 до 10000 руб., а на Кавказскую экспедицию С.Н. Замятнина планировалось выделить 30000 руб.

В 1936 г. под эгидой Археологической секции были изданы: «Справочник по палеолиту СССР» И.Н. Березина, «Наскальные изображения Белого моря и Онежского озера» В.И. Равдоникаса, «Путеводитель по археологическому отделу» Д.Н. Лева. Особое значение имела инициатива по созданию нового издания. В начале мая 1935 г. Археологическая секция направила письмо директору института, в котором предложила издавать четыре раза в год журнал «Советская археология» объемом по 15 печ. листов в номере, аргументируя необходимость нового издания тем, что за последние годы накоплен большой материал, остающийся недоступным для исследователей, вынужденных пользоваться дореволюционными или зарубежными публикациями. Письмо подписали С.Н. Быковский, И.Н. Винников, В.И. Равдоникас, П.П. Ефименко, С.Н. Замятнин, В.А. Городцов, Г.П. Сосновский, Е.Ю. Кричевский, П.Н. Шульц, П.Н. Третьяков, П.И. Борисковский. Однако в резолюции зам. директора Бусыгина речь шла уже о сборнике, а не регулярном журнале (СПБФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 – 1936. Д. 61. Л. 6–7).

5 января 1936 г. первый номер нового сборника был сдан в набор, но его выпуск оказался под большой угрозой, поскольку принимавший непосредственное участие в его подготовке и редактировании С.Н. Быковский был арестован в августе этого года.

Номер был подписан в печать 17 сентября и вскоре вышел в свет без упоминаний его фамилии. Руководить Археологической секцией стал П.П. Ефименко. Он же вместе с В.И. Равдоникасом и В.А. Городцовым составил редколлегию «Советской археологии», ответственным секретарем которой стал С.Н. Замятнин. Было подготовлено и выпущено еще три номера сборника в 1937 г. Пятый вышел только в 1940 г., потому что между этими событиями произошли серьезные административные изменения. 5 августа 1937 г. Президиум АН СССР принял постановление, согласно которому бывшая ГАИМК вошла в состав Академии наук СССР в качестве Института истории материальной культуры им. Н.Я. Марра. Этим же постановлением археология убиралась из названия ИАЭ и ему предписывалось передать в ИИМК редакционный портфель «Советской археологии», в котором содержалось 95 статей. П.П. Ефименко и В.И. Равдоникас вследствие невозможности совместительства в двух академических институтах вынуждены были покинуть ИАЭ. Временно исполняющим обязанности заведующего археологическим отделом был назначен Д.Н. Лев, а в апреле 1939 г. он был утвержден в этой должности.

ЛИТЕРАТУРА

- Музей..., 1928. Музей антропологии и этнографии. Л., 1925.
Паничкина М.З., 1937. Сессия Археологической секции Института антропологии, археологии и этнографии Академии наук СССР // СА. № 3. С. 237–240.
Решетов А.М., 2003. Институт антропологии и этнографии – Институт этнографии АН СССР. 1933–1943 гг. // Этнографическое обозрение. № 5. С. 24–42.
Тихонов И.Л., 2014. Археология в Этнографическом музее Академии наук в XIX – начале XX в. // Свод археологических источников Кунсткамеры. Вып. 4. История археологического собрания МАЭ. Верхний палеолит. СПб.: МАЭ РАН. С. 5–75.

А.Н. Ткачѳв
(Краснодар)

УЧАСТИЕ КУБАНСКИХ АРХЕОЛОГОВ В АКАДЕМИЧЕСКИХ ЭКСПЕДИЦИЯХ 1940–1950-х гг.

После Великой Отечественной войны начинается новый этап археологического изучения Кубани. Со второй половины 1940-х гг. начинают постоянную работу крупные стационарные экспедиции центральных научно-исследовательских организаций: Таманская, Фанагорийская, Анапская, Синдская экспедиции (ИИМК/ИА АН СССР), Кубанская, Северо-Кавказская экспедиции (ЛОИИМК АН СССР). Одновременно ведут активную работу региональные музеи и образовательные учреждения. Интенсификация работ в послевоенное время в основном связана с масштабными строительными и мелиоративными работами. Если в довоенные годы исследования на территории Краснодарского края и Адыгеи носили эпизодичный характер, то после войны они приобретают систематический характер. Послевоенный период является продолжением исследований 1930-х гг. Наиболее характерным примером можно считать возобновление работ на античных памятниках Таманского полуострова. Постепенно возобновляется изучение и других древних эпох.

В 1947 г. ИИМК АН СССР организовал две экспедиции: Фанагорийскую и Кубанскую. Фанагорийская экспедиция совместно с ГМИИ им. А.С. Пушкина под руководством М.М. Кобылиной возобновила начатые до войны раскопки на городище Фанагория. Было продолжено исследование центральной и западной частей городища, а также начаты раскопки на юго-восточной и северо-восточной его частях, где были выявлены культурные напластования с V в. до н.э. по IV в. н.э. Был открыт Керамик – район гончарных мастерских, остатки мощных крепостных сооружений и др. (*Кобылина*, 1956. С. 10).

Активным участником Фанагорийской экспедиции был научный сотрудник Краснодарского краеведческого музея Н.В. Анфимов, впервые принявшей в ней участие в 1939 г. После освобождения Кубани, он в составе Чрезвычайной государственной комиссии по установлению ущерба, нанесенному во время боевых действий (ЧГК) в 1944 г. участвовал в обследовании археологических памятников Таманского полуострова (в том числе Фанагории) (РО НА ИИМК РАН. Ф. 312. Оп. 1. Д. 195).

В 1947 г., как и в предыдущие годы, Н.В. Анфимов являлся начальником отряда Фанагорийской экспедиции, руководя работами на Береговом раскопе в северо-восточной части города. Кроме него, в экспедиции участвовали директор Краснодарского музея Ф.В. Навозова, работники Темрюкского музея и студенты Краснодарского пединститута. В ходе работ на Береговом раскопе была уточнена восточная граница города (Там же. Ф-1. Р-1. № 150). Н.В. Анфимов оставался начальником отряда Фанагорийской экспедиции до 1951 г. Одновременно, в 1947 г. он провел раскопки на некрополе Тирамбы у пос. Пересыпь. В этой экспедиции Краснодарского музея принял участие аспирант ЛОИИМК В.П. Шилов.

В Кубанской экспедиции ГИМ и ИИМК под руководством К.Ф. Смирнова по раскопкам Пашковского могильника № 3 Н.В. Анфимов непосредственно не участвовал, но в 1946 г. вместе с К.Ф. Смирновым посетил могильник и помогал в выборе места раскопа. В ходе осмотра они обнаружили шесть торчащих в обрыве берега погребений, 4 из которых были исследованы в том же году Н.В. Анфимовым и М.В. Покровским (НА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 157).

С 1948 г. начинает ежегодные работы в Краснодарском крае В.Д. Блаватский. Экспедицией ИИМК АН СССР и ГМИИ под его руководством, проводившей основные работы в Пантикапее, были также предприняты разведочные работы и небольшие раскопки в Анапе с целью выяснения размеров территории и стратиграфии городища Горгиппия. В 1949 г. Н.В. Анфимов принимал участие в Анапской экспедиции В.Д. Блаватского на раскопках Горгиппии (НА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 365).

Н.В. Анфимов также участвовал в Синдской экспедиции ИИМК АН СССР, МГУ и Новороссийского музея (с 1952 г. реорганизованной в Синдский отряд Таманской экспедиции ИИМК под руководством В.Д. Блаватского), работавшей в окрестностях ст. Тамань и юго-западной части Таманского полуострова.

Масштабные разведочные работы и раскопки на городище Гермонасса/Тмутаракань были проведены в 1952–1955 гг. Таманской экспедицией, организованной ИИМК АН СССР совместно с МГУ и ГИМ под руководством Б.А. Рыбакова (НА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 918). Таманская экспедиция являлась крупнейшей в те годы, а в экспедиции в качестве начальников раскопов и отрядов принимали участие как известные ученые тех лет, так и молодые специалисты: Ю.С. Крушкол, И.Б. Зеест, С.А. Плетнёва, В.П. Левашёва, В.Б. Деопик, В.В. Кропоткин, Н.И. Сокольский, Н.П. Сорокина, А.В. Никитин, В.И. Цехмистренко, А.К. Коровина, Н.Н. Стоскова (*Чхаидзе*, 2008. С. 252). Основной задачей экспедиции было исследование средневековых слоев и определение границ города в средневековую эпоху. За весь период работ на городище было заложено более 40 раскопов и проведены обширные разведки окрестностей станицы Тамань.

Н.В. Анфимов участвовал в Таманской экспедиции в качестве начальника отряда. Он руководил работами на раскопе ХХХ на северо-восточной окраине городища. Работе в экспедиции посвящена часть автобиографии Н.В. Анфимова. В частности, он описывает случай, произошедший с ним в экспедиции: «В отвесном обрыве городища, на берегу Таманского залива, обнажился глиняный горшок хазарского времени. Чтобы его достать, я взял толстую экспедиционную веревку и вместе с аспирантом Гусаковским укрепил ее на краю обрыва. Когда все было готово, я стал спускаться по веревке, а дальше... веревка начала рваться и я полетел вниз с двадцатиметровой высоты». В результате несчастного случая получил серьезную травму и пролежал в больнице без движения два месяца. Как отмечал сам Н.В. Анфимов, «благодаря перелому шеи и продолжительному

лечению, я получил возможность закончить кандидатскую диссертацию “Основные этапы развития культуры меото-сарматских племен Прикубанья”, которую защитил 23 декабря 1954 г. в Институте археологии АН СССР» (Анфимов, 2010. С. 58).

Не только Краснодарский музей вел совместные работы с академическими экспедициями. Работы Новороссийского краеведческого музея после войны были сосредоточены в основном на Раевском городище, расположенном между Анапой и Новороссийском. В период с 1955 по 1963 г. совместная экспедиция Новороссийского музея и Института археологии АН СССР под руководством Н.А. Онайко исследовала около 400 кв.м. площади Раевского городища, вскрыв слои от эпохи эллинизма до средневековья. Н.А. Онайко также раскопаны поселения в Широкой Балке, на Мысхако, во Владимировке, в Цемдолине. Ее исследования подтвердили сведения Страбона о расположении в районе Новороссийска боспорского города Баты.

В 1949 г. кубанские историки, наряду с учеными других специальностей, пытались обосновать необходимость создания филиала Академии наук СССР в Краснодаре. Их целью было создание Института истории, археологии и этнографии. В составе института предлагалось три сектора: истории Северного Кавказа в древнее и средневековое время, истории Северного Кавказа в новое и новейшее время, сектор этнографии, а также два заповедника: Фанагорийский на Таманском полуострове и Семибратний в Варениковском районе (по названию одноименного городища). Обсуждения проходили на заседаниях кафедр Краснодарского пединститута и соответствующих отделов Краснодарского краеведческого музея, где выступали Н.В. Анфимов и М.В. Покровский. Однако усилия ученых и руководства края не увенчались успехом (Еремеева, 2011. С. 56).

Таким образом, в первые годы после окончания боевых действий на Кубани, уровень развития археологии в регионе определялся работами экспедиций московских и ленинградских организаций (в основном Академии наук СССР). В то же время, со второй половины 1940-х гг., когда в регионе возобновили работы академические экспедиции, Краснодарский краеведческий музей продолжил плановые исследования, решая задачи инвентаризации памятников и обеспечения их полноценного исследования в зонах новостроек. Возникают предпосылки к сложению регионального центра, что выражается в систематических работах региональных музеев (Сорокина, 2008. С. 128). Можно отметить, что отдельные краснодарские археологи (прежде всего Н.В. Анфимов), прошли школу академических экспедиций, принимали непосредственное участие в разведочных и стационарных раскопках археологических памятников на территории Кубани.

ЛИТЕРАТУРА

- Анфимов Н.В., 2010. Автобиографические записки // Прошлое Кубани. Из наследия Н.В. Анфимова / Сост. Е.А. Хачатурова, А.В. Пьянков. Краснодар, Перспективы образования. С. 43–71.
- Еремеева А.Н., 2011. Исторический факультет КГПИ в послевоенные годы // Голос минувшего. № 1-4. 2011. С. 52–60.
- Кобылина М.М., 1956. Фанагория / А.П. Смирнов (ред). М. С. 5–127. (МИА 57)
- Сорокина И.А., 2008. Полевые археологические исследования в России в 1946–2006 гг. (по архивным материалам и публикациям). Тула: Гриф и К. 244 с.
- Чхаидзе В.Н., 2008. Таманская археологическая экспедиция 1952–1955 гг. под руководством Б.А. Рыбакова // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. 2008 г. Т. III. М.: ИА РАН. С. 251–254.

М.А. Тубаев
(Нальчик)

РОЛЬ УЧЕНЫХ ГАИМК В ИЗУЧЕНИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ В КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ В 20–30-х гг. XX в.

Начало изучения археологических и историко-архитектурных памятников на территории нынешней Кабардино-Балкарии принято связывать с экспедициями конца XVIII и начала XIX в. (И.А. Гильденштедт, П.С. Паллас, Ю. фон Клапрот). В середине XIX в. регионе работали собиратель древностей А.С. Фиркович и путешественник Н.А. Нарышкин. В конце XIX – начале XX в. археология здесь (особенно в горных местностях) приобрела во многом стихийный и разрушительный характер. В большинстве своем находки были из грабительских или непрофессиональных раскопок.

Существуют публикации ряда авторов (С.Н. Савенко, В.А. Фоменко и др.) на тему истории археологического изучения регионов Северного Кавказа, однако большая их часть, в силу довольно значительных географических и временных рамок исследования, имеет масштабный и скорее обзорный и обобщающий характер, следствием чего является то, что на общем фоне археологии Кабардино-Балкарии уделяется не так много внимания. Актуальность данной работы, ограниченной территорией республики, заключается в том, что нам удалось уделить больше внимания детальности и предметности рассматриваемых археологических исследований, а также персоналиям ученых, работавших в изучаемый период.

Характерными чертами археологических работ досоветского периода в регионе были: поиск вещей, имеющих художественную и материальную ценность, а также почти полное отсутствие раскопок древних и средневековых поселений. Следствием случайных в своем большинстве исследований и частых грабежей памятников кладоискателями явилось то, что значительное число находок с территории республики оказалось в музеях других российских регионов и зарубежных стран (*Иессен*, 1941. С. 8). Значительным шагом в деле организации археологического изучения края послужило открытие областного музея в Нальчике в 1921 г. (Там же. 1941. С. 12). Музей стал не только местным центром полевых исследований, но и хранилищем археологических материалов, в том числе случайных находок. Создателем и руководителем музея стал археолог-любитель М.И. Ермоленко. Еще в досоветскую эпоху Макар Иванович, производил самостоятельные раскопки и доставлял археологические находки в Ставропольский и Терский музеи (Там же. С. 12–13). Уже к 1928 г. археологическая коллекция музея в Нальчике насчитывала 5960 предметов, добытых во время многочисленных поездок, полученных от отдельных лиц и государственных учреждений. Сегодня национальный музей Кабардино-Балкарии, является одним из крупнейших хранилищ археологических находок на Северном Кавказе.

Существенную роль в археологических исследованиях в Кабардино-Балкарии в период 20–30-х гг. имели экспедиции Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК).

Созданная в 1919 г. декретом Совнаркома на основе Императорской археологической комиссии, Российская академия истории материальной культуры (РАИМК, с 1926 г. ГАИМК) перешла в систему АН СССР в 1937 г., следствием чего явилась ее реорганизация в Институт истории материальной культуры (ИИМК) с отделением в Москве. Являясь основным научным учреждением, в задачи которого входило всестороннее исследование памятников древности, искусства, старины и народного быта и разработка научных основ их охраны, теоретическая разработка всех вопросов, связанных с археологией и производство археологических раскопок, Академия вела археологические работы по всей территории СССР. В 1923 г. Академия начала работу на Северном Кавказе, организовав Северо-Кавказскую экспедицию под руководством А.А. Миллера.

Имя Александра Александровича Миллера достаточно хорошо известно российским археологам. Он заслуженно считается не только одним из основателей РАИМК и ученым-кавказоведом широкого профиля, но и учителем целого поколения ленинградских археологов. В числе его учеников были: М.И. Артамонов, А.А. Иессен, Б.Б. Пиотровский, А.П. Круглов, Г.В. Подгаецкий, Б.Е. Деген-Ковалевский и многие другие. Можно утверждать, что наработки А.А. Миллера в области методического подхода к археологическому материалу, паттерны строгого и разностороннего анализа источников, внедрявшиеся им в практику воплотились позднее в таком понятии, как «ленинградская школа археологов» (Отцы..., 2022. С. 101).

Одной из приоритетных задач экспедиции ГАИМК в 1923 г. было изучение истоков исторического развития местных народов с опорой, главным образом, на материалы раскопок древних поселений. Это было одним из отличий работы экспедиции А.А. Миллера от изысканий предыдущих периодов. Поставленные перед археологами вопросы исторического порядка определили направление и специфику дальнейших исследований (Миллер, 1932. С. 64).

В 1924 г. экспедиция произвела разведочные работы на древних поселениях в Нальчике и его окрестностях. Также была совершена поездка в горные районы области для исследования местных историко-архитектурных памятников и изучена коллекция, хранящаяся в Нальчикском музее. Позже экспедиция вернулась в Кабардино-Балкарию в 1929 г. и далее вела здесь археологические раскопки и разведки в 1930, 1932 и 1933 гг. Деятельность данных экспедиций осуществлялась по трем основным направлениям:

1. Изучение музейных коллекций и сбор материала, собранного предшествовавшими археологическими работами.

2. В окрестностях Нальчика были произведены раскопки памятников времен энеолита и бронзового века. В Нальчике был исследован древний могильник, так называемый «Курган №1», где в 1923 г. местным музеем были проведены раскопки. В период 1929–1930 гг. на этом могильнике было раскопано более ста погребений, давших качественный и отчасти уникальный материал. В окрестностях Нальчика были исследованы два средневековых кургана и три кургана эпохи бронзы. Большое внимание экспедицией было уделено исследованию древних поселений. Был произведен осмотр и зафиксирован ряд древних укрепленных и неукрепленных поселений по рекам региона. Памятники разновременные: от эпохи бронзы до средних веков. Экспедиция произвела раскопки поселений у хутора Долинского в 1932, 1933 гг. и на т. н. Агубековском поселении в окрестностях Нальчика, ранее обследованном М.И. Ермоленко.

3. Третьим направлением работ следует выделить разведки А.А. Иессена, проводившиеся в соседних регионах с целью расширения изучаемого экспедицией района. В 1933 г. в работе экспедиции было выделено дополнительное направление изучения следов древнего горного дела и металлургии (Иессен, 1941. С. 13).

Некоторые отчеты по результатам работы экспедиций ГАИМК за 1924, 1929 и 1932 гг. были опубликованы в обобщающем своде по археологическим памятникам Кабардино-Балкарии, в серии «Материалы и исследования по археологии СССР» в 1941 г. Помимо указанных работ Северо-Кавказской экспедиции, следует отметить охраняемые работы в долине реки Баксан, организованные Академией истории материальной культуры и позволившие расширить территорию археологических исследований.

6 января 1926 г. был образован Кабардино-Балкарский научно-исследовательский институт (далее КБНИИ) в целях привлечения научных сил в Кабарду и Балкарию для изучения и исследования естественных богатств и производительных сил области – экономики, истории, археологии и этнологии, в целях содействия и подготовки научных работников по краеведению, а также для распространения научно проверенных сведений о Кабарде и Балкарии среди широких масс населения. Институт на многие годы стал базой археологических экспедиций, работавших в регионе, и кузницей научных кадров. Научный архив КБНИИ (ныне ИГИ КБНЦ РАН) является незаменимым источником для

исторических изысканий на тему древней и средневековой истории края. При написании данной работы, автор использовал его материалы.

В 1933 г. отряд во главе с Б.Е. Деген-Ковалевским произвел обследование района строительства Баксанской ГЭС у селений Заюково и Кызбурун I (Атажукино), а также верховий реки Баксан (НА ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 393. Оп. 3. Д. 7). Кроме того, были выполнены небольшие раскопочные работы на нескольких памятниках в окрестностях строящейся гидроэлектростанции. В 1934 г. эти работы были продолжены А.А. Иессеном. Также были раскопаны два кургана эпохи бронзы в селении Заюково (Иессен, 1941а. С. 220–236).

Сложно переоценить роль археолога Александра Александровича Иессена в становлении кабардино-балкарской археологии и, в целом, в изучении древней истории Кавказа. А.А. Иессен (1896–1964), с 1929 г. являвшийся сотрудником ГАИМК, сочетал в своей научной деятельности полевую работу со всесторонним анализом археологического материала и научно-теоретическими построениями. Эти качества позволили стать Александру Александровичу к концу 1930-х гг. одним из ведущих археологов-кавказоведов.

Основные научные интересы А.А. Иессена лежали в области сложных проблем эпохи бронзы юга Восточной Европы, особенно Северного Кавказа. А.А. Иессеном была разработана схема культурно-исторического развития Кавказа в древности. Им же впервые были обобщены итоги археологических исследований на территории КБР в досоветский и довоенный периоды (Иессен, 1941. С. 8–14).

Подводя итог анализу вклада ученых ГАИМК в археологическое изучение Кабардино-Балкарии в 20–30-х гг. XX в., подчеркнем системную важность перехода от стихийного и разрушительного, научно неосмысленного накопления археологического материала, характерного для дореволюционного периода, к более современному в практическом и теоретическом отношении этапу, начавшемуся в 1923 г., с приезда в Кабардино-Балкарию Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК. Для данного периода археологического изучения территории Кабардино-Балкарии стали характерными новые тенденции, переведшие археологические исследования в регионе на качественно новый уровень и задавшие вектор на их дальнейшее развитие и рост. Методологическая и методическая планомерность, системность а также новые организационные формы археологических работ и комплексность исследований позволили построить археологию края в общую академическую канву. Большую роль сыграла административная централизованность, свойственная периоду развития отечественной науки после установления советской власти (Иессен, 1941. С. 14). Можно утверждать, что фундамент, сформировавшийся в археологии Кабардино-Балкарии в 20-х и 30-х гг. XX в., был настолько академичным и прочным, что это заметно и в наши дни. Материалы полевых исследований этого периода стали в последующем основой для многочисленных работ по древней и средневековой истории региона.

ЛИТЕРАТУРА

- Иессен А.А., 1941. Очерк истории археологического изучения Кабарды и Балкарии // Материалы и исследования по археологии СССР. М.:Л, Издательство АН РАН СССР. Вып. 3. С. 8–14.
- Иессен А.А., 1941а. Отчет о работе Баксанской экспедиции 1934 г. // Археологические исследования в РСФСР. 1934–1936. Краткие отчеты и сведения / отв. ред. М.И. Артамонов. М.; Л. С. 220–236.
- Миллер А.А., 1932. Десять лет работы ГАИМК в Северо-Кавказском крае // Сообщения ГАИМК. № 9/10. С. 63–67.
- Отцы..., 2022. Отцы-основатели РАИМК: их жизненный путь и вклад в науку: коллективная монография / науч. ред.-сост. В.А. Горончаровский. СПб.: ИИМК РАН. 872 с.

И.В. Тункина
(Санкт-Петербург)

СОКРОВИЩА АКАДЕМИЧЕСКОГО АРХИВА В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ¹⁰

Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПбФ АРАН) – первый научный архив России и крупнейшее в мире хранилище научной документации XVIII – начала XXI вв., на протяжении 240 лет головной архив в системе учреждений Академии наук с момента ее основания до 1963 г. «Академический архив принадлежит к числу замечательнейших архивов империи, представляя редкое, по своей полноте, собрание рукописей, служащих важнейшими и во многих случаях единственными источниками для истории просвещения в России...», – констатировал еще в 1885 г. академик М.И. Сухомлинов.

Архив создан в 1707 г. как структурное подразделение правительственного учреждения – Аптекарской (с 1721 г. Медицинской) канцелярии в Санкт-Петербурге. Ее возглавлял лейб-медик царя Петра I, «архиатр» (главный врач) Российского государства, в ведение которого в 1714 г. были переданы царские Аптекарский огород, Библиотека и Кунсткамера. До передачи в ведение Академии наук в 1724 г. эти учреждения и экспедиции по России финансировались из средств Аптекарской (Медицинской) канцелярии. В ее архиве отложилась документация об основании и комплектовании фондов царских собраний с 1698 г., переписка о приглашении иностранных ученых в проектируемую царем Академию наук и документация об экспедиционном изучении России в первой четверти XVIII вв. (в их числе экспедиция Д.Г. Мессершмидта в Сибирь 1719–1727 гг.). Датой создания современного академического архива в Санкт-Петербурге, вобравшего научные и научно-организационные материалы Аптекарского приказа/Медицинской канцелярии, следует считать царский указ об образовании Главной аптеки в Санкт-Петербурге и Аптекарской канцелярии при ней 1707 года. Таким образом, академический архив старше Академии наук на 17 лет и на 7 лет старше ее первых учреждений – современных Библиотеки РАН, Музея антропологии и этнографии (Кунсткамеры) им. Петра Великого РАН, Ботанического института им. В.Л. Комарова РАН, так как он хранит документы об их основании и деятельности с доакадемической эпохи (Тункина, 2019. С. 165–168; 2024, с. 408).

С основанием Академии наук (1724) документы по научно-организационным вопросам из Медицинской канцелярии были переданы в *архив Канцелярии (с 1766 г. – Комиссии) АН* (1724–1803). Канцелярия осуществляла административное руководство всеми академическими учреждениями (учеными, учебными, техническими), отстаивала интересы АН во властных структурах, возглавила не только административно-хозяйственную, но и научно-организационную работу, ведала кадровыми вопросами академической жизни. Второй крупнейший академический архив – Ученый, Профессорский, Академический или *Конференц-архив* (1725–1922) – хранил протоколы заседаний Конференции (Общего собрания) и приложения к ним (протокольные бумаги), диссертации (трактаты), изданные и неизданные сочинения членов АН, научные отчеты, еженедельные журналы, ученую корреспонденцию (переписку с иностранными и отечественными учеными), материалы экспедиций (включая рукописные карты), академические издания и пр. В 1912 г. новым штатом Академии наук Архив Конференции был включен в число самостоятельных учреждений в ведении Конференции. Средства на его нужды стали выделяться отдельной строкой в бюджете АН. *Архив Комитета правления* (1803–1893) – *Правления* (1894–1927) – *Управления делами* (1927–1934) – *Административно-хозяйственного управления* (с 1934 г., впоследствии *Управление делами АН СССР*) существовал отдельно от Конференц-архива. В 1922 г. решением Общего собрания был создан единый *Архив РАН*, объединивший архивы Конференции, Правления, Отделения русского языка и словесности (1847–1927). В год празднования 200-летия Академии

¹⁰ Исследование проведено при финансовой поддержке грантов РФФИ № 24-18-00202 и № 25-18-00293.

наук 17 февраля 1925 г. декретом Совнаркома РСФСР Архив РАН получил статус научного учреждения; в связи с переименованием РАН с 27 июля 1925 г. он стал называться Архивом Академии наук СССР (Тункина, 2016; Фонды..., 2016. С. 8–20).

За свою более чем трехвековую историю архив пережил три эвакуации (1812, 1917, 1941) и три реэвакуации (1813, 1920, 1945), не потеряв ни одного документа. В 1941 г., несмотря на вывоз 30 ящиков особо ценных фондов в Свердловск во втором эшелоне Государственного Эрмитажа, в течение всей блокады архив продолжал активно комплектоваться документами академических учреждений, эвакуированных и погибших ученых. Материалы на санках доставляли в архив умиравшие от голода архивисты, спасая научные и культурные ценности от уничтожения в огне пожаров, в топках буржеек, от немецких снарядов и авиабомб. Нечеловеческие условия работы описаны в дневниках директора академического архива Г.А. Князева (1887–1969) «Дни великих испытаний: дневники, 1941–1945» (2009), использованные Д. Граниным и А. Адамовичем при написании «Блокадной книги». Из 47 сотрудников Архива АН СССР 36 чел. погибло в годы Великой Отечественной войны и блокады Ленинграда (1941–1944).

В 1936 г. для обслуживания московских учреждений в связи с переводом АН СССР в Москву (1934) было создано Московское отделение Архива АН СССР, ставшее головным учреждением в 1963 г., в 1991 г. Ленинградское отделение было преобразовано в Санкт-Петербургский филиал Архива РАН.

Более чем полумиллионный фонд архива, из которых 267 056 дел являются особо ценными, включает материалы руководящих органов АН с момента основания до перевода АН СССР в Москву: Конференции (Общего собрания, 1724–1932), всех отделений, Канцелярии и Управления делами Конференции (1804–1928), канцелярий президента и вице-президента (1818–1886), Секретариата (1927–1939), Секретариата и Канцелярии Президиума (1939–1949), Комитета правления – Правления – Управления – Административно-хозяйственного управления (1803–1948), Секретной части (1922–1938); архив Российской академии (1783–1841), вошедшей в состав Императорской АН в виде Второго отделения – русского языка и словесности; документы департаментов и палат XVIII в., фонды академических учреждений, комитетов, ассоциаций и комиссий и созданных на их основе лабораторий и институтов, находившихся в Петербурге-Ленинграде, материалы неакадемических научных учреждений и обществ.

Документы личного происхождения представлены главным образом фондами ученых XVIII–XXI вв. К более ранним материалам относится архив немецкого астронома и математика Иоганна Кеплера (1571–1630), включающий и манускрипты его учителя – датского астронома Тихо де Браге (1546–1601), приобретенный для АН Екатериной II. Одно из ценнейших собраний и гордость архива – фонд ученого-энциклопедиста М.В. Ломоносова. Представлены также личные фонды изобретателя и механика И.П. Кулибина; математика Л. Эйлера (95% его рукописного наследия), ботаника Н.И. Вавилова; зоолога К.М. Бэра, почвовед В.В. Докучаева; географов П.П. Семёнова-Тян-Шанского, физиологов И.П. Павлова и Н.П. Бехтерева; химиков А.М. Бутлерова, А.Е. Чичибабина, физиков А.Ф. Иоффе, Ж.И. Алферова; мореплавателей И.Ф. Крузенштерна и Ф.П. Литке, президента АН великого князя Константина Константиновича (поэт К.Р.) и многих других (Тункина, 2022. С. 77).

Архивные коллекции (разряды) включают рукописи научных трудов, в том числе три манускрипта немецкого математика и астронома Региомонтана (1436–1476), подаренные императору Александру I и переданные в Императорскую АН, подлинники первых рукописных планов Санкт-Петербурга – план Леблота 1717 г., академический план 1753 г., металлические гравировальные доски XVIII–XIX вв. к изданиям АН, живописные портреты академиков и др., подлинные регламенты (уставы) и штаты Академии наук 1747 и 1803 гг. с автографами Елизаветы Петровны и Александра I. К уникальным документам графической коллекции относится собрание рисунков на бумаге и пергамене художницы Марии Сибиллы Мериан (1647–1717), приобретенное Петром Великим в 1717 г. в Амстердаме

и хранившееся в Кабинете царя. В архиве хранятся рукописи общегосударственного значения, важнейшие источники по истории России. Среди них – рукописный акварельный коронационный альбом Елизаветы Петровны с описанием церемонии коронации, проходившей 25 апреля 1742 г. в Москве, который принадлежал самой императрице, бронзовый позолоченный ларец (ковчег) «Хранилище законов» (1776), изготовленный для хранения подлинного автографа «Наказа» императрицы Екатерины II, данного Комиссии по составлению проекта нового Уложения (1767). На рукописи наказа повеление рукой императрицы – «Хранить в академии с прочими» (Фонды..., 2016. С. 21–24).

Миссия академических архивистов – сохранение, изучение и ввод в научный оборот богатейшего культурного и научного наследия, хранящегося в первом научном архиве России.

ЛИТЕРАТУРА

- Тункина И.В., 2016. Хранители академической памяти (XVIII – первая треть XX вв.): Очерки истории Санкт-Петербургского академического архива. СПб.: Нестор-история. 512 с. (Ad Fontes. Материалы и исследования по истории науки. Вып. 8).
- Тункина И.В., 2019. Академическое архивоведение: Актуальное прошлое (Санкт-Петербургский филиал Архива РАН: итоги 300-летней истории и перспективы развития в XXI веке) // Труды Отделения историко-филологических наук. 2018 / Отв. ред. В.А. Тишков; [сост. Н.В. Тарасова]. М.: РАН. С. 165–181.
- Тункина И.В., 2022. Хранилище времени // В мире науки. № 5-6. С. 72–77.
- Тункина И.В., 2024. Основные вехи истории академии наук в Санкт-Петербурге – Петрограде – Ленинграде (1724–1934) // Вестник Российской академии наук. 2024. Т. 94, № 5. С. 408–419.
- Фонды..., 2016. Фонды и коллекции Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук: Краткий справочник. Изд. 2-е, испр. и доп. / Отв. ред. И.В. Тункина, сост. И.В. Тункина и Н.В. Крапошина. СПб.: Коло. 304 с. (Ad Fontes. Материалы и исследования по истории науки. Вып. 6).

И.В. Тункина
(Санкт-Петербург)

СОБРАНИЕ ЭСТАМПАЖЕЙ РУССКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА В КОНСТАНТИНОПОЛЕ (К 130-ЛЕТИЮ РАИК)¹¹

Русский археологический институт в Константинополе (РАИК) – единственное отечественное научное учреждение, действовавшее за рубежами Российской империи на рубеже XIX–XX вв. Устав института, подчинявшегося Министерству народного просвещения и тесно взаимодействовавшего с Министерством иностранных дел, определял цель его деятельности следующим образом: «... направлять на месте научные занятия русских ученых древностями и историей Греции, Передней Азии и вообще земель, входивших в состав Византийской империи, преимущественно времен христианства...». Институт, основанный в 1894 г., был торжественно открыт 26 февраля 1895 г. и проводил систематические историко-филологические и археологические исследования на территории Османской империи с 1895 г. вплоть до вступления Турции в Первую мировую войну и разрыва дипломатических отношений с Россией (РАИК был закрыт 16 октября 1914 г.). Институт издавал «Известия» – вышло 16 объемистых томов, 17-й остался неопубликованным.

Во время археологических экспедиций и экскурсий по Балканскому полуострову, островам Архипелага, Малой Азии, Ливану, Иордании, Сирии, Палестине и Египту

¹¹ Исследование проведено при финансовой поддержке гранта РНФ № 24-18-00202.

сотрудники РАИК занимались изучением архитектурно-археологических остатков, памятников скульптуры, прикладного искусства, древних рукописей, а также найденных в ходе раскопок или открытых случайно античных и средневековых надписей, причем основное внимание уделяли именно византийским древностям. Как правило, сразу после открытия с надписей снимались бумажные или тряпичные эстампажи. Находки сотрудников и дары частных лиц поступали в Кабинет древностей РАИК, который вскоре вырос в полноценный музей с первоклассными памятниками.

В октябре 1914 г., после вступления Оттоманской Порты в Первую мировую войну, деятельность института оказалась прервана. В первые месяцы войны на родину успели эвакуировать не все имущество РАИК. Вывезенная в Одессу часть архива хранилась в помещении Историко-филологического общества при Новороссийском университете, а с 1920 г. бумаги и книги были переданы на особое хранение в Отдел редких книг Центральной научной библиотеки в Одессе, без акта и описи, где они оставались «в относительной целостности». В 1926 г. документы из Одессы были перевезены в Ленинград и переданы в Византийскую комиссию АН СССР, которую возглавлял бывший директор РАИК академик Ф.И. Успенский. Годами ученый добивался возвращения научных материалов РАИК в СССР, что удалось осуществить уже после его смерти, в 1929 г. в обмен на мусульманские рукописи, вывезенные им в ходе Трапезудской военно-археологической экспедиции (1916–1917). Библиотека, рукописи, документы, эстампажи, клише, фотографии, негативы и часть музейных предметов были приняты от турецкой стороны по счету, без описей. Таким образом, в СССР в 1930 г. вернулось далеко не все имущество РАИК.

Созданная в АН СССР комиссия распределила материалы РАИК по нескольким учреждениям – коллекция рукописей и книг поступила в Библиотеку Академии наук (БАН) и Историко-археологический институт АН СССР (в 1954 г. часть библиотеки из БАН была передана в Ленинградское отделение Института истории АН СССР), музейные экспонаты в составе 94 ящиков – в Государственный Эрмитаж. Документы архива РАИК оказались разделены между Архивом АН СССР (ныне СПбФ АРАН), Ленинградским отделением Центрального исторического архива (ныне РГИА) и Архивом революции и внешней политики России (ныне Архив внешней политики Российской империи МИД РФ). Бумажные эстампажи надписей из собрания РАИК оказались разрознены между Архивом АН СССР (эстампажи, поступившие из закрытой после смерти Ф.И. Успенского Византийской комиссии АН СССР) и Ленинградским институтом истории, философии и лингвистики (ЛИФЛИ). В 1931 г. эстампажи из ЛИФЛИ были переданы в ГАИМК и ныне хранятся в Рукописном отделе архива ИИМК РАН: Разряд II. Дела №№ 258–281).

В составе фонда РАИК в СПбФ АРАН отдельную опись составляет «Коллекция эстампажей Русского археологического института в Константинополе (1895–1914)» (Фонд 127. Оп. 3. 51 дело). После разгрома дореволюционной русской византистики эстампажи утратили свою паспортизацию и долгое время находились среди россыпи разряда IV СПбФ АРАН. В 2016 г. филолог-классик, эпиграфист Н.А. Павличенко провела первичную атрибуцию и установила происхождение этих документов, а также составила опись коллекции эстампажей фонда РАИК. Сюда входят эстампажи надписей на мраморных и известняковых стелах и колоннах на северозападносемитском, древне- и среднегреческом, латинском, древнеболгарском и др. языках, датирующиеся с середины IX в. до н.э. по 1573 г., а также надписей неизвестного происхождения из музея РАИК, эстампажи икон и элементов архитектурного декора из многих регионов Порты.

В рамках мегагранта Минобрнауки «История письма европейской цивилизации» (2020–2022) сотрудники СПбФ АРАН при участии сторонних специалистов – историков, эпиграфистов, искусствоведов (А.Ю. Виноградов, Н.А. Павличенко, Л.Е. Коган, А.К. Лявданский, А.С. Балахванцев, Ю.А. Пятницкий) провели научную атрибуцию эстампажей, по возможности определили контекст, места находки, дату

и опубликованность памятников. Собрание эстампажей РАИК неоднократно перемещалось из города в город (Стамбул–Одесса–Петроград/Ленинград) и зачастую хранилось без соблюдения температурно-влажностного режима, поэтому около 80% эстампажей требовали консервации и реставрации (20% находились в руинированном состоянии). Реставраторы ЛКРД впервые в мировой практике разработали методику реставрации эстампажей, провели микологический анализ, реставрацию, фотофиксацию до и после реставрации, 3d сканирование с целью создания базы данных эстампажей РАИК (<https://estampage.ranar.spb.ru>) (Тункина и др., 2020).

Фонд РАИК содержит ценнейшую коллекцию эстампажей, снятых с византийских и поствизантийских надписей на греческом языке. Следует отметить широкий географический охват эстампажирования надписей: Албания, Северная Македония, Болгария, Северная Греция, Восточная Фракия, Константинополь, Вифиния, Ливан, Сирия, Иордания, Палестина. Большинство надписей на сегодняшний день издано, некоторые были опубликованы еще до снятия эстампажей, но, как правило, с плохой графической фиксацией, поэтому собрание РАИК имеет важное значение и позволяет внести поправки в прочтение текстов. Некоторые эстампажи РАИК являются единственными сохранившимися факсимильными копиями эпиграфических объектов. Коллекция эстампажей является уникальной – она зафиксировала наилучшую степень сохранности надписей с территорий, на которых с начала XX и до сих пор велись и ведутся бесконечные войны, способствовавшие уничтожению ряда археологических и эпиграфических объектов. Так, террористы ИГИЛ за последние годы уничтожили огромное количество античных, христианских (доисламских) древностей Сирии, примером чему может являться античная Пальмира, поэтому эстампажи РАИК остаются факсимильными копиями памятников, часть которых безвозвратно утрачена. Некоторые эпиграфические памятники, как, например, Gerasa 45 (<https://inscriptions.packhum.org/text/304979>), до сих пор публиковались только с неточными рисунками или с воспроизведением условным эпиграфическим шрифтом. Но наибольшую ценность представляют эстампажи, снятые с надписей, оставшихся неопубликованными. В их числе надпись, видимо, на карнизе от кюта XI–XII вв. из Фессалоники (Северная Греция), надгробие из Дидимотихона 535 г., эпитафия 534 г. из Битола (древняя Гераклея Линкестис) в Северной Македонии эпохи Юстиниана I (Адаксин и др., 2022).

Главной научной сенсацией исследования стала атрибуция и первая публикация неизданной северозападносемитской (древнееврейской) надписи середины IX в. до н.э. Эстампаж был снят с надписи, выполненной в технике барельефа вдоль широкого плоского края полусферической или конической каменной чаши, или вдоль широкого горла сосуда с плечиками, украшенными вдавленными кольцами или овами. Надпись состоит примерно из 38 отличающихся архаизмом знаков одной из ранних форм северозападносемитского алфавитного письма, ориентированных справа налево, и является вторым известным науке примером такого рода. В надписи, вероятно, созданной в одном из царств Южного Ханаана, не используются словоразделители (*scriptio continua*). Некоторые элементы знаков можно отождествить с ранней формой ханаанейского языкового типа, то есть древнееврейским языком в начальной стадии его формирования. Жанровая определенность неизвестна, но предлагаемые интерпретации указывают на сакрально-мифологический характер текста, а не на утилитарный (Balakhvantsev et al, 2022). Подлинность эстампажа доказывает то, что многие из известных ныне параллелей вошли в научный обиход лишь в последние десятилетия: последний знак надписи стал известен науке только в 1961 г. по памятнику из цитадели Аммана (Балахванцев, 2023). Можно говорить о поистине революционном открытии в области северозападносемитской филологии.

Эстампажи РАИК – памятники историко-культурного наследия, имеющие мировое научное значение, которые необходимо изучать и вводить в научный оборот. Задача следующего этапа исследования – атрибуция эстампажей РАИК, хранящихся в РО НА ИИМК РАН.

ЛИТЕРАТУРА

- Адаксин, М.К., Балахванцев А.С., Бондарь Л.Д., Виноградов А.Ю., Коган Л.Е., Лявданский А.К., Павличенко Н.А., Поникаровская М.В., Тункина И.В., Чернова Н.В., 2022. Эстампажи Русского археологического института в Константинополе (1895–1914) в собрании Санкт-Петербургского филиала Архива РАН // История письма от Античности до Нового времени. Очерки по эпиграфике, палеографии и дипломатике / Отв. ред. А.В. Сиренов. М.; СПб.: Альянс-Архео. С. 101–126.
- Балахванцев А.С., 2023. Новая северозападносемитская надпись: addenda et corrigenda // Восток (Oriens). № 3. С. 260–262.
- Тункина И.В., Бондарь Л.Д., Поникаровская М.В., Павличенко Н.А., Чернова, Н.В., 2020. Эстампажи Русского археологического института в Константинополе (1895–1914) в собрании Санкт-Петербургского филиала Архива РАН: Научная реставрация, комплексное изучение, создание высокоточных цифровых 3D-моделей // Петербургский исторический журнал. № 4(28). С. 194–203.
- Balakhvantsev A.S., Kogan L.E., Lyavdansky A.K., Tunkina I.V., 2022: An Unpublished North West Semitic Inscription from the Collection of the Russian Archaeological Institute in Constantinople // Вестник древней истории [Journal of Ancient History], Т. 82. № 4. С. 911–940.

Н.Н. Чемодуров
(Симферополь)

**«МЫ ВСЕ БЫЛИ РАДЫ УВИДЕТЬ ВАШЕ ИМЯ В ЧИСЛЕ НОВЫХ
АКАДЕМИКОВ»»: И.И. МЕЩАНИНОВ И АРХЕОЛОГИ УССР в 1920–1930-е гг.**

Советское национальное строительство открыло существенные возможности для консолидации научных сил союзных республик. В относительно благополучной среде 1920-х гг. в РСФСР и УССР выросло представительное поколение археологов – основателей национальных исследовательских школ. Значительное число талантливых специалистов-античников сформировалось в полевой практике изучения Ольвии под руководством Б.В. Фармаковского. Раскопки этого памятника составляют яркие общие страницы современной истории украинской и российской археологии. При этом в летописи Ольвийской экспедиции межвоенного времени остается немало невыясненных моментов. Причина, во многом, состоит в рассредоточенности документальных источников. Нередко одностороннее освещение событий приводит к невозможности консенсуса между современными историками науки. В этом контексте, весьма любопытным и информативным источником представляется эпистолярное наследие И. И. Мещанинова, состоявшего в интересующий нас период, в переписке с многими археологами в УССР.

Фигура И.И. Мещанинова по справедливому мнению биографов остается не до конца осмысленной (Красухин, 2003; Виноградов, 2021). Недостаточно востребован и привлечен в новейших исследованиях по истории науки личный фонд ученого, насчитывающий не менее 700 единиц хранения (СПбФ АРАН. Ф. 969). Личность и научный вклад И. И. Мещанинова в дело изучения античной Ольвии в настоящее время признается незначительным (Виноградов, 2021. С. 68). Украинские авторы не уделили пока деятельности И. И. Мещанинова большого внимания, в работах имя ученого лишь sporadически встречается (Каряка, 2018; Яненко, 2018). Судя по выявленным источникам, совсем по-иному виделась роль И.И. Мещанинова его современникам. Его избрание в руководство Ольвийской экспедиции едва ли было случайным. Ученик, а после 1920 г. и коллега Б.В. Фармаковского, принимал участие в исследованиях античного городища Ольвии с 1925 г. В его обязанности входило руководство исследованиями на раскопах «З» и «И», выполнение дневниковой и чертежной фиксации. В среде коллег И. И. Мещанинов, безусловно, воспринимался как авторитетный специалист в области эпиграфики, филологии

и искусства древнего мира. Влиятельный статус И. И. Мещанинов получил вместе с утверждением в звании действительного члена АН СССР в 1932 г. Не удивительно поэтому признание его ученого авторитета в среде украинских археологов 1920–1930-х гг.

Среди специалистов УССР, поддерживавших ученую коммуникацию с И.И. Мещаниновым, в настоящее время можно назвать имена Н.Е. Макаренко, М.Ф. Болтенко, Т.Ф. Каминского, С.С. Дложевского, Г.П. Крысина, Ф.А. Козубовского, В.И. Селинова. Судьбы большинства из них, к сожалению, сложились трагично. Все перечисленные исследователи в разные годы сполна прочувствовали тяготы политических преследований. Некоторые безвременно окончили свой жизненный путь (Н.Е. Макаренко, Ф.А. Козубовский, В.И. Селинов). В связи с этим, многие подробности биографий украинских исследователей на долгие годы оказались преданы забвению. Восстановить некоторые из них, в частности, помогают сохранившиеся автографы писем к И.И. Мещанинову.

Основная тема переписки – организация и результаты исследований в Ольвии. В 1928 г., когда участие Б.В. Фармаковского в качестве руководителя раскопок до последнего оставалось невыясненным, переживаниями на этот счет с И.И. Мещаниновым делился М. Ф. Болтенко. Выражая надежду на скорое и окончательное выздоровление Б.В. Фармаковского, он также отметил отсутствие опасений «выхватывания из опытных рук Б.В.» Ольвии со стороны представителей Укрглавнауки и исследовательских центров в Киеве и Одессе (СПбФ АРАН. Ф. 969. Оп. 1. Д. 311. Л. 1). В другом письме М.Ф. Болтенко сообщает корреспонденту подробности музейной повседневности Одессы весны – начала лета 1928 г., то есть накануне нового сезона раскопок в Ольвии. Описаны обстоятельства ареста директора Одесского музея С.С. Дложевского, исполнявшего в работе Ольвийской экспедиции функции фактического руководителя в 1927–1928 гг. Немало внимания в письме уделено вреду псевдонаучных публикаций С.А. Семёнова-Зуссера об Ольвии (Там же. Л. 3–4).

Любопытным источником истории исследования Ольвии в период существования Ученого совета следует считать письмо Г.П. Крысина от 25 сентября 1930 г. К посланию приложена выписка из протокола заседания Ученого совета. В строках письма раскрыты некоторые детали прошедшей в 1930 г. чистки в среде руководства Херсонского музея, в частности, речь идет об оставлении Г.П. Крысиным работы в руководстве Ольвийской экспедицией. Дополнительные обстоятельства приготовлений раскопок 1930 г. в Ольвии освещены в нескольких письмах еще одного ленинградского участника экспедиции П.Н. Шульца. Из этих документов выясняется, что И.И. Мещанинов казался современникам весьма важным звеном в структуре экспедиции. О необходимости отпуска ученого в Ольвию П.Н. Шульц писал Ф.В. Кипарисову, а о поддержке этого обращения – к Г.П. Крысину и С.С. Дложевскому. Важность участия И.И. Мещанинова обосновывалась не только богатым опытом и знаниями ученого, но также и в связи с возможным ослаблением позиций ГАИМК в руководстве Ольвийской экспедицией.

В обращении П.Н. Шульца примечателен тезис о необходимости «завершить опыт углубления и уточнения методологии и методики полевых исследований, закрепив их зимой в печатной инструкции» (РО НА ИАК РАН. Ф. Л-9. Оп. 4. Д. 19А. Л. 2). В литературе отмечалось участие И.И. Мещанинова в работе Раскопочно-методической комиссии и руководство Кафедрой методики и техники полевых исследований ГАИМК (Виноградов, 2021. С. 83). Среди результатов этой стороны деятельности ученого упоминается одна небольшая статья (Мещанинов, 1931). В то время как именно с методологическими разработками связана, по-видимому, наиболее важная страница участия И.И. Мещанинова в исследованиях Ольвии. Под его руководством, при участии П.Н. Шульца, А.Н. Карасёва, Л.М. Славина, Г.П. Крысина и других сотрудников Ольвийской экспедиции, в 1930 г. составлен, а впоследствии дополнялся «Проект инструкции по производству полевых археологических работ (применительно к раскопкам Ольвии)». Полный текст этого документа сохранился в виде автографа (СПбФ АРАН. Ф. 969. Оп. 1. Д. 121). Инструкции на 313 листах

являются подробной методической разработкой, включающей главы: 1) об обязанностях руководителя и участников экспедиции; 2) общие правила ведения археологических работ; 3) общие правила организации работ; 4) правила проведения разведок; 5) раскопки в городе; 5) раскопки на некрополе; 6) правила фотографирования; 7) регистрация и хранение находок; 8) правила ведения архитектурного дневника. Необходимо признать, что «Проект инструкций...» являлся одной из первых подобных разработок в советской археологии, наряду с известным Положением 1932 г. (Положение..., 1932). К сожалению, завершение работы над «Проектом...» И.И. Мещанинова и его публикация не состоялись.

Обширный круг вопросов в переписке археологов УССР с И. И. Мещаниновым ограничивался ольвийской тематикой. Так, Ф.А. Козубовский, представляя группу археологов Одессы, 5 апреля 1932 г. приветствовал И. И. Мещанинова с избранием в действительные члены АН СССР: «Мы все были рады увидеть Ваше имя в числе новых академиков». Одесский археолог также просил консультации в вопросе о социально-экономических формациях в доклассовом обществе (СПбФ АРАН. Ф. 969. Оп. 1. Д. 394. Л. 1–1 об.). В объемном письме Ф. Т. Каминского от 8 декабря 1935 г. изложены итоги его полевых исследований в зоне работы Днепростроя, а также опыт изучения и классификации каменных баб, найденных на памятниках Северного Причерноморья (Там же. Д. 381. Л. 1–4). Учитывая, что результаты упомянутых изысканий их автором не были опубликованы, сведения письма приобретают высокую ценность. Любопытны контексты обнаружения отдельных находок. М.Ф. Болтенко делился с И.И. Мещаниновым промежуточными результатами своих открытий на о. Березань, а также предположением о связи традиций керамического производства населения Богаз-Кёйского и Усатовского поселений (Там же. Д. 311. Л. 1–3). В.И. Селинов 29 ноября 1937 г. сообщал И.И. Мещанинову любопытные подробности обнаружения известной плиты с изображениями из кромлеха кургана №3 Усатовского курганного могильника. К письму приложено фото и подробное описание находки (Там же. Д. 511. Л. 1–2).

Знакомство с материалами межличностной коммуникации позволяет дополнить представления о фигуре академика И.И. Мещанинова, в том числе о нем как связующем звене АН СССР с археологами в УССР в 1920–1930 гг. Не следует забывать о том, что имя ученого для современников было неразрывно связано с Н.Я. Марром и доминировавшей в советской науке о прошлом яфетической теорией. Думается, во многом по этой причине, а не только в связи с опытом участия в археологических кампаниях в Ольвии, на мнение И.И. Мещанинова ориентировались многие украинские археологи того времени.

ЛИТЕРАТУРА

- Виноградов Ю.А.*, 2021. И. И. Мещанинов как археолог // Новый Гермес. № 13–2. С. 62–97.
- Каряка О.В.* 2018. Ольвія Понтійська як античне місто: історія дослідження внутрішньої структури та планування (кінець XVIII – перша третина XX ст.): Дис. ... канд. іст. наук: 07.00.06. Херсон: Херсонський державний університет. 312 с.
- Красухин К.Г.* 2003. Иван Иванович Мещанинов // Отечественные лингвисты XX века: Сб. ст. / Центр гуманитар. научн.-информ. исслед. Отд. языкознания; Редколл.: Березин Ф.М. (отв. ред.). М.: ИНИОН РАН, 2003. С. 4–16.
- Мещанинов И.И.* Недостатки современных методов раскопок // Сообщения ГАИМК. 1931. Вып. 4/5. С. 4–6.
- Положение..., 1932. Положение о производстве археологических обследований и раскопок // Сообщения ГАИМК. № 1–2. С. 74–75.
- Яненко А.С.* Історія музейної археології УСРР (1919–1934): монографія. Київ: Національний Києво-Печерський історико-культурний заповідник, 2016. 368 с.

В.Я. Шумкин
(Санкт-Петербург)

РОЛЬ АКАДЕМИИ НАУК В РАЗВИТИИ ГУМАНИТАРНЫХ ЗНАНИЙ НА КОЛЬСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ¹²

Интерес к прошлому, как местному, так и всего человечества является одним из показателей зрелости цивилизации. Русская Лапландия, находясь рядом, по российским меркам, от Архангельска и обеих столиц, но располагаясь полностью за Полярным кругом, долго считался глухой окраиной, поэтому мало обращали внимания на лопарей (правильнее, саамы, саами). Удивлялись своеобразию их духовной и материальной культуры, образу жизни, зачастую строя фантастические истории «возникновения» этой народности, но представить, что «земля мрака и холода», как обычно называли этот край, может иметь свою древнюю историю, никто не мог.

С учреждения Петром Великим в Санкт-Петербурге Академического университета (1724) задумались о гуманитарном изучении быта и культуры населения обширных территорий Российского государства. Не был забыт и Мурманский край, куда уже спустя 3 года направили профессора Людовика Делиля де ла Круайера для описания хозяйства и быта местного населения. Его рукописный «Дневник путешествий по Московии в 1727–1729 годах», до сих пор не опубликован (в 1745 была издана только карта Российской Лапландии). В середине 1760-х гг. научную базу для подобных исследований того времени подвел М.В. Ломоносов, разработав новую программу и учебник по физической географии. Этот предмет он читал в Академическом, а затем и в Московском университетах. Уже по этой программе последовали академические экспедиции (1771–1772) И.И. Лепёхина и его ученика (1773) Н.Я. Озерецковского.

В 1845 году была, при активном участии крупнейших отечественных ученых разных специальностей организована первая в России и одна из старейших в мире общественная организация «Русское географическое общество». Его основная задача определена одним из учредителей П.С. Семёновым Тянь-Шанским «... привлечь к изучению родной земли и людей ее обитающих все лучшие силы русской земли».

В конце XIX века выходит грандиозный труд одного из основателей отечественной этнографии, последователя эволюционной школы Н.Н. Харузина «Русские лопари» (1890), в котором он обобщил сведения по этому населению Европейской Арктики, попытавшись применить метод комплексного изучения материала. Этот талантливый исследователь, помимо издания данной монографии и еще ряда трудов по традиционной культуре саамов и других северных аборигенов, прожив очень короткую жизнь (1865–1900), успел в последние отпущенные ему годы прочесть курс лекций по этнографии в Московском университете.

Уже после революции дело изучения традиционной и современной культуры саамов продолжил этнограф выпускник (1925) Петроградского географического института В.В. Чарнолуский. В первой половине 30-х годов им было опубликовано много интересных научных и художественных работ посвященных жизни саамов. Особенно следует отметить работу «Материалы по быту лопарей» (1930) представляющую собой уникальный профессиональный труд полевого этнографа, содержащий массу интересных, неизвестных до того времени сведений о хозяйстве, культуре и быте саамов восточной части Кольского полуострова. Большой интерес представляют его материалы о способах распознавания путей и ориентировки саамов в тундре. Зная язык народа, Владимир Владимирович проделал огромную работу и по записи фольклора саамов. Эти исследования были трагически прерваны в 1938 г., когда он был необоснованно арестован,

¹² Исследование проведено в рамках выполнения ФНИ ГАН «Север Евразии в каменном веке: проблемы расселения человека, культурной адаптации и технологического развития» (FMZF-2025-0007)

обвинен в связях с представителями саамов «желающих создания собственного государства и присоединения его к Финляндии» и осужден по 58-й статье. Освободившись в 1945 г., он так и не смог результативно вернуться к научной работе, хотя и делал определенные попытки. Занимался, выйдя на пенсию, обработкой своих старых полевых заметок, написал несколько научно-популярных книг, в которых, к сожалению, уже не было былой конкретики, встречаются неточности и вымысел. Несмотря на это, он был и останется первым этнографом, который работал у саамов Кольского полуострова после Октябрьской революции. Конечно, вклад В.В. Чарнолуского в отечественную этнографию и фольклористику был бы гораздо более весомым, но его исследования были так трагически прерваны и годы, проведенные в заключении, не были отданы любимой науке.

Научную эстафету на поприще саамской этнографии достойно приняла выпускница (1955) МГУ, сотрудник Института этнографии АН СССР Т.В. Лукьянченко. Среди ее многочисленных публикаций наибольший научный интерес представляет монография «Материальная культура саамов (лопарей) Кольского полуострова в конце XIX – XX вв.» (1971). По этой же теме следует отметить небольшую работу выпускницы (1947) этнографического отделения ЛГУ, сотрудника сектора Сибири ЛОИЭ АН СССР Л.В. Хомич «Саамы. Серия: “Народы Севера и Дальнего Востока”» (1999). Без сомнения, русская и ранняя советская этнография была широкой научной дисциплиной, включавшей географию, археологию, физическую антропологию и лингвистику. Эти книги были написаны отличными специалистами в парадигме «советской этнографической школы» и отражали все её достоинства и недостатки. Данные уже крепнущей Кольской археологии они использовали выборочно и эпизодически.

В настоящее время ведущими российскими специалистами, активно занимающимися этнографией саамов Русской Лапландии следует признать профессора кафедры культурной антропологии и этнической социологии СПбГУ М.С. Куропятник, специализирующегося на изучение материалов писцовых книг и генеалогией саамских родов, выпускника (1995) МГПУ им. В.И. Ленина сотрудника Института этнологии и антропологии РАН М.Г. Кучинского и выпускницу (2003) ПГУ, работающую в КНЦ РАН О.А. Бодрову.

Основоположником научного подхода к доисторическому прошлому России стал академик Петербургской академии наук Карл Максимович (Карл-Эрнст фон) Бэр. Его предложение археолого-этнографического исследования России (*Бэр*, 1849) можно назвать эколого-культурным. Наряду с этим, его перу принадлежит ряд статей по первобытной истории, в том числе и о каменных лабиринтах на Русском Севере, которые пробудили научный интерес к древностям каменного века в России. Первые робкие попытки заняться археологическим изучением Кольского полуострова были предприняты, начиная в 1866 г. основанным при Московском университете Императорским обществом любителей естествознания, антропологии и этнографии. Правда, это были преимущественно поездки, в том числе и в Лапландию, спорадически продолжавшиеся более 10 лет, в основном, с целью сбора материала для выставок. Но при этом иногда попутно отмечалось и наличие на этой территории отдельных археологических памятников. Важным событием в археологии начала XX века стала обобщающая статья А.А. Спицына о северных лабиринтах (*Спицын*, 1904), в которой наряду с местными каменными выкладками рассматривались и подобные памятники гораздо лучше археологически изученных регионов – Норвегии, Швеции и Финляндии. Из других событий первой четверти прошлого века можно упомянуть лишь получение в 1922 г. от жителей села Кузомень Терского берега студентом Ленинградского географического института М.В. Померанцевым большое количество археологических находок, включавших каменные орудия, кости животных, а также бронзовые и железные изделия.

Основоположником отечественной профессиональной археологии на Кольском полуострове заслуженно считается выпускник (1916) Петроградского университета, сотрудник Государственной академии истории материальной культуры А.В. Шмидт,

раскопавший в 1928 г. знаменитый могильник (*Шмидт*, 1930) на острове в Кольском заливе Баренцева моря, до сих пор остающийся единственным в арктической Евразии репрезентативным могильным комплексом эпохи бронзы. Блестящий ученый не только профессионально исследовал памятник, но и всеобъемлюще и быстро опубликовал все его материалы, снабдив заключениями специалистов по антропологии, палеозоологии и палеоботанике, что не часто встречалось в то время. Возглавляемая им Кольская экспедиция с тех пор уже почти 100 лет не меняет своего названия при многочисленных последующих руководителях четырех поколений Ленинградско-Петербургской археологической школы, которые чтят заслуги этого специалиста, сожалея, что репрессивные меры в связи с так называемым «Академическим делом» сократили его жизненный путь до неполных 41 года и не позволили в полной мере проявить свой научный талант.

Последующий предвоенный период археологических исследований представлен двумя геологами, получивших и солидное археологическое образование. Один из учредителей и академик (1928) Белорусской академии наук. Г.И. Горецкий открыл, попутно с выполнением геологических работ в 30 гг., ряд памятников каменного века на западе Кольского полуострова и в районе Кандалакши. Также он отмечал многочисленные «древние ловчие ямы саамов» в долине р. Колы. Выпускник (1926) ЛГУ, ученик А.Е. Ферсмана и А.А. Спицина, ученый секретарь Советской секции Международной Ассоциации по изучению четвертичного периода Европы Б.Ф. Земляков совместно с выпускником ЛГУ (1930), доцентом кафедры археологии исторического факультета ЛГУ (1934–1946) П.Н. Третьяковым открыли и обследовали памятники арктического палеолита (ныне мезолит) на полуострове Рыбачий.

С 1946, с перерывами, а с 1969 по 1985 г. Кольский полуостров активно изучала КолАЭ ЛОИА АН СССР под руководством выпускницы (1934) МГУ Н.Н. Гуриной (при активном участии Л.Я. Крижевской, В.Я. Шумкина, Л.Г. Шаяхметовой). Были обследованы многие (в основном прибрежные) районы региона, открыто и частично раскопано около 400 археологических памятников каменного века и эпохи бронзы. На более поздние древности, в том числе и саамские, в это время обращалось мало внимания. Это упущение, наряду с остальными мы стараемся исправить в настоящее время.

С 1985 г. по настоящее время Кольскую археологическую экспедицию возглавляет (при самом активном участии Е.М. Колпакова и А.И. Мурашкина) выпускник (1973) ЛГУ, сотрудник ИИМК РАН В.Я. Шумкин. За эти 30 лет, продолжая начатое предшественниками, коллектив несколько сместил направление исследований, выразившееся в более углубленном изучении открытых нами наскальных изображений (*Колпаков, Шумкин*, 2012; *Колпаков, Шумкин, Мурашкин*, 2018), Кольского Оленеостровского могильника (*Шумкин*, 2015), жилищных комплексов на поселениях разных эпох, объектов саамской культуры. Восстановили прерванные Н.Н. Гуриной, а ранее практикуемые А.В. Шмидтом и Б.Ф. Земляковым, активные контакты со скандинавскими коллегами, которые стали разнообразнее и взаимовыгоднее. Так, начиная с 1992 г., благодаря сотрудничеству с норвежскими и финскими археологами, одной из главных задач стало изучение остатков древних жилищ. К настоящему времени в базе данных КолАЭ содержится информация о более восьми сотнях таких поселений, на которых зафиксировано около 1500 остатков жилищ, датированных от мезолита до средневековья из которых удалось раскопать пока менее 30.

Антропологическое изучение древнего населения по сути дела было инициировано работами А.В. Шмидта (исследование С.Д. Синицына). Потом после продолжения раскопок могильника уже в 40-е годы Н.Н. Гуриной изучение антропологического материала занялся выпускник (1937 г.) МГУ, сотрудник Института этнографии АН СССР в Ленинграде В.П. Якимов. Если первый на основании очень ограниченного имеющегося тогда материала склонялся к мнению о близости кольских оленеостровцев к современному саамскому населению, то второй на основании полученных уже более обильных данных, полностью отвергая такую вероятность, выдвинул две гипотезы: «смешения

европеоидных и монголоидных элементов происходившего в зоне их контакта, или особый протомонголоидный вариант одной из ветвей азиатского расового ствола». В последующем крупные антропологи Г.Ф. Дебец, В.В. Бунак, придерживались, правда в модифицированных вариантах, гипотез В.П. Якимова, а у В.П. Алексеева эта антропологическая общность получила название «уральский тип или уральская малая раса». После наших тщательных раскопок могильника в 2000–2004 годах, практически удвоивших палеоантропологический материал (*Шумкин, 2015*), антрополог, выпускник (1974) ЛГУ, заведующий отделом антропологии МАЭ РАН, принимавший самое активное участие уже в наших раскопках могильника, обработал материалы всех годов раскопок и сделал заключение на основании интегрированных данных краниологии, дентологии и палеогенетики. У оленеостровцев присутствует как минимум два компонента, ни один из которых не проявляет сходства ни с верхнепалеолитическими и мезолитическими популяциями Западной Европы, ни с современными саамами. Один из них – западносибирский – находит ближайшие аналогии в населении юга западной Сибири, начиная с эпохи неолита и до современных угрозичных народов (уральская раса). Аналогии второму компоненту присутствуют у древнего населения Северо-Восточной Сибири в погребениях ымыяхтахской культуры.

Основным исследователем в области саамского языка следует признать ученика Д.В. Бубриха, выпускника (1950) ЛГУ, сотрудника ИЯЛИ КарНЦ РАН (Петрозаводск) Г.М. Керта. Он является также основоположником и организатором лингвистической науки. А выпускница ЛГУ, сотрудник КФАН РАН (Апатиты) Е.Я. Пация стала главным специалистом по саамскому фольклору, совмещая эту деятельность с краеведением

Как видим все главные специалисты в области гуманитарных наук по изучению населения Кольского полуострова на разных срезах исторического развития выпускники трех университетов страны – Ленинградского, Московского и Петрозаводского, после завершения учебы в которых были сотрудниками различных подразделений РАН. Успешным исследованиям в этих областях знания всегда способствовали контакты, а иногда благодаря им и становились только возможны в условиях Арктики, с представителями администрации, музейными работниками, краеведами, армейскими, флотскими и пограничными властями, местным населением. Уверен, что научные работники это всегда осознавали, ценили и отвечали им искренним уважением и делились своими знаниями.

ЛИТЕРАТУРА

- Бэр К.М.*, 1846. Об этнографических исследованиях вообще и в России в особенности // ИРГО, Спб.
- Гурина Н.Н.*, 1997. История культуры древнего населения Кольского полуострова. СПб: Центр «Петербургское Востоковедение». СПб. 233 с.
- Спицын А.А.*, 1904. Северные лабиринты // Известия Императорской археологической комиссии. Вып. 6. СПб.: Типография Главного управления уделов. СПб. С. 101–112.
- Колпаков Е.М., Шумкин В.Я.*, 2012. Петроглифы Канозера. Rock carvings of Kanozero. Искусство России. СПб. 424 с.
- Колпаков Е.М., Шумкин В.Я., Мурашкин А.И.*, 2018. Петроглифы Чальмн-Варрэ. Calmn Varre petroglyphs. СПб. 160 с.
- Шмидт А.В.*, 1930. Древний могильник на Кольском заливе // Кольский сборник. Труды антрополого-этнографического отряда Кольской экспедиции. Вып. 23. Л. С. 119–169.
- Шумкин В.Я.*, 2015. Кольский Оленеостровский могильник эпохи раннего металла в Мурманской области // Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего Средневековья лесной зоны Восточной Европы. Вып. IV. Иваново. С. 177–188.

С.С. Юрецкий
(Минск)

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА В ИНСТИТУТЕ ИСТОРИИ АН БССР В ГОДЫ ПЕРВОЙ ПОСЛЕВОЕННОЙ ПЯТИЛЕТКИ

На протяжении 1944–1945 гг. в АН БССР были проведены мероприятия, которые позволили восстановить организационную структуру и проведение работ по археологии. Настоящая публикация посвящена исследованиям в области археологии, которые проводились в Институте истории АН БССР в годы первой послевоенной пятилетки (1946–1950 гг.). Результаты изучения проблемы представлены следующими блоками: организационные и кадровые вопросы, исследовательские темы и итоги экспедиционной деятельности.

Одной из основных организационных проблем первых послевоенных лет в работе сектора археологии Института истории АН БССР являлось отсутствие необходимых служебных помещений в разрушенном войной г. Минске. Только в самом начале 1948 г. институт переехал в восстановленное здание Академии наук (сейчас административное здание Президиума НАН Беларуси). Сектор археологии получил отдельное помещение, при этом для хранения археологических коллекций использовались площади гаража АН БССР, отдельные комнаты, а с 1950 г. цокольный этаж административного здания Академии наук. Вопрос с определением места постоянного хранения находок и работы с ними стал наиболее острым в 1948 г., когда из Германии были возвращены вывезенные нацистами в период оккупации археологические коллекции из довоенных исследований. Нехватка пригодных для работы помещений усугублялась практически полным отсутствием необходимого для археологов оборудования.

Однако наиболее важным являлся кадровый вопрос. Первый послевоенный 1946 г. сектор археологии Института истории АН БССР представлял собой следующий коллектив: К.М. Поликарпович (заведующий), сотрудники В.Р. Тарасенко, В.И. Голубович, Е.А. Цегак-Голубович. Два последних упомянутых специалиста были репатриированы в Польшу уже в апреле 1946 г. Для дальнейшего функционирования сектора привлекались представители как смежных дисциплин (И.М. Хозеров, исследователь архитектуры, сотрудник сектора в 1946–1947 гг.), так принимались на работу и новые сотрудники: Л.А. Михайловский (с 1947 по 1949 г.), В.П. Левенок (работал с февраля по ноябрь 1948 г.), лаборанты Е.Г. Галанова и Р.В. Шматова (с 1948 г.). В 1950 г. на работу был принят А.Г. Митрофанов. Следует отметить, что в 1946–1949 гг. подготовка кадров высшей научной квалификации в секторе через аспирантуру не велась. Только в 1950 г. в аспирантуру по археологии в Институт истории АН БССР был принят первый обучающийся. Им стал известный в последующем археолог Л.В. Алексеев, окончивший в 1949 г. МГУ. Примечательно, что научным руководителем аспиранта были определен московский археолог Б.А. Рыбаков (НА ЮКМ, Д. 35, Л. 2–4).

Сотрудники сектора в данный период готовили написание диссертации без формального поступления в аспирантуру. Так, в 1947 г. В.Р. Тарасенко в ИИМК АН СССР (г. Москва) успешно защитил кандидатскую диссертацию по теме: «К истории верхнего Поднепровья и Белоруссии в I тыс. н.э.» (ЦНБ НАНБ, Ф. 40, Оп. 1, Д. 7, Л. 1–8). Подготовка к сдаче кандидатских минимумов велась Е.Г. Галановой и А.Г. Митрофановым. Последним с приходом в сектор археологии была начата активная работа по сбору материалов к планируемой в будущем кандидатской диссертации на тему: «Поселения центральной Белоруссии в I тыс. н.э.» (НА ЮКМ, Д. 35, Л. 6). С учетом вышеизложенного можно сделать вывод, что подготовка диссертаций осуществлялась сотрудниками без отрыва от основной деятельности. При этом важно подчеркнуть роль ИИМК АН СССР, специалисты которого выступали также в качестве рецензентов

при подготовке научных работ местными исследователями (ЦНБ НАНБ, Ф. 40, Оп. 1, Д. 110, Л. 1–5; Д. 111, Л. 1–5).

Имеющийся кадровый состав обусловил во многом и исследовательскую тематику, которая разрабатывалась в секторе. Первоначально на период 1946–1950 гг. сотрудниками было запланировано 5 крупных научных проблем: «Палеолит верхнего Поднепровья», «Неолит и бронза БССР», «Железный век БССР», «Раннефеодальная эпоха в БССР», а также подготовка справочных изданий. К 1949 г. в результате оптимизации планирования на исполнении в секторе находилось 2 проблемы: «Раннеродовое общество верхнего Поднепровья в эпоху верхнего палеолита» (исполнитель К.М. Поликарпович) и «Раннефеодальная эпоха в Белоруссии по археологическим данным» (исполнитель В.Р. Тарасенко) (НА ЮКМ, Д. 35, с. 7–8).

С учетом плановой тематики проводились и экспедиционные работы. Среди важнейших полевых исследований необходимо назвать работы К.М. Поликарповича, который продолжил изучение первобытных памятников Верхнего Поднепровья на территории РСФСР. Так в 1946 и 1948 гг. им были проведены раскопки стоянки эпохи верхнего палеолита в Елисеевичах. В 1947 г. осуществлялись работы в Юдиново и Курово. Во время раскопок стоянки верхнего палеолита в Юдиново были выявлены следы жилищ из костей мамонта. В Курово К.М. Поликарповичу удалось зафиксировать бесспорные материалы эпохи верхнего палеолита (*Поликарпович*, 1957, С. 8–10, 12; *Чубур*, 2009, С. 92–93, 97).

Значительными явились также раскопки, которые провел В.Р. Тарасенко на территории минского Замчища. 1946 г. стал первым годом систематических раскопок данного памятника. До этого в 1945 г. здесь были проведены разведочные работы. Среди важнейших результатов изучения минского Замчища в 1946–1950 гг. стоит назвать фиксацию культурного пласта древнерусского времени (начиная с XI, согласно определению В.Р. Тарасенко), фундамента храма XII в., настилов и мостовых XII–XVI вв., а также артефактов, которые относятся к материальной городской культуре широкого диапазона вплоть до XX вв. (*Тарасенко*, 1957, С. 206–207, 213).

Необходимо отметить и активную полевую деятельность А.Г. Митрофанова, который только за 1950 г. исследовал путем раскопок городища Лабенщина, Новоселки и Кимия, что позволило ему выявить характерную для I тыс. н.э. материальную культуру, связанную, главным образом, со штрихованной керамикой (ЦНА НАНБ, ФАНД, Д. 12; НА ЮКМ, Д. 35, Л. 22).

Таким образом, в первое послевоенное десятилетие основными проблемами в деятельности сектора археологии Института истории АН БССР являлась нехватка сотрудников, а также общая слабость материальной базы, что объясняется трудностями послевоенных лет в республике. Подготовка диссертационных работ осуществлялась преимущественно без отрыва от основной деятельности. Несмотря на указанные проблемы, археологами сектора был проведен ряд результативных экспедиционных работ, в т.ч. и на смежной территории РСФСР.

ЛИТЕРАТУРА

- Поликарпович К.М.*, 1957. Археологические исследования в БССР в 1945–1953 гг. // Материалы по археологии БССР. Том I / ред. Е.И. Корнейчик и др. Минск: Изд-во Акад. наук БССР. С. 5–29.
- Тарасенко В.Р.*, 1957. Древний Минск (по письменным источникам и данным археологических раскопок 1945–1951 гг.) // Материалы по археологии БССР. Том I / ред. Е.И. Корнейчик и др. Минск: Изд-во Акад. наук БССР. С. 182–257.
- Чубур А.А.*, 2009. Константин Михайлович Поликарпович: жизнь, открытия, ученики. Минск: Белорусская наука. 216 с.

В.Ю. Юрочкин
(Симферополь)

СОЗДАНИЕ КРЫМСКОЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ БАЗЫ И АРХЕОЛОГИЯ ПОСЛЕВОЕННОЙ ЭПОХИ

После окончания Великой Отечественной войны в СССР развернулось восстановление народного хозяйства, культуры и науки, в том числе на территориях, подвергшихся оккупации. Снова функционировали АН Украины, Белоруссии и Литвы, были созданы АН ряда союзных республик. Хотя Крымская АССР, как административная единица, была упразднена, насущные задачи народнохозяйственного, а отчасти и политического характера диктовали необходимость создания здесь особого научного центра.

Вузы Крыма ориентировались, преимущественно, на подготовку практиков: учителей, аграриев, врачей. Существующие филиалы, отделы и станции центральных НИИ не могли удовлетворить возрастающих потребностей в фундаментальных научных исследованиях.

Символично, что толчком к развитию академической науки в Крыму послужила деятельность археологов под руководством П.Н. Шульца, обладавшего безусловным талантом организатора и личной харизмой. Яркие открытия, сделанные возглавляемой им Тавро-Скифской экспедицией на Неаполе Скифском и других памятниках Крыма, ряд успешно проведенных сессий по истории Крыма, публикации в местных печатных органах привлекли внимание общественности и руководства Крымской области (Чемодуров, 2020).

После переселения крымских татар и пополнения жителей полуострова за счет выходцев из разоренных войной областей страны возникла потребность нового осмысления роли Крыма в истории, культуре и политике.

Идея создания академической базы возникла еще в первый год работы Тавро-Скифской экспедиции. По инициативе секретаря Крымского обкома ВКП(б) П.А. Чурсина и директора Центрального Краеведческого музея Крыма П.А. Олейникова, поддержанной П.Н. Шульцем, было решено ходатайствовать перед Совнаркомом РСФСР о создании на базе Неаполя Скифского Государственного археологического заповедника в статусе Крымской археологической станции АН СССР. Параллельно в 1945 г. происходило формирование Крымского филиала Всесоюзного географического общества при АН СССР, в котором П.Н. Шульц также принял активное участие (НА ИАКр. РАН. Ф. Р-2. Оп. 2. Д. 12. Л. 1–7).

Учитывая многочисленные памятники крымско-татарского периода, по решению Президиума АН СССР при ИИМК была сформирована Крымская комиссия под руководством историка-востоковеда члена-корреспондента АН СССР А.Ю. Якубовского, которая планировала созвать в ноябре 1946 г. пленум в Крыму. Е.Ч. Скржинской, как ученому секретарю комиссии, поручалось наладить контакты с местными органами власти и научными учреждениями полуострова (НА ИАКр. РАН. Ф. Р-2. Оп. 2. Д. 12. Л. 22–25).

В начале января 1947 г. Председатель Крымского облисполкома Д.А. Кривошеин и секретарь Крымского облисполкома Н.В. Соловьёв направили письмо, адресованное начальнику Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г.Ф. Александрову и Президенту АН СССР С.И. Вавилову с просьбой организации в Симферополе Крымской базы Академии наук СССР. В нем отмечалось, что здесь «сосредоточено исключительное, нигде более неповторимое, богатство объектов естественно-исторического и историко-археологического характера, имеющих крупное народно-хозяйственное и культурно-политическое значение». Обращалось внимание на залежи полезных ископаемых, на необходимость борьбы с оползнями, перспективы исследования геоморфологических особенностей, вопросы предсказания землетрясений, изучения растительных

богатств и животного мира. Особо подчеркивалось, что «в Крыму можно проследить на богатейшем историко-археологическом материале смену культур, почти без перерывов, от древнейших этапов существования человека до наших дней». При этом отмечалось, что «археологические и архивные богатства Крыма еще очень мало изучены. Киммерийцы, тавры и скифы в Крыму, проблема развития скифского государства и культуры поздних скифов, своеобразие Боспорского государства, значение культурного наследия античных городов Крыма для последующей истории юга СССР, вопросы о сарматах, готах и, в особенности, славянах в Крыму, взаимоотношение крымских племен с Византией, страна Дори, Херсонес и Русь, Тмутараканское княжество, Сурожь и походы князя Бравлина – вот круг вопросов, которые необходимо исследовать на месте путем широкого использования крымского археологического материала». В заключении указывалось: «По изложенным причинам обком ВКП(б) и облисполком считают вопрос об организации базы Академии наук вполне назревшим и своевременным и просят открыть ее в Симферополе в составе следующих секторов: 1) геологии, геоморфологии и геофизики; 2) океанологии; 3) химии; 4) ботаники и почвоведения; 5) зоологии; 6) историко-археологического. Президиум АН СССР счел целесообразным создание Базы, объединив под ее эгидой учреждения и крымские экспедиции АН СССР. Главным условием, выдвинутым руководством Крыма, было обеспечение научных отделов Базы соответствующими помещениями и предоставление жилой площади сотрудникам, командированным в Крым на работу (Стрижова, Киселёв, 2015. С. 67–75).

Следует обратить внимание: если направления естественно-научной деятельности излагались довольно обобщенно, то историко-археологические задачи прописаны наиболее подробно. Возможно, данная записка составлялась при активном участии П.Н. Шульца.

В результате 1 июня 1947 г. Совет Министров СССР разрешил Президиуму АН СССР приступить к созданию Крымской научно-исследовательской базы. Руководство процессом на месте было поручено П.Н. Шульцу. 18 сентября 1947 г. создана комиссия Президиума АН СССР в составе академиков Б.Д. Грекова (председатель), И.И. Шмальгаузена, и др., командированная в Симферополь с целью разработки структуры Базы. К их приезду по инициативе П.Н. Шульца была созвана сессия по истории Крыма, посвященная 120-летию юбилею раскопок в Херсонесе и Неаполе Скифском (Юрочкин, 2016. С. 152–153).

В эти годы в крымской исторической науке особое звучание приобрел «славянский вопрос», выразившийся в стремлении показать древность пребывания на полуострове славянского (русского) населения. В послевоенном Крыму он стал своего рода тестом на патриотизм. При этом его разработка преследовала и вполне практические цели: показать переселенцам, что Крым издревле принадлежал их предкам, привить любовь к местной истории, необходимость сохранения памятников старины. Но первоначально к тезису «Крым – русская земля» историки Крыма, советско-партийное руководство области, а также АН СССР относились весьма скептически, и его крымчанам пришлось буквально отстаивать в высших инстанциях. И только когда удалось привлечь на свою сторону директора ИИМК А.Д. Удальцова, этот тезис на несколько лет стал доминирующим в исследованиях по истории Крыма (Юрочкин, 2021). Но уже тогда он сыграл и практическую роль в археологии: благодаря ему удалось спасти Инкерманский могильник первых веков в окрестностях Севастополя (Юрочкин, 2017).

23 декабря 1947 г. Президиум АН СССР принял окончательное решение о создании Крымской научно-исследовательской базы АН СССР (КНИБ), в ее состав должно было входить 6 секторов: почвоведения, ботаники, зоологии, химии, геологии, ботаники, истории и археологии. Что касается последнего, то руководство им поручалось П.Н. Шульцу. В числе направлений деятельности КНИБ в области истории и археологии указывалось «изучение истории Крыма, как неотъемлемого звена истории народов СССР и русской истории» (НА ИАКр. РАН. Ф. Р-2. Оп. 2. Д. 22. Л. 2).

В составе Сектора истории и археологии (СИА) формировались две группы: истории и археологии, под общим руководством П.Н. Шульца. Первыми научными сотрудниками СИА КНИБ стали в основном участники Тавро-Скифской экспедиции. Сложнее было с группой истории. На момент ее создания руководителем и единственным сотрудником был Павел Наумович Надинский – бывший первый секретарь Симферопольского горкома ВКП(б), еще в 1935 г. по болезни покинувший партийный пост и занимавшийся краеведческо-лекционной деятельностью. На первом этапе КНИБ в значительной степени являлась координирующим центром. Большинство сотрудников секторов совмещали работу с преподавательской деятельностью. Только в конце зимы 1948 г. в должности директора КНИБ был утвержден заместитель академика-секретаря Отделения истории и философии АН СССР, директор ИИМК, член-корреспондент АН СССР А.Д. Удальцов. Тот факт, что КНИБ возглавил именно авторитетный историк, конечно не случайность. В столице сознавали важность разработки исторического направления в жизни и науке полуострова. Более того, А.Д. Удальцов фигурировал в качестве руководителя одной из важнейших тем «Славяне в Крыму» (НА ИАКр. РАН. Ф. Р-2. Оп. 2. Д. 14). Однако загруженность А.Д. Удальцова на основной работе в Москве не позволила ему принимать активное участие в жизни крымских ученых и должность директора КНИБ для него в большей степени оставалась формальной. Всю работу на полуострове взяли на себя заместители директора Я.Д. Козин и ученый секретарь М.А. Кочкин. Впрочем, это несколько не помешало развитию КНИБ и формированию на ее основе сначала Крымского филиала АН СССР, а затем ряда академических институтов. Работа в СИА КНИБ дала путь в большую науку многим ученым, считающимся теперь классиками отечественной археологической мысли.

ЛИТЕРАТУРА

- Стрижова Т.П., Киселёв М.Ю.* 2015. «Крым с давних времен привлекал к себе внимание выдающихся деятелей науки». Документы об организации Крымской научно-исследовательской базы АН СССР. 1947–1948 гг. // Исторический архив. № 1. С. 66–79.
- Чемодуров Н.Н.*, 2020ю Деятельность Тавро-скифской экспедиции: к 75-летию научного предприятия // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в.н.э.). Т. 6. С. 260–283.
- Юрочкин В.Ю.* Сессии по истории Крыма и становление археологической науки в послевоенном Крыму // ИАКр. 2016. Вып. IV. С. 152–169.
- Юрочкин В.Ю.*, 2017. Инкерман-48 или первые спасательные раскопки в послевоенном Крыму // V Бахчисарайские научные чтения памяти Е.В. Веймарна. К 100-летию Бахчисарайского музея. Бахчисарай. С. 8–12.
- Юрочкин В.Ю.*, 2021. «Славянский вопрос» и академическая археология в послевоенном Крыму. К 120-летию Павла Николаевича Шульца (1901–1983) // РА. № 4. С. 179–189.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алкин Сергей Владимирович – к.и.н., с.н.с. Института Археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, г. Новосибирск.

Арефьев Анатолий Евгеньевич – специалист лаборатории археологии Енисейской Сибири СФУ, г. Красноярск; научный сотрудник Ачинского краеведческого музея им. Д.С. Каргаполова, г. Ачинск.

Бегунова Виктория Викторовна – с.н.с. отдела археологии, Смоленский государственный музей-заповедник, г. Смоленск.

Белозёрова Ирина Валентиновна – с.н.с. Отдела письменных источников, Государственный исторический музей, г. Москва.

Бессуднов Александр Николаевич – к.и.н., доцент кафедры отечественной и всеобщей истории института истории, права и общественных наук, Липецкий государственный педагогический университет им. П.П. Семёнова-Тян-Шанского, г. Липецк.

Бойко Андрей Леонидович – к.и.н., доцент, н.с. муниципального автономного учреждения «Музей истории города Ростова-на-Дону», г. Ростов-на Дону.

Бухарин Михаил Дмитриевич – д.и.н., академик РАН, гл.н.с., Институт Всеобщей истории РАН, г. Москва.

Вайтович Александра Владимировна – к.и.н., доцент кафедры информационных технологий и социально-гуманитарных дисциплин Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, г. Минск, Республика Беларусь.

Галкин Тимур Олегович – к.и.н., г.н.с., Музей-заповедник «Зарайский кремль», г. Зарайск.

Демирова Наталья Ильинична – к.и.н., зам. зав. Отдела письменных источников, Государственный исторический музей, г. Москва.

Жукова Елена Николаевна – к.и.н., доцент кафедры отечественной истории, Тверской государственный университет, г. Тверь.

Застрожнова Евгения Григорьевна – к.и.н., зав. отделом комплектования, обработки фондов и ведомственных архивов, Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, г. Санкт-Петербург.

Захарова Елена Юрьевна – д.и.н., профессор кафедры археологии и истории древнего мира, Воронежский государственный университет, г. Воронеж.

Кашуба Майя Тарасовна – к.и.н., зав. отделом археологии Центральной Азии и Кавказа, Институт истории материальной культуры, г. Санкт-Петербург.

Китова Людмила Юрьевна – д.и.н., профессор кафедры археологии, Кемеровский государственный университет, г. Кемерово.

Коробов Дмитрий Сергеевич – д.и.н., проф., зав. отделом теории и методики, Институт археологии РАН, г. Москва.

- Коротаев Алексей Васильевич** – начальник отдела археологии, Общество с ограниченной ответственностью «Строй-Эксперт», г. Санкт-Петербург.
- Кузьминых Сергей Владимирович** – к.и.н., в.н.с. Лаборатории естественнонаучных исследований, Институт археологии РАН, г. Москва.
- Медведева Мария Владимировна** – к.и.н., зав. Научным архивом, Институт истории материальной культуры, г. Санкт-Петербург.
- Мельникова Ольга Михайловна** – д.и.н., зав. кафедрой истории Удмуртии, археологии и этнологии, Удмуртский государственный университет, г. Ижевск.
- Паршикова Татьяна Сергеевна** – к.и.н., с.н.с. лаборатории древней и средневековой археологии Евразии, Алтайский государственный университет, г. Барнаул.
- Руденко Константин Александрович** – д.и.н., профессор Казанского государственного института культуры, г. Казань.
- Савенко Сергей Николаевич** – к.и.н., заслуженный работник культуры РФ, зав. сектором природы и археологии, Пятигорский краеведческий музей, г. Пятигорск.
- Сорокина Ирина Анатольевна** – к.и.н., с.н.с. отдела теории и методики, Институт археологии РАН, г. Москва.
- Стефанович Александр Викторович** – н.с. отдела книговедения ЦИСИР Центральной научной библиотеки имени Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси, г. Минск (Республика Беларусь).
- Тихонов Игорь Львович** – д.и.н., профессор кафедры археологии, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург.
- Ткачѳв Алексей Николаевич** – к.и.н., доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений, Кубанский государственный университет, г. Краснодар.
- Тубаев Мухамед Асланович** – директор департамента археологических исследований Фонда сохранения культурного и природного наследия, г. Нальчик.
- Тункина Ирина Владимировна** – д.и.н., чл.-корр. РАН, директор Санкт-Петербургского филиала Архива РАН, г. Санкт-Петербург.
- Чемодуров Николай Николаевич** – м.н.с. отдела археологии раннего железного века, Институт археологии Крыма РАН, г. Симферополь.
- Шумкин Владимир Яковлевич** – к.и.н., с.н.с., рук. неолитической группы отдела палеолита, Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург.
- Юрецкий Станислав Степанович** – к.и.н., директор Центральной научной библиотеки НАН Беларуси, г. Минск (Республика Беларусь).
- Юрочкин Владислав Юрьевич** – к.и.н., с.н.с. Института археологии Крыма, г. Симферополь.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ААЭ	– Архангельская арктическая экспедиция
АВСЗ	– Археология Владимиро-Суздальской земли
АКМ	– Ачинский краеведческий музей им. Д. С. Каргаполова
АКР	– Археологическая карта России
АлтГПА	– Алтайская государственная педагогическая академия
АН БССР	– Академия наук Белорусской советской социалистической республики
АН СССР	– Академия наук СССР
АН УССР	– Академия наук Украинской ССР
АП	– Археология Подмосковья
БАН	– Белорусская Академия наук
БАН	– Библиотека Академии наук
ВВАЭ ИА АН СССР	– Верхневолжская археологическая экспедиция Института археологии АН СССР
ВДИ	– Вестник древней истории
ВГПИ	– Воронежский государственный педагогический институт
ВГУ	– Воронежский государственный университет
ВКП(б)	– Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
ВОКМ	– Воронежский областной краеведческий музей
ВУАН	– Всеукраинская академия наук
ВЦИК	– Всероссийский центральный исполнительный комитет
ВЦСПС	– Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов
ГАИС	– Государственная Академия искусствознания
ГААК	– Государственный архив Алтайского края
ГАВО	– Государственный архив Владимирской области
ГАИМК	– Государственная Академия истории материальной культуры
ГАЛО	– Государственный архив Липецкой области
ГАРФ	– Государственный архив Российской Федерации
ГАСО	– Государственный архив Смоленской области
ГВСМЗ	– Государственный Владимиро-Суздальский музей-заповедник
ГИМ	– Государственный исторический музей
ГИПРОГОР	– Государственный институт по проектированию городов
ГМИИ	– Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина
ГРГ	– Главная рабочая группа оперативного штаба рейхсляйтера Розенберга
ДВО РАН	– Дальневосточное отделение РАН
ЗСФ АН СССР	– Западно-Сибирский филиал АН СССР
ИА АН СССР	– Институт археологии АН СССР
ИАИ РАНИОН	– Институт археологии и искусствознания РАНИОН
ИАК	– Императорская археологическая комиссия
ИАКр	– Институт археологии Крыма
ИАКр	– История и археология Крыма
ИА РАН	– Институт Археологии Российской Академии наук
ИАЭ	– Институт антропологии и этнографии

- ИБК – Институт белорусской культуры
ИГ АН СССР – Институт географии Академии наук СССР
ИГИ КБНЦ – Институт гуманитарных исследований Кабардино-
РАН Балкарского научного центра РАН
ИИАЭ – Институт истории, археологии и этнографии
ДВО РАН народов Дальнего Востока ДВО РАН
ИИМК – Институт истории материальной культуры АН СССР/РАН
ИИФФ СО – Институт истории, филологии и философии
АН СССР Сибирского отделения АН СССР
ИРГО – Императорское русское географическое общество
ИЯЛИ КарНЦ – Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра
КАС – Кисловодская археологическая секция краеведческого общества
и Кисловодского музея Н.Н. Михайлова
КБНИИ – Кабардино-Балкарский научно-исследовательский институт
КГПИ – Кемеровский государственный педагогический институт
КГПИ – Краснодарский государственный педагогический институт
КГУ – Калининский государственный университет
КГМУ – Курский государственный медицинский университет
КМВ – Кавказские Минеральные Воды
КНИБ – Крымская научно-исследовательская база АН СССР
КНЦ – Кольский научный центр
КолАЭ – Кольская археологическая экспедиция
Комвуз – Коммунистическое высшее учебное заведение
КФАН СССР – Кольский филиал АН СССР
КСИА – Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры
ЛАИ – Лаборатория археологических исследований при КГПИ
ЛИЛИ – Ленинградский историко-лингвистический институт
ЛКМ – Лебедянский краеведческий музей
ЛГУ – Ленинградский государственный университет
ЛОИА АН СССР – Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР
ЛО ИЭ – Ленинградское отделение института этнографии
МАО – Московское археологическое общество
МАЭ АН СССР – Музей антропологии и этнографии АН СССР
МГУ – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
МОГАИМК – Московское отделение ГАИМК
МО НАО – Музейное объединение Ненецкого автономного округа
НА ИАКр – Научный архив Института археологии Крыма Российской академии наук
РАН
НА ИА РАН – Научный архив Института археологии РАН
НА ИГИ – Научный архив Института гуманитарных исследований
КБНЦ РАН Кабардино-Балкарского научного центра РАН
НАН – Национальная академия наук
НАН – Национальная академия наук Беларуси
Беларуси

НАО	– Ненецкий автономный округ
НА ЮКМ	– Научный архив Юдиновского краеведческого музея
НВФ	– Научно-вспомогательный фонд
НГУ	– Новосибирский государственный университет
НИС КГУ	– Научно-исследовательский сектор Калининского государственного университета
НКВД	– Народный комиссариат внутренних дел СССР
НКМ	– Ненецкий краеведческий музей
ОПИ ГИМ	– Отдел письменных источников Государственного исторического музея
ОШР	– Оперативный штаб рейхслайтера Розенберга (Einsatzstab Reichsleiter Rosenberg)
ПГУ	– Петрозаводский государственный университет
ПКМ	– Пятигорский краеведческий музей
ПСРЛ	– Полное собрание русских летописей
РА	– Российская археология
РАИК	– Русский археологический институт в Константинополе
РАИМК	– Российская академия истории материальной культуры
РАН	– Российская академия наук
РАНИОН	– Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
РГИА	– Российский государственный исторический архив
РИ	– Российская история
РНФ	– Российский научный фонд
РО НА	– Рукописный отдел Научного архива Института истории
ИИМК РАН	– материальной культуры Российской академии наук
РОНО	– Районный отдел народного образования
СА	– Советская археология
САИ	– Свод археологических источников
СИА	– Сектор истории и археологии
СКНИИ	– Смоленский краеведческий научно-исследовательский институт
СКЭ ГАИМК	– Северо-Кавказская экспедиция ГАИМК
СМЗ	– Смоленский музей-заповедник
СО АН СССР	– Сибирское отделение АН СССР
СОКМ	– Смоленский областной краеведческий музей
СПбФ АРАН	– Санкт-Петербургский филиал Архива РАН
СТАЭ	– Согдийско-Таджикская археологическая экспедиция
СПбГУ	– Санкт-Петербургский государственный университет
ТАССР	– Татарская Автономная Советская Социалистическая Республика
ТГУ	– Томский государственный университет
ТСТМ	– Труды Секции теории и методологии РАНИОН
ТЦДНИ	– Тверской центр документации новейшей истории
ТЭО	– Технико-экономическое обоснование
УзФАН	– Узбекский филиал Академии наук
УФСБ по СПб и ЛО	– Управление федеральной службы безопасности по Санкт-Петербургу и Ленинградской области
ФАНД	– Фонд археологической научной документации
ФОН	– Факультет общественных наук

- ЦГАИПД – Центральный государственный архив историко-политических документов
- ЦИСИР – Центр исследования старопечатных изданий и рукописей НАН Беларуси
- ЦК ВКП(б) – Центральный комитет Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)
- ЦНА НАНБ – Центральный научный архив Национальной академии наук Беларуси
- ЦНБ НАН – Центральная научная библиотека имени Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси
- ЦНБ НАНБ – Центральная научная библиотека НАН Беларуси
- ЦМТР – Центральный музей Татарской Республики

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научное издание

**АКАДЕМИЯ НАУК И АРХЕОЛОГИЯ В РЕГИОНАХ:
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И СОТРУДНИЧЕСТВО (к 300-летию РАН)**

МАТЕРИАЛЫ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ

Дизайн и верстка: *С.В. Кожушков*

Подписано в печать 16.03.2025. Формат 60 × 90 1/8

Уч.-изд.л. 12,0. Тираж 300 экз.

Институт археологии Российской академии наук
117292, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

ISBN 978-5-94375-462-3

На обложке использована картина Л.С. Давиденковой «Университету - быть!»